

Ю. А. Тарасов

**ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
НА ТЕРРИТОРИИ
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ
В ПЕРИОД КОЛЧАКОВЩИНЫ:
факты, проблемы, решения**

Благовещенск
Издательство БГПУ
2013

УДК 94(571.61)
ББК 63.3(2-4Аму)612,14
Т 19

Тарасов, Ю. А.
Т 19 **Партизанское движение на территории
Хабаровского края в период колчаковщины /**
Ю. А. Тарасов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ,
2013. – 238 с.

ISBN 978-5-8331-0268-8

Книга посвящена наиболее проблемным вопросам истории партизанского и подпольного движения в Хабаровском крае с октября 1919 по февраль 1920 года. Она может быть интересна не только профессиональным историкам, но и самому широкому кругу читателей.

УДК 94(571.61)
ББК 63.3(2-4Аму)612,14

ISBN 978-5-8331-0268-8

© Издательство БГПУ, 2013

Оглавление

Введение.....	4
Историография.....	6
Глава 1. Партизанское и подпольное движение в бывшем Хабаровском уезде.....	8
Глава 2. Вопросы партизанского движения на Нижнем Амуре.....	70
Глава 3. Партизанское движение в районе реки Тунгуски.....	102
Заключение.....	137
Приложения.....	

Введение

В мае 1919 года вспыхнувший в Сибири чехословацкий мятеж полностью отрезал Дальний Восток от центральных областей Советской России. Четыре месяца спустя советская власть в крае пала под натиском белогвардейцев и интервентов, после чего здесь начался период подпольного и партизанского движения против белогвардейщины и интервенции, продолжавшийся, в общей сложности, более трёх лет. Однако на территории Хабаровского края белый режим просуществовал лишь менее полутора лет, с сентября 1919 по конец февраля 1920 года. Именно этими хронологическими рамками и ограничено содержание данной книги.

Несмотря на то, что о подпольном и партизанском движении в Хабаровском крае за прошедшие девять десятков лет было написано довольно много научных и околон научных работ, в его истории остаётся ещё немало белых пятен и тёмных мест. Особенно это касается датировки событий партизанского движения, многие из которых историки вынуждены поэтому обходить стороной или же упоминать о них, не указывая определённых дат. Да и некоторые из казалось бы давно установленных дат нуждаются сегодня в весьма существенной корректировке. Слабо разработаны также вопросы политической направленности и социального характера партизанского движения, степени участия в нём крестьянских масс.

В данной книге сделана попытка решения многих из указанных проблем. Для этого, в качестве главного инструмента исследования, автором выбран проблемный метод, давно уже известный исторической

науке, но почти не применявшийся ранее при разработке вопросов партизанского и подпольного движения на Дальнем Востоке. В процессе этой работы было использовано большое количество документов из государственных архивов Хабаровска, Благовещенска и Владивостока, а также весь уже опубликованный прежде материал по данной теме.

Несмотря на объединительное название, главное внимание в книге уделено истории партизанского движения в Хабаровском крае. Работа же подпольных организаций рассматривается лишь постольку, поскольку она касалась возникновения и деятельности партизанских отрядов. В более полном виде борьба подпольщиков Хабаровска и окружающих его станций и посёлков требует отдельного тщательного научного исторического исследования, а следовательно и отдельной книги.

Историография

Партизанскому движению в Хабаровском и Николаевском районах повезло в истории значительно больше, чем в других частях Дальневосточного края. Оно начало изучаться историками раньше, и исторических работ на эту тему было написано больше, причём первые четыре из них (одна из которых не опубликована) были выполнены современниками и участниками данных событий. В результате, партизанское движение этого района на сегодняшний день изучено в целом неплохо. Не хватает только завершающего труда, который бы привел к общему знаменателю весь накопленный предыдущими поколениями историков довольно разнородный материал, с учётом пока ещё не использованных ими свидетельств архивных документов.

Более точные сведения содержатся, по всей видимости, в двух самых первых работах, Д.Булатова и Бессонова, написанных по ещё свежим следам событий в 1-й половине 20-х годов, сразу после гражданской войны. Тогда ещё были живы большинство свидетелей событий, а сами историки ещё не научились врать в интересах своей карьеры и в соответствии с очередной политической линией партии. Правда, эта оценка не относится к первому периоду партизанской борьбы, свидетелями которого данные авторы не являются. Третья, неопубликованная работа Билибина, была написана в самом начале 30-х годов, на основе более ранних статей, и тоже не успела ещё покрыться налётом конъюнктуры и политиканства.

Наименее объективной выглядит четвёртая работа, написанная самим начальником штаба партизанских отрядов Д.Бойко-Павловым в середине

30-х годов, в атмосфере уже начавшихся политических репрессий Сталинского режима. В ней достаточно явно просматривается стремление автора представить себя в максимально выгодном свете в глазах партийно-политического руководства страны и его органов безопасности, даже путём частичного искажения исторической правды. В итоге именно эта работа в наибольшей степени удовлетворила политическим вкусам партийных цензоров и на долгое время осталась единственным официальным вариантом истории партизанского движения в Приамурье. Остальные две никогда не переиздавались и, по существу, не известны подавляющему большинству историков даже в нашей стране.

Только в период «Хрущёвской оттепели» была сделана первая попытка исправить наиболее явные искажения в истории подпольного и партизанского движения на территории Хабаровского края и Приморья, допущенные в предыдущий период. Автором этой «попытки» стал бывший участник гражданской войны на Дальнем Востоке В.П.Голионко, написавший книгу «В огне борьбы», опубликованную государственным издательством политической литературы в 1958 году. И хотя недостаток ссылок на источники не позволяет считать эту книгу подлинно научной работой, она дала историкам дополнительный сравнительный фактический материал для анализа и обобщений.

История подпольного движения в Хабаровске наиболее точно на тот момент была освещена в статье Е.И.Елизаровой и В.И.Чернышёвой «Из истории Хабаровской городской партийной организации (1917-1922)»¹. Других работ, серьёзно двинувших вперёд изучение этой темы, до сих пор написано не было.

Глава 1

Партизанское и подпольное движение в бывшем Хабаровском уезде

1. Вопросы возникновения Хабаровской подпольной организации

Советская историография долгое время рассматривала историю борьбы Хабаровских подпольщиков от начала и до конца как деятельность единой организации. Лишь в начале 60-х годов исследование этого вопроса хабаровскими историками Е.И.Елизаровой и В.И.Чернышовой заставило отказаться от такой точки зрения. Изучив все имеющиеся в их распоряжении источники, они пришли к выводу о существовании на территории Хабаровска двух первоначально не связанных между собой подпольных групп². Обе они образовались практически одновременно и обе сыграли свою роль в зарождении партизанского движения в Приамурье.

Одна из них (очень маленькая по составу) сложилась в октябре 1918 года из бывших работников Центросибири вокруг комиссара финансов Б.А.Славина, прибывшего в Хабаровск за несколько дней до падения Советской власти уже законспирированным под фамилией коммерсанта Болотина. Кроме него в Хабаровске было законспирировано ещё человек семь «иркутян-большевиков». В начале октября к ним присоединился скрывавшийся до этого в Благовещенске заместитель председателя Центросибири Н.А.Гаврилов³.

В распоряжении Б.Славина имелась довольно крупная сумма денег (200 тысяч рублей⁴), которые и стали важным средством поддержания подпольной

работы не только в самом Хабаровске, но и в ряде других городов Дальнего Востока и Забайкалья. Уже в конце сентября связная Б.Славина Ксения Постоловская посетила г. Благовещенск, где ей удалось разыскать несколько бывших членов Центросибири и передать им «деньги для подпольной работы и семьям погибших товарищей». В декабре она с той же целью выехала в Харбин, Читу, Верхнеудинск и Иркутск. В промежутке между этими выездами К.Постоловская дважды побывала во Владивостоке, с подпольной организацией которого в итоге тоже была установлена связь⁵.

Таким образом, и во Владивостоке и в Благовещенске связь осуществлялась только с осевшими в этих городах небольшими «колониями» «центросибирцев». С местными же подпольными организациями никакой связи у группы Б.Славина, судя по всему, тогда не было. Об этом говорит, в частности, тот факт, что посланные Ф.Н.Мухиным для установления такой связи через Хабаровск во Владивосток Волкодав, а затем К.Кидал, ни о каких контактах с хабаровскими подпольщиками в своих воспоминаниях не сообщают. Да и в воспоминаниях К.Постоловской совершенно нет упоминаний ни об организации Ф.Мухина, ни о каких-либо её участниках. Приезжавшие же для связи в Хабаровск из Владивостока М.М.Сахьянова и другие являлись в то время представителями группы укрывшихся там бывших советских работников Сибири и Забайкалья.

Вплоть до марта 1919 года группа Б.Славина активной боевой работой практически не занималась. Судя по воспоминаниям К.Постоловской, её деятельность ограничилась в основном сколачиванием «беспартийного, но преданного Советам актива, через который проводила политико-массовую и

организационную работу среди рабочих и трудящихся Хабаровска и его окрестностей»⁶. В конкретной форме это выражалось в установлении связи с профсоюзами печатников и рабочих арсенала, а также с Имано-Хабаровским союзом учителей. Был налажен контакт и с некоторыми солдатами американских войск.

Параллельно с ячейкой Б.Славина и М.Гаврилова в сентябре 1918 года в Хабаровске образовалась также подпольная группа, руководимая Д.Бойко. Она в основном состояла из оставшихся в городе бывших сотрудников милиции, существовавшей при городском исполкоме в период первых Советов. В своих опубликованных воспоминаниях Д.Бойко утверждает, что эта группа сразу же оформилась в комитет и занялась активной подпольной работой⁷. Однако в официальной биографии, написанной в мае 1922 года, Д.Бойко честно признаётся, что три месяца (то есть до начала декабря — Ю.Т.) только «наблюдал за террором атамана Калмыкова», и лишь потом «стал вести подпольную организацию с целью разложить калмыковскую банду и перерезать золотопогонников»⁸.

Группа Бойко развернула активную работу по организации «революционных ячеек» в самом Хабаровске, в ближайших к нему сёлах и, даже, в воинских частях. По словам Д.Бойко, именно его организация подготовила и осуществила восстание в казачьем полку 28 января 1919 года, сразу после неудачи которого многие её члены вынуждены были покинуть Хабаровск и укрыться в окрестных деревнях. Позже некоторые участники этой подпольной организации, во главе с самим Д.Бойко, выехали в Полетнинскую волость, где приступили к организации восстания среди крестьян. Оставшихся в Хабаровске членов группы возглавили Штылёв и Г.Гнатенко⁹.

К февралю 1919 года, то есть вскоре после бегства из Хабаровска Д.Бойко, сформировалась подпольная организация на базе Амурской флотилии. Её возглавил М.М.Гуртов. С самого начала своего существования эта организация занималась сбором оружия и других материалов для зарождавшихся партизанских отрядов Приамурья¹⁰. Позднее, на её основе будет сформирован самостоятельный партизанский отряд А.Кочнева.

Помимо хабаровских подпольных организаций к весне 1919 года уже существовали в Приамурье несколько подобных им групп на станциях железной дороги и в некоторых деревнях. На станции Вяземской, в частности, вели работу А.Погорелов, Г.Коваль, Горбач, Михаил и Роман Власюки, а на ст. Бикин — Пиварчук¹¹. Д.Бойко, правда, утверждает, что все они были связаны с его организацией, однако достаточных доказательств этому в других источниках нет, а только его словам, как показывает практика исследовательской работы по данному вопросу, доверять нельзя.

Безусловно самостоятельно образовалась подпольная группа И.П.Шевчука в с. Архангельском на р. Тунгуске, а также созданная близ устья той же реки бывшим комиссаром просвещения в Дальсовнаркоме С.П.Щепетновым партизанская база в д. Ново-Каменке. По сообщениям Хабаровских газет, организация Щепетнова была разгромлена в ходе специальной операции японцами 31 января 1919 года. В результате ими были захвачены 200 винтовок с патронами и трое пленных, в том числе и сам Щепетнов, который затем был убит при попытке к бегству на обратном пути¹².

До сих пор, правда, в исторической литературе использовалась другая версия гибели С.П.Щепетнова, согласно которой он был арестован и замучен

калмыковской контрразведкой, а затем живым спущен под лёд реки Амур. Эта версия опирается на свидетельство В.П.Голионко, который ссылался на хвастливые рассказы на гауптвахте одного из калмыковских палачей Бусыгина, утверждавшего, что «он лично готовил проруби, в которые потом сам же спускал большевиков», причём «делались поручения арестовать того или иного большевика, но так, чтобы в юридический отдел они не попадали»¹³. Однако в данном воспоминании В.Голионко не ясно, Бусыгин ли рассказал ему о такого рода аресте и гибели Щепетнова или же Голионко сам распространил эти довольно абстрактные описания на случай с Щепетновым.

В точности данного описания заставляет усомниться подобного же рода «свидетельство» начальника жандармской команды Кобыляченко, который, по утверждению бывшего подпольщика г. Николаевска Лаптева, «хвалился среди своих знакомых, что он в деревне арестовал ... Щепетнова, которого, везя в Хабаровск, по пути замучил, отрубил ему ноги и, всадив ему несколько пуль, спустил его под лёд в реку Амур»¹⁴. Рассказы Кобыляченко и Бусыгина действительно можно принять за правду если бы не одно «но»: согласно сообщению газеты, в экспедиции участвовали, помимо японцев, только два белогвардейца — казаки Булов и Аминов, посланные туда в качестве проводников. При этом, во время попытки побега, Щепетнов ранил Булова, но затем был убит Аминовым из карабина¹⁵.

Всего в 15-20 километрах к югу от подпольной группы Щепетнова к весне 1919 года проживали на китайском берегу Амура, против русского селения Нижнеспасское, по разным данным от 50¹⁶ до 100¹⁷ бывших красногвардейцев, советских работников и

комиссаров, бежавших из Хабаровска или перебравшихся сюда зимой из Амурской области. В составе этой группы находились тогда и будущие известные партизанские командиры Приамурья Г.С.Мизин и М.Е.Попко.

Приблизительно в марте 1919 года в состав руководимого Б.Славиным комитета вошёл бежавший из Красноярской тюрьмы П.И.Луненко, а чуть позже - приехавший из г. Благовещенска после гибели Ф.Н.Мухина и распада городской подпольной организации бывший военный комиссар Забайкалья Г.Н.Аксёнов. Как пишет К.Постоловская «к этому времени мы уже связались с некоторыми местными коммунистами ... это дало возможность в конце марта создать в Хабаровске большевистский подпольный комитет под председательством Славина и с членами комитета Гавриловым, Аксёновым, Луненко и Постышевым, причём последнего избрали заочно»¹⁸.

Этот более широкий руководящий центр подпольной организации советские историки, а вслед за ними, по привычке, и современные российские учёные, считают возрождённым партийным комитетом РКП(б). Однако на самом деле это был межпартийный орган, поскольку как минимум один из его членов не был коммунистом. Г.Н.Аксёнов, по своей партийной принадлежности, являлся тогда эсером-максималистом¹⁹. К.Постоловская, видимо, имела в виду советскую направленность этой организации, поскольку сторонников Советов в то время и красные и белые часто поголовно называли большевиками.

По-видимому, создание данного комитета просто оформило объединение вокруг организации Славина некоторых разрозненно действовавших до этого в подполье мелких групп и отдельных лиц. Этот вывод

подтверждает в своей книге и В.П.Голионко, написавший, что подпольщики Хабаровска «в апреле избрали свой комитет»²⁰. Некоторое расхождение в датах, в данном случае, не столь существенно, поскольку речь здесь идёт явно об одном и том же событии.

Апрельская дата была взята В.Голионко, по-видимому, из протокола краевой партийной конференции от 16 марта 1920 года, где докладчик от Хабаровской партийной организации Ершов сообщал, что «до апреля 1919 года в городе Хабаровске партийной организации не было, работали отдельные товарищи... В апреле создалась небольшая организация»²¹. Данное сообщение, между тем, скорее всего не имеет прямого отношения к образованию подпольного комитета. Здесь идёт речь о создании именно городской партийной организации, что вполне могло тогда произойти, учитывая довольно высокую концентрацию коммунистов в руководстве хабаровского подполья.

Ещё накануне объединения, тоже в марте, группу Б.Славина посетил прибывший через Владивосток с директивами из Москвы Д.Д.Киселёв. Он передал местным коммунистам указание Центра возглавить и усилить партизанское движение в сельских районах края. С этого времени, по словам К.Постоловской, «начался новый этап — расширение массовой работы, установление связи с боевыми партизанскими группами»²². Хабаровский комитет должен был стать теперь центром не только подпольной, но и партизанской борьбы.

Одновременно продолжала существовать и подпольная организация, созданная в городе Д.Бойко и руководимая к тому времени Штылёвым²³. Прямой

связи между ней и Хабаровским комитетом, по-видимому, не было. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что все описания состава обеих организаций никогда не пересекаются на общих для них фамилиях. Бойко-Павлов не называет в своих воспоминаниях ни Б.Славина, ни других руководителей Хабаровского комитета. Он упоминает, правда, среди погибших подпольщиков Г.Н.Аксёнова²⁴, но о его гибели он мог прочитать ещё в журнале «Голос максималиста», издававшемся в 1920-1921 годах в ДВР.

Даже провокаторы, провалившие руководство этих организаций, были разными: Розенблат - для Хабаровского комитета²⁵, и Струков - для группы Бойко и Штылёва²⁶. Последняя, таким образом, приступила к организации повстанческого движения против режима атамана Калмыкова самостоятельно. Создание базы повстанцев на территории Полетнинской волости Хабаровского уезда происходило без ведома и участия Хабаровского подпольного комитета. Только в мае, уже на реке Хор, появилась возможность установления связи между обоими организациями, поскольку, по данным В.П.Голионко, М.Попко был направлен в этот район именно Хабаровским подпольным комитетом в качестве своего представителя²⁷.

II. Партизанское движение в бывшем Хабаровском уезде

1. Вопросы начала партизанского движения

Самым первым собственно партизанским отрядом на территории Хабаровского уезда можно считать отряд Соколова, образованный в долине реки

Хор в марте 1919 года. Создание его явилось плодом довольно интенсивной подготовительной работы подпольной группы Д.Бойко. Полетнинская волость далеко не случайно привлекла внимание подпольщиков как возможный центр повстанческого движения всего уезда. Она действительно максимально подходила для этого по многим показателям:

Во-первых, в среднем течении р. Хор и на его притоках располагались тогда склады продовольствия и материалов известного лесопромышленника Синкевича, запасы которых могли на долгое время полностью обеспечить потребности даже крупного партизанского отряда. Во-вторых, долина р. Хор была связана с районом Хабаровска только железно-дорожной линией и колёсным трактом, то есть просёлочной дорогой, идущей в 20-25 километрах восточнее железной дороги, параллельно ей, по таёжной долине реки Сита. Между ними лежал не очень высокий (высотой чуть более 400 метров), но труднопроходимый из-за большой лесистости и отсутствия каких-либо дорог хребет Малый Хехцыр (сейчас здесь расположен Хехцырский заповедник). К востоку же от тракта до самого Сихотэ-Алиня простиралась совершенно не освоенная, трудно проходимая летом и в межсезонье заболоченная тайга.

В третьих, эта волость находилась достаточно далеко от Хабаровска, чтобы не опасаться внезапных нападений оттуда японцев или казаков. И, наконец, в четвёртых, часть населения волости ранее уже выявило готовность воевать за Советскую власть. Ещё летом 1918 года оно выставило до 160 добровольцев на Уссурийский фронт. После падения Хабаровска все они разошлись по своим деревням. Там же нашли себе приют и часть красногвардейцев из южных районов Приморья. Осенью здесь вела агитацию скрывавшаяся

на рыбалке группа бывших советских работников во главе с М.Попко²⁸. Зимой ту же работу проводил с местным населением комиссар из Южного Приморья Ильин²⁹. И хотя в обоих случаях пропаганда не была доведена до конца, она всё же подготовила в Полетнинской волости определённую почву для начала тут партизанской борьбы весной.

К тому времени, под воздействием белогвардейского террора, настроение крестьянства во всём уезде уже резко изменилось в пользу Советской власти. Бывшие местные красногвардейцы, скрывавшиеся до тех пор на охотничьих заимках и лесозаготовках в тайге, стали организовывать из недовольных крестьян подпольные группы в своих деревнях, готовые по первому знаку принять участие в восстании или партизанском движении против белых властей. Ещё одним резервом организаторов этой борьбы стали военнопленные красноармейцы, которых с конца 1918 года сотнями и тысячами привозили в «поездах смерти» с фронта на Дальний Восток. Многим из них удавалось бежать из лагерей и вливаться в ряды подпольщиков и партизан.

Приехав на реку Хор в феврале 1919 года Д.Бойко сразу же поручил местному советскому активисту П.Д.Слободчикову определить количество продовольствия и одежды на складах Синкевича. Когда выяснилось, что там имеется до 1400-1500 пудов муки, не считая круп, сала, одежды, инструментов и пр., Д.Бойко сразу же приступил к организации в Полетнинской волости конференции представителей всех известных ему подпольных организаций уезда и крестьян этой и окружающих волостей. Правда, сам он необоснованно называет её Съездом трудящихся Приамурья³⁰.

Целью данной конференции было поднять крестьянство на восстание против Калмыковского режима и не допустить мобилизации сельской молодёжи в белую армию Колчака, последний срок которой истекал 15 марта. Д.Бойко, правда, говорит только о подготовке партизанского движения, и термин «восстание» предпочитает не употреблять. Однако Безсонов в 1-й половине 20-х ещё не стеснялся этого слова и однозначно свидетельствовал о попытках подпольщиков в тот момент разжечь огонь восстания в деревнях³¹.

Дата конференции в разных воспоминаниях указана одна и та же — 10-12 марта 1919 года³². Проводилась она на заимке Порфирия Сысоева недалеко от деревни Соколовки³³. Участвовало на ней, по утверждению Д.Бойко, 76 делегатов, причём более половины приехали из Хабаровска³⁴. Около 20 представителей было от крестьян³⁵. Остальные представляли, по-видимому, хабаровскую подпольную организацию Д.Бойко, подпольщиков Базы Амурской военной флотилии и группу бежавших из плена красноармейцев (9 человек во главе с Н.Я.Истоминим³⁶). 30% всех делегатов, то есть 25-26 человек, по данным В.П.Голионко, были рабочими³⁷.

В основном, свою задачу конференция выполнила. Правда поднять крестьян на массовое восстание всё же не удалось. По свидетельству Н.Я.Истомина, крестьянство «так хотело повести дело, что вы, мол, ребятки воюйте, а мы вам будем способствовать, а активно выступать пока нас не беспокойте»³⁸. Причиной такой осторожности крестьян, видимо, во многом являлась нехватка оружия в деревнях, поскольку значительная его часть уже была конфискована белыми властями в предыдущий период.

На конференции было принято решение приступить к формированию на территории волости партизанского отряда и избран Военно-революционный штаб во главе с Д.Бойко, который как раз в это время получил свою конспиративную кличку «Павлов». Д.Бойко-Павлов утверждает, что в состав данного штаба вошли также Н.Кочнев, Н.Истомин, Кривулин, С.Ткач, Сысоев, П.Слободчук, Рыбаков, М.Шупило, В.Щукин и Зубков. При этом Н.Кочнев и Кривулин (левый эсер) были представителями подпольной организации Базы Амурской флотилии³⁹, Н.Истомин — группы красноармейцев, а большинство остальных являлись руководителями местных подпольных ячеек в деревнях.

Далее Бойко-Павлов сообщает в своих воспоминаниях, что он был избран на съезде «командующим партизанским движением Приамурья и Сахалина»⁴⁰. Между тем, один из бывших членов партизанского штаба Д.Бузин-Бич, в своей рецензии на статью Бойко-Павлова писал в 1935 году, что последний в 1919 году «был только председателем Военревштаба, который именовался сначала Ревштабом Хабаровского района, и лишь в конце 1919 года ... стал именоваться «Военревштаб Хабаровского и Николаевского районов»⁴¹. К тому же, функции самого Бойко-Павлова, предоставленные ему съездом, по утверждению Д.Булатова ограничивались агитационной работой среди крестьянского населения.

Командиром же партизанского отряда на конференции был избран Соколов⁴². Это, пожалуй, самая загадочная фигура среди всех руководителей партизанского движения в Приамурье. Бойко-Павлов утверждает, что Соколов — это псевдоним В.Щукина — рабочего с лесоразработок фирмы Синкевича⁴³ (на реке Хор — Ю.Т). Однако в другом месте этой же

своей работы он писал, что Соколов являлся рабочим завода Арсенал и приехал на Соколовский съезд из Хабаровска⁴⁴. Второе утверждение косвенно подтверждает также один из участников этого съезда от местных крестьян, свидетельствовавший, что «знающие товарищи Бойко и Соколов» прибыли в Полетнинскую волость со стороны⁴⁵.

Бойко-Павлов не называет Соколова среди членов военно-революционного штаба, зато в его списке присутствует фамилия Зубков. Именно Зубкова ещё один член штаба Н.Истомин называет заместителем Бойко-Павлова, руководившим всем отрядом какое-то время после Соколовского съезда, когда Бойко-Павлов уезжал в Хабаровский район по своим подпольным делам⁴⁶. Таким образом, Соколов и Зубков — это, очевидно, одно и то же лицо. Этой же точки зрения придерживался В.П.Голионко⁴⁷, а также авторы 3-го тома Истории Дальнего Востока России, опиравшиеся на данные, собранные хабаровским историком Г.Г.Левкиным⁴⁸.

Дополнительным её подтверждением является сообщение в белогвардейской газете о том, что по свидетельству захваченных в плен партизан, «главарём» оперировавшей тогда в Полетнинском районе Хабаровского уезда «шайки» «являлся Зубков, действовавший под фамилией Сикачева»⁴⁹. Некоторое искажение второй фамилии в данном случае могло произойти либо из-за неверного прочтения автором статьи этого слова в рукописном протоколе допроса партизан, либо по ошибке допрашиваемых. Ведь с момента описываемых в статье событий прошло к тому времени уже около полугода.

Нежелание Бойко-Павлова назвать подлинную фамилию своего заместителя объясняется, возможно,

тем обстоятельством, что в марте 1920 года Соколов «с группой своих приближённых ушёл из отряда и впоследствии оказался за границей»⁵⁰. Учитывая этот факт, Соколова вряд ли можно считать членом большевистской партии или даже просто сочувствующим ей. Афишировать имя такого соратника в 30-е годы было небезопасно.

Образовавшийся на Соколовской конференции Революционный штаб первоначальным местом своего пребывания избрал д. Каменец-Подольскую, а через несколько дней перебрался в д. Бичевую⁵¹, самую дальнюю от железной дороги на реке Хор. Там и была образована первая действующая партизанская база в Приамурье. Костяк партизанского отряда составили прибывшие из Хабаровска подпольщики и скрывавшиеся в его окрестностях бывшие советские работники и красногвардейцы, а также местные члены подпольных групп в деревнях. В апреле (а по данным В.П.Голионко в мае — Ю.Т.) сюда перешли из Нижнеспасского ещё около 50 человек во главе с М.Попко, который сразу же был включён в состав ревштаба⁵².

И всё же основную массу бойцов отряда составила необученная крестьянская молодёжь⁵³, которой подошёл срок мобилизации в армию Колчака. Общая численность партизан, по мнению Безсонова, составляла около 500 человек⁵⁴. Однако сам Безсонов не был непосредственным свидетелем этих событий. По утверждению же члена ревштаба П.Д.Слободчикова, «к маю собралось сотни три»⁵⁵. Возможно, он имел в виду только вооружённых бойцов, так как М.Попко свидетельствует, что около 150 партизан оружия тогда вообще не имели⁵⁶. Для остальных пришедших в отряд без оружия винтовки нашлись. В основном это были

берданки, собранные по русским и корейским деревням в долине реки Хор⁵⁷. Несколько десятков трёхлинейных винтовок привезли подпольщики с Базы Амурской флотилии, где они были закопаны местными красногвардейцами после падения советской власти⁵⁸.

Ещё одной проблемой партизанского штаба стала переброска продовольствия и одежды с таёжных складов Синкевича в д. Бичевую. До начала таяния льда на реке специально выделенному подразделению партизан удалось перевезти на свою базу лишь малую часть имущества с ближайшего склада Синкевича, расположенного на притоке Хора р. Матай. С конца марта на поверхности льда появилась вода, и всякое передвижение без резиновых сапог (которых у партизан не было, а кожаные сапоги почти у всех уже износились и пропускали воду) стало практически невозможным. Берега же рек ещё оставались покрыты глубоким слоем мокрого снега, что сильно затрудняло передвижение по суше.

Было решено сплавить груз по реке, после освобождения её ото льда. Для этого был построен даже специальный баркас. Однако начало перевозки совпало с первой боевой операцией партизан на разъезде Хор и последовавшей за ней карательной экспедицией японцев и казаков. В результате, доставить продукты и одежду на партизанскую базу вовремя так и не удалось⁵⁹.

2. Вопросы Хорского боя

Хорский бой — одна из самых малоизученных тем в истории партизанского движения на территории Хабаровского края. Не ясна даже дата этого события.

По утверждению Бойко-Павлова это произошло во 2-й половине апреля. М.Попко отодвигает данный бой на конец апреля. Ещё один непосредственный свидетель С.Д.Чихунов приводит совершенно несовместимую с первыми двумя, но более конкретную дату — 27 мая. В.П.Голионко где-то обнаружил и ещё один вариант — 19 мая⁶⁰. Настоящая же дата определяется сообщениями газет того времени. По их данным, наступление японцев и казаков на расположение партизан в данном районе началось 31 мая⁶¹, а поскольку это произошло на следующий же день или через день после Хорского боя, то последний состоялся 29 или 30 мая.

Не ясно кто командовал партизанами в Хорском бою. Бойко-Павлов приписывает всё руководство себе, однако М.Попко и ряд других свидетелей тех событий утверждают, что отряд на эту операцию повёл Соколов⁶² (то есть Зубков — Ю.Т.).

Одной из целей нападения отряда на разъезд Хор был захват оружия у охранявшего его японского гарнизона. Бойко-Павлов, правда, основной причиной считает желание партизан отомстить японцам за насилия их над крестьянами ближайших к железной дороге деревень⁶³. Операция была плохо продумана и, как оказалось в последствии, время для её проведения было выбрано крайне неудачно. Вышедшая из берегов после затяжных дождей река и распутица сильно затрудняли как подступы к самим объектам нападения, так и возможность организованного отхода партизан в тайгу в случае ответного наступления врага.

Не совсем понятен и объект наступления партизан. Бойко-Павлов пишет сначала, что было решено уничтожить гарнизон станции Хор, но затем описывает штурм партизанами казармы, расположенной

в 100 шагах от железнодорожного моста через реку Хор. Между тем, расстояние между мостом и постройками станции Хор около двух километров. То есть, это совершенно разные объекты. Однако Бойко-Павлов упоминает ещё и третий пункт — мост через реку Кия, который также был атакован партизанами в ходе этой операции⁶⁴. Кроме того, есть свидетельства, что непосредственно перед нападением на мост и станцию партизанами был захвачен лесоперерабатывающий завод Скидельского на берегу Хора недалеко от железной дороги⁶⁵. Таким образом, данная операция носила довольно масштабный характер и в ней должно было участвовать, как минимум, три отряда.

Бойко-Павлов, кстати, утверждал, что силы партизан были разделены первоначально на четыре пехотных, один кавалерийский и один сапёрный отряды⁶⁶. Под сапёрами, он видимо подразумевал невооружённых членов отряда, которые были сведены в отдельное подразделение. В других же воспоминаниях говорится не об отрядах, а о взводах и ротах, на которые был разбит весь отряд.

Немногочисленной кавалерией (17 человек⁶⁷), по данным Бойко-Павлова, командовал М.Изотов, а командирами пехотных подразделений были Гармашов, Рубель, И.Румянцев и Соколов. Последние двое были представителями городских рабочих⁶⁸, что говорит о разделении командных должностей в отряде между местными и хабаровскими подпольщиками. О том, что Соколов имел собственный взвод свидетельствует и один из бывших его бойцов П.Е.Ивахниншин⁶⁹. В воспоминаниях других бывших партизан этого отряда упоминаются командиры взводов крестьянского происхождения Рубель⁷⁰ и Ф.С.Шахрай⁷¹. Возможно, Гармашов стал командиром несколько позже хорских

событий, сменив Шахрая.

По воспоминаниям Н.Истомина, весь отряд был разбит на две роты: «отдельно городская рота и отдельно крестьянская рота», при этом, «городская рота как будто больше имела к себе революционного доверия, чем крестьянство»⁷². По-видимому, «городская» рота была сформирована на основе группы прибывших из Хабаровска членов подпольной организации, которую сам Бойко-Павлов определяет в 67 человек⁷³, и пришедших вместе с М.Попко 50 человек, скрывавшихся в Нижнеспасском⁷⁴. Общее же число «пришлых людей» в отряде по данным белогвардейских газет доходило до 150 человек⁷⁵. Данное обстоятельство привело к серьёзным проблемам во взаимоотношениях среди командного состава отряда. Как пишет Истомин, «в это время у нас образовались распри между членами штаба ... образовалось такое положение, что рабочие шли против крестьян»⁷⁶.

Неясно определён и исход боя. Бойко-Павлов утверждает, что операция закончилась успешно, однако анализ его собственного описания этого боя заставляет прийти к совсем другим выводам. Из текста его воспоминаний, в частности, следует, что: во-первых, партизанам удалось ворваться только в одно из помещений казармы; во-вторых, японцы только на первых порах не смогли вести организованный огонь; в третьих, партизанам удалось захватить лишь часть вооружения и боеприпасов противника; и в четвёртых, весь бой длился всего 40-50 минут⁷⁷.

Все эти данные однозначно свидетельствуют, что партизанам так и не удалось захватить казарму японского гарнизона и уничтожить засевшего там противника. Более того, им самим пришлось поспешно отступить, отказавшись от доведения своего дела до

логического конца. Кстати, именно таким образом оценил исход данной операции один из бывших бойцов этого отряда, к сожалению оставшийся неизвестным. По его утверждению, в ходе начавшегося боя «японцы стали сильно отстреливаться и партизаны должны были отступить. Партизаны, состояли в большинстве из деревенских ребят, из молодёжи, и струсили...»⁷⁸.

Не объясняет Д.Бойко-Павлов и причину задержки отхода партизан после боя на свою базу в д. Бичевой. Ведь на обратный путь им потребовалось почти трое суток, в то время как до места боя отряд добрался всего за один ночной переход⁷⁹. Первоначально партизаны отступили в д. Святогорье, находящуюся примерно в 30 километрах от линии железной дороги. Там они находились, видимо, не менее двух суток, поскольку на переправе через р. Хор у д. Бичевой они появились только на третий день к вечеру после боя, а расстояние до неё от Святогорья меньше 15 километров.

Возможно, именно в Святогорье партизаны намеревались дать бой преследующему их отряду японцев и казаков, начавшему своё наступление на партизанский район, по свидетельству М.Попко, лишь «на второй день» после Хорского боя⁸⁰. Между тем, на станцию Верино (теперь ст. Переяславка) войска интервентов и калмыковцев прибыли в день боя уже к 10 часам утра⁸¹, то есть всего через 2-3 часа после отступления партизан. Такая задержка преследования имела свой смысл, поскольку, другой карательный отряд в это время двигался от ст. Верино вдоль реки Кия на Бичевую⁸², то есть в тыл партизанам. Только поняв, видимо, что их окружают, партизаны, уже преследуемые по пятам противником, спешно двинулись к д. Бичевой, а оттуда, не задерживаясь, -

прямо в тайгу.

Ещё на левом берегу Хора партизанам, по утверждению Бойко-Павлова, пришлось выдержать ряд боёв, в которых было потеряно немало бойцов и командиров. Подтверждается этот факт и сообщениями газет⁸³. Значительные потери несли партизаны также в стычках с казаками в ходе дальнейшего отступления в тайгу⁸⁴. Но и оторвавшись от противника отряд продолжал терять много людей, поскольку поспешный отход из Бичевой не позволил партизанам захватить с собой большую часть даже уже имевшегося там продовольствия. Взяли только лошадей и быков Синкевича. Не хватало одежды, хлеба, даже сухарей. Совсем не было соли.

К тому времени, вследствие сильных дождей, таёжные ручьи и реки вышли из берегов и превратили эти места в большое болото, на котором нельзя было найти никаких троп и, тем более, дорог. Скот пройти здесь не мог, и его весь пришлось забить. Партизаны питались какое-то время только жареным мясом без соли, отчего вскоре в отряде началась эпидемия дизентерии. Проводник быстро потерял дорогу и затем партизаны вынуждены были идти только по компасу и карте⁸⁵. Как пишет Бойко-Павлов, они прошли по тайге, петляя и кружа, около тысячи километров прежде, чем им вновь удалось выйти к жилью. За время этого похода отряд потерял большую часть своего личного состава, причём многие бойцы сами покинули его.

Несмотря на все потери, Бойко-Павлов оценивал численность отряда в момент выхода к д. Михайловке в 200 человек, считая раненных и больных⁸⁶. Такую же цифру называют и газеты того времени⁸⁷. Однако есть и другие точки зрения. В.П.Голионко, в частности, исчислял отряд, на момент ухода его в тайгу, в 250

человек, а после выхода оттуда — в 150⁸⁸. Значительно меньшую цифру называет М.Попко. По его свидетельству, «за этот период из 150 ушедших в тайгу ..., осталось около ... 30 человек»⁸⁹. И это утверждение больше всего похоже на правду. Последняя цифра, по-видимому, определяет число здоровых членов отряда.

Остальные две трети партизан Хорского отряда остались в окрестностях своих сёл. По воспоминаниям Ф.Т.Самойлова, отвечавшего за перевозку на партизанскую базу продуктов со складов Сенкевича, сразу после распада отряда ему удалось найти группу партизан во главе с Рубелем около д. Бичевой, группу Соколова на базе Сенкевича выше по реке Хор, и ещё около 30 партизан из трёх деревень хорского левобережья — на ближайшей к югу речке Гольде. С Соколовым были взводные Шахрай и Румянцев, а также ещё чуть более десятка партизан⁹⁰.

Таким образом, все четыре взводных командира и сам командир отряда с частью своих людей отделились от основных сил ещё до ухода их в тайгу. Раскол отряда произошёл, видимо, ещё на левом берегу Хора, в д. Святогорье или в Каменец-Подольской. Почти весь рядовой личный состав из крестьян разошёлся по домам, либо попрятался в тайге неподалёку от своих деревень. По мнению Безсонова, причиной этого распада стало «присутствие в штабе отряда преступных элементов», что «привело к деморализации и подорвало авторитет партизан в лице крестьянского населения». Под преступными элементами он имел в виду, вероятно, самого командира отряда Соколова (которого ушедшие с Бойко-Павловым партизаны даже хотели расстрелять⁹¹) и всех командиров пехотных взводов.

С Бойко-Павловым же ушла лишь «часть отряда,

состоявшая из пришлых рабочих, красноармейцев и более активных работников»⁹². То есть в отряде последнего остались по существу лишь «рабочая» рота, кучка кавалеристов Изотова и небольшая часть бойцов из местных крестьян. В целом их общая численность примерно соответствует расчётам М.Попко.

Неясно время, затраченное основным отрядом на переходы по тайге. Бойко-Павлов утверждает, что вышли они оттуда в начале июня⁹³. Следовательно, с момента Хорского боя прошло, согласно его датировкам, около полутора месяцев. По данным же В.П.Голионко, на весь переход было затрачено более двух недель⁹⁴. М.Попко, казалось бы, подтверждает эту дату, свидетельствуя, что к д. Михайловке партизаны вышли из тайги на 19-й день. Однако в другом месте той же своей работы он пишет, что шли по болотам примерно 8 суток⁹⁵. Последнюю цифру подтверждает и помещённое позже в газетах свидетельство пленных партизан об этих событиях, где они утверждали, что скитались тогда без хлеба 9 дней⁹⁶.

По-видимому, именно этот последний интервал и следует считать наиболее точным. Учитывая, что по сообщениям тогдашних газет партизаны «бежали» из Бичевой 2 июня⁹⁷, то в Михайловку они могли прийти не раньше 11 или 12 июня.

3. Вопросы партизанского движения в Хабаровском уезде в июне-июле 1919 года

События лета 1919 года Бойко-Павлов в своих опубликованных воспоминаниях, как правило, совершенно не датирует. Единственным исключением является перевод Ревштаба партизанских отрядов в

Анастасьевку, но и его он «растянул» на целых два месяца — июнь-июль⁹⁸. Однако и в этих работах можно найти информацию, помогающую, часто вопреки желанию самого их автора, определить правильную датировку и последовательность событий. Кроме того, есть и другие непосредственные их свидетели из числа бывших партизан, а также данные белогвардейских газет.

По свидетельству самого Бойко-Павлова, вскоре после выхода остатков отряда из тайги часть его перебазировалась из Михайловки в таёжную деревню Весёлый Кут⁹⁹ (обе деревни теперь не существуют). Последняя располагалась в нижнем течении реки Жулиха, в полутора километрах выше впадения её в реку Сита, на развилке дороги, ведущей из Хабаровска через Князе-Волконское на Михайловку и Соколовку. Занятие партизанами этой деревни позволяло полностью контролировать всё движение по тракту, а в случае опасности, отступить в любом из трёх направлений или в тайгу.

В некоторых воспоминаниях местом пребывания партизанского штаба указывается д. Жулиха (сейчас не существует). Она располагалась, по-видимому, в трёх километрах ниже Весёлого Кута по течению реки Жулиха, возле впадения последней в реку Сита (там до сих пор обозначается на карте урочище Жулиха — Ю.Т.). Именно в этой деревне, по воспоминаниям Бойко-Павлова, к его отряду присоединился отряд, возглавляемый Безсоновым, Тряпицыным и Караваевым. По словам Бойко-Павлова, отряд этот ранее «располагался на Усурийской железной дороге», причём Тряпицын прибыл в него из Сучанской долины. Указанный отряд перед тем чуть было не распался из-за затруднений в снабжении, и только благодаря уговорам

Безсонова пришёл в д. Жулиху¹⁰⁰.

Где именно располагался данный отряд на Уссурийской дороге из воспоминаний Бойко-Павлова не ясно, однако это место, как минимум до начала июня, могло находиться только за пределами Хабаровского уезда, поскольку сам Безсонов признаёт в своей работе, что Хорский отряд Соколова был самым первым партизанским отрядом на его территории¹⁰¹. Косвенно этот факт указывает также на отсутствие, до появления Безсонова в ревштабе, и каких-либо других действующих партизанских отрядов в районе железной дороги от р. Хор до южной границы Хабаровского края.

Дальнейший период партизанского движения в Хабаровском уезде в произведениях Бойко-Павлова предстаёт временем постепенного разукрупнения партизанских отрядов на более мелкие, лучше приспособленные для маневренных действий и выживания в малонаселённой таёжной местности. При этом, данная реорганизация производилась, по его утверждению, в плановом порядке, «согласно решению Хабаровской большевистской подпольной организации и Центрального Военно-Революционного штаба партизанских отрядов»¹⁰². Такая трактовка этих событий сразу же после первых публикаций Бойко-Павлова в середине 30-х годов прочно утвердилась в нашей исторической науке и господствует в ней до сих пор.

Между тем, историки 20-х — начала 30-х годов оценивали данный период существенно иначе. К тому же, они не стеснялись наполнять его конкретным содержанием. По свидетельству, например, Безсонова, которого вполне можно считать очевидцем указанных событий, уцелевшая в голодных странствиях по тайге часть отряда Бойко-Павлова разбилась затем на три

группы, из которых одна, под руководством Г.Мизина, «была отправлена для оперирования по реке Амур между Хабаровском и Николаевском и две, под командованием других товарищей, остались в районе Хора¹⁰³.

В последнем случае, видимо, идёт речь об упоминаемом Бойко-Павловым уходе части партизан из Михайловки в Весёлый Кут. В.П.Голионко, при этом, утверждает, что один из этих отрядов, находившийся под руководством И.Жукова, состоял из здоровых бойцов и предназначался для операций на железной дороге. Другой же, был составлен из пока ещё больных партизан. Его задачей было наблюдение за трактом Хабаровск-Марусино¹⁰⁴. Если судить по специализации данного отряда, то именно он должен был располагаться в д. Весёлый Кут. Отряд же Жукова разместился, видимо, в д. Михайловке, откуда можно было через Марусино легко добраться до железной дороги в районе станции Верино и разъезда Хор.

Чем конкретно занимались в этот период партизаны данных двух отрядов не ясно. Никто из историков ни о каких, произведённых ими в этот период партизанских операциях не сообщает. По утверждению М.Попко, руководители партизанского движения тогда снова взялись «за первоначальную работу — организация отрядов, снабжение, вооружение ... обосновались в Весёлом Куте как центре, откуда стали разбрасывать нити связей и получать информацию, что где делается»¹⁰⁵. В.П.Голионко же прямо пишет, что в это время наступило временное затишье в действиях партизан¹⁰⁶.

Однако, отряд Жукова, видимо, чем-то всё же напомнил о себе белогвардейским властям, поскольку в данный район вскоре отправилась новая карательная

экспедиция под руководством самого Калмыкова, состоявшая, по утверждению В.Голионко, «из конных калмыковцев и 36-го колчаковского полка»¹⁰⁷. Как пишет Бойко-Павлов, карательный отряд двигался из Хабаровска через Князе-Волконское и далее, долиной реки Сита, на д. Марусино и Полетное¹⁰⁸. Правда, это происходило, по его мнению сразу после боя на разъезде Хор. Однако в данном случае память Д.Бойко-Павлова, видимо, всё же подвела, поскольку целый ряд других источников свидетельствуют, что по этому маршруту следовала уже 2-я (после майско-июньской) экспедиция Калмыкова в июле 1919 года.

Как вспоминал бывший партизанский связной из д. Михайловка В.Е.Мельников, «в июле 1919 года Калмыков (кажется 19 июля) послал 2-ю карательную экспедицию ... из Хабаровска по деревням Весёлый Кут, Михайловка, Марусино, Петровичи, Полетное, Бичевая»¹⁰⁹. Подтверждает этот маршрут и И.Безсонов. По его свидетельству, калмыковцы шли тогда около 150 километров по тракту от Хабаровска до реки Хор¹¹⁰, а это означает, что прежде чем прийти в Марусино они должны были пройти Весёлый Кут и Михайловку.

Да и описанный самим Бойко-Павловым бой около деревни Марусино произошёл, по-видимому, именно в рамках данного события. Правда, он утверждает, что это происходило осенью 1919 года¹¹¹, однако многие приведённые Бойко-Павловым сопутствующие бою признаки вполне соответствуют описаниям Голионко. По данным последнего, партизаны устроили тогда около дороги засаду, вызвавшую большой переполах у белогвардейцев, потерявших в ней несколько человек убитыми. Правда, в конце концов, партизанам пришлось всё же отступить в тайгу, после чего белогвардейцы, без особого успеха,

обстреляли её из своих орудий и подвергли репрессиям д. Михайловку и ряд других деревень Полетнинской волости¹¹².

Для партизан эта экспедиция Калмыкова имела весьма печальные последствия. Как пишет тот же И.Безсонов, «после ряда мелких стычек, партизанские отряды окончательно были рассеяны»¹¹³. Той же точки зрения придерживался в 1930 году и Билибин, отмечавший, что «эта экспедиция, сопровождавшаяся зверствами калмыковцев во всех без исключения деревнях от Хабаровска до реки Хор, заставила оба хорских отряда ... рассеяться». Причём, на этом, по его мнению, заканчивается первый период партизанской борьбы, которая будет возобновлена только в августе 1919 года¹¹⁴.

Отсутствие упоминания об этих событиях в воспоминаниях М.Попко, возможно, объясняется тем обстоятельством, что его просто не было тогда в штабе партизанских отрядов. Согласно воспоминаниям бывшей хозяйки конспиративной квартиры Никитчуковой, он в этот период являлся активным участником подпольной организации г. Хабаровска¹¹⁵. Да и сам штаб партизанских отрядов к тому времени уже не существовал. По справедливому утверждению В.П.Голионко, он распался ещё во время скитаний партизан по тайге после Хорского боя¹¹⁶.

Руководство партизанской борьбой в Хабаровском районе с этого времени, как свидетельствует И.Безсонов, взяла на себя «подпольная организация, именовавшая себя Исполнительным комитетом и, в то же время, Временным штабом партизанских отрядов». Появилась она в Хабаровске, по его утверждению, после разгрома партизан экспедицией Калмыкова¹¹⁷. Полное название этой организации, по

свидетельству Стрелкова-Курбатова, - «Исполнительный комитет Советских и профессиональных организаций»¹¹⁸, что предполагает хотя бы частичное участие в ней руководства хабаровских профсоюзов. Однако образована она была, по-видимому, из членов подпольной организации Штылева и остатков разгромленной калмыковской контрразведкой в мае 1919 года организации Славина, причём, скорее всего, на основе первой.

На последнее обстоятельство косвенно указывает тот факт, что Никитчукова, перечисляя первоначальный состав собиравшихся на её квартире с мая 1919 года подпольщиков, не называет Луненко, единственного уцелевшего представителя руководимого Славиним Хабаровского подпольного комитета. Только в рассказе её о об осенней экспроприации подпольщиками денег из пакгауза, появляется фамилия Лукьяненко (под которым она понимала, по-видимому, Луненко — Ю.Т.), с добавлением прилагательного «покойный»¹¹⁹. В то же время, указываемый Никитчуковой в качестве одного из руководителей данной организации Иван Погудин входил в состав ещё подпольной группы Бойко, а затем — Штылева¹²⁰.

Основной функцией её «боевой организации», по утверждению Д.Булатова, была деятельность «по экспроприациям у местных спекулянтов в целях снабжения обмундированием и оружием партизанских отрядов»¹²¹. Этой работой, по свидетельству Никитчуковой, чаще всего занимались переодевавшиеся в офицерскую форму М.Попко и И.Погудин (сам М.Попко об этой стороне своей биографии почему-то умалчивает — Ю.Т.). Однако столь же активно пользовались подпольщики и оружием печатной пропаганды, изготовлением которой занимались в

основном Борис Жданов, Татьяна Лесницкая и приехавшая из Благовещенска Нина Лебедева¹²².

Как пишет Д.Бойко-Павлов, с этой подпольной организацией, которую к тому времени уже возглавлял Луненко, штаб партизан связался через Истомина и договорился о созыве новой конференции¹²³. Дата её дана в книге В.П.Голионко и в Истории Дальнего Востока России достаточно точно — 20-21 августа¹²⁴. Её правильность подтверждается свидетельством Г.Ф.Манжула¹²⁵, а также утверждением Никитчуковой о том, что Нину Лебедеву на конференцию она провожала «на 2-го Спаса»¹²⁶. В переводе на современный календарь, это 19 августа по новому стилю.

Данная конференция состоялась в д. Алексеевка (Ново-Алексеевка, теперь — Некрасовка¹²⁷). На ней присутствовало, по свидетельству М.Попко, немного участников¹²⁸. В основном это были командиры партизанских отрядов и руководители городского подпольного комитета¹²⁹. Представителей крестьянских обществ, в отличие от Соколовской конференции, здесь не было. Основным вопросом, как пишет М.Попко, был «способ существования отрядов: место пребывания, запас продовольствия, средства передвижения, а также методы боевых действий. Решили разбиться на мелкие группы и продолжать удары по тылам врага, считая главнейшим объектом транспорт»¹³⁰.

Бойко-Павлов добавляет к этому ещё и решение о создании в сёлах области нелегальных ревкомов, как органов революционной власти на местах¹³¹, о чём, правда, официально решено было пока не объявлять¹³². Такие органы власти казались бывшим советским комиссарам в данных условиях предпочтительнее крестьянских Советов образца 1918 года. Это объяснялось слишком большой степенью автономии

последних и, как следствие, многочисленными затруднениями в создании эффективно действующего механизма централизованного управления. Даже просто заставить крестьян выполнять свои обязанности перед советским государством, при такой системе оказалось в 1918 году почти невозможно.

Ещё менее сельские Советы были пригодны для обеспечения потребностей партизанских отрядов. К тому же, они были слишком уязвимы со стороны карательных отрядов, стремившихся в первую очередь уничтожить именно советский актив в деревнях. Особенно наглядно все эти недостатки показала история первого Хорского партизанского района, где была на короткое время восстановлена Советская власть.

Из указанных постановлений Алексеевской конференции вызывает сомнение пункт о разукрупнении отрядов, поскольку, по свидетельству И.Безсонова, сразу после конференции партизанское командование поступило как раз наоборот: «В исполнение решений конференции, ... отдельные мелкие отряды были стянуты в одно место в районе Полетнинской волости, за исключением отряда Мизина, который не подчинился конференции». В результате, «в конце августа был сформирован вновь отряд, под общим командованием Холодилова, численностью около 160 человек».

Как только белому командованию стало известно о существовании отряда, туда из Хабаровска были направлены две роты колчаковских солдат. Произошло боевое столкновение, в результате которого белогвардейцы «бежали на станцию Верино»¹³³. Возможно, именно это событие описал Д.Бойко-Павлов как бой неподалеку от д. Марусино осенью 1919 года¹³⁴, заодно включив в него некоторые подробности

предыдущего летнего похода сюда карательной экспедиции самого атамана Калмыкова.

Только после этого события, как утверждает Безсонов, «на общем собрании в д. Жулихе, куда прибыл командированный от Хабаровского исполкома представитель, все отряды были разделены на пять мелких групп в 20-30 человек ..., посланных в разные места с определённой задачей. Отряд № 1 ... Жукова — в район р. Амур между Хабаровском и с. Вятским, № 2 ... Холодилова — на линию железной дороги от ст. Красная речка до разъезда Кругликово, № 3 ... Тряпицына ... в район ст. Верино, № 4 ... Каравашева — в район ст. Дормидонтовка, и № 5 ... Гермашева — в район ст. Вяземской. Получив право автономии, отряды начали действовать по своему усмотрению»¹³⁵. В это же время в районе р. Тунгуски оперировал совершенно самостоятельный отряд И.Шевчука.

Эта классификация очень сильно не совпадает с той, что была предложена Бойко-Павловым. В частности, для района Хабаровска в ней нет представленных И.Безсоновым отрядов Изотова и А.Кочнева, а Бойко-Павлов, в свою очередь, «забыл» упомянуть действовавший здесь отряд Жукова. Сам И.Ф.Жуков, в своих воспоминаниях, отмечает, что в сентябре 1919 года все братья Кочневы ещё являлись бойцами его отряда, но признаёт, при этом, существование по соседству кавалерийского отряда Изотова¹³⁶. Таким образом, можно заключить, что непосредственно в районе Хабаровска действовали тогда лишь отряды Жукова и Изотова.

Последний являлся полностью кавалерийским и не был зафиксирован Безсоновым как самостоятельный отряд, возможно, по той причине, что скорее всего находился тогда при штабе для поддержания конной

связи с другими отрядами и в качестве охранного подразделения. Штаб партизанских отрядов, по утверждению Бойко-Павлова, ещё в середине лета перебазировался в район д. Анастасьевка¹³⁷ (в 40 километрах к востоку от г. Хабаровска) и, конечно, не мог находиться там без серьёзной охраны. Это был, правда, не весь штаб, а лишь небольшая его часть. Основную функцию управления подпольным и партизанским движением в области по-прежнему выполнял тогда Хабаровский исполком.

Отряд Холодилова в район ст. Корфовской помещают обе классификации. Расхождение в отношении отряда Тряпицина (ст. Верино и Кругликово) можно объяснить соседским положением указанных станций, ограничивающих собой один перегон, на котором, видимо, и действовал этот отряд. Упомянутый Бойко-Павловым отряд Рубеля возле ст. Верино Безсонов не зафиксировал, возможно, потому, что данный отряд со времён Хорского боя действовал самостоятельно и воссозданному на Алексеевской конференции ревштабу не подчинялся. Ведь Рубель был в числе тех, кто, по выражению Бойко-Павлова, «отсеялись» из отряда во время его странствия по тайге, как «случайно попавшие туда люди».

К тому же, согласно другому архивному источнику, отряд И.М.Рубеля действовал не у станции Верино, а в районе - Тигровая, Красницкое Дормидонтовка и Капитоновка¹³⁸. Да и по воспоминаниям партизан - жителей этого района, отделившиеся после Хорского боя части отряда Соколова остались тогда на левом берегу Хора¹³⁹. На правобережье Хора, в районе железнодорожных станций Верино и Хор, отсутствующий у Бойко-Павлова отряд самого Соколова вновь появляется,

согласно воспоминаниям И.Безсонова, примерно в конце осени 1919 года¹⁴⁰. В другой своей работе Бойко-Павлов добавляет к числу образованных летом партизанских отрядов ещё и отряд Шахрая¹⁴¹, который являлся жителем Полетнинской волости. У Безсонова его нет. Возможно, именно под этим отрядом Бойко-Павлов подразумевал отряд Соколова.

Серьёзно различается в обеих классификациях положение отряда Гармашова. Бойко-Павлов помещает его на Хорский участок, а Безсонов — в район ст. Вяземской, позже, к началу ноября, перемещая его в район между Вяземской и Бикином. Возможно, получив автономию, отряд Гармашова сам постепенно передвигался к югу. Есть отличия и относительно Дормидонтовского участка, на котором у Безсонова действует отряд Караваева, а у Бойко-Павлова — Григория Ковалёва¹⁴². Вполне вероятно, что это один и тот же отряд. Видимо, он действовал чуть южнее отряда Рубеля.

Совершенно не упоминаются в классификации Безсонова представленные у Бойко-Павлова отряды Пиварчука в районе Бикина и Погорелова на участке ст. Вяземской. Вероятно, в тот период они ещё не существовали или тоже не были подчинены штабу партизанских отрядов. Есть данные, что отряд Погорелова образовался в районе Вяземской волости ещё в самом начале 1919 года, насчитывая тогда всего 16 человек. Боевое же крещение этот отряд принял в августе¹⁴³.

4. Вопросы деятельности партизан Хабаровского района в августе-октябре 1919 года

После июльской карательной экспедиции штаб

атамана Калмыкова посчитал партизанское движение на юге Хабаровского уезда полностью разгромленным. Хабаровские газеты того времени сообщают, что уже к 28 июля белогвардейские «оперирующие части этого (то есть Хабаровского — Ю.Т.) района перенесли свои действия на левый берег Амура»¹⁴⁴. Та же газета пять дней спустя извещала своих читателей, что в четырёх районах уезда (Заамурском, Полетнинском, Хорском и Дормидонтовском ещё «имеются бродячие красноармейцы»¹⁴⁵. Однако сколь-либо серьёзной опасности с их стороны калмыковская власть в тот момент не ощущала.

Правда новое усиление деятельности «красных» на территории уезда газеты отмечают уже с начала августа, но тут же указывают, что в течение всего этого месяца ими было убито 2 должностных лица, 2 чина милиции и 2 частных лиц¹⁴⁶. Такие «показатели» ясно показывают определённое затишье в партизанском движении этого периода. Лишь 28 августа впервые появляется газетное сообщение о том, что «большевики, изгнанные из районов рек Кии и Хора, перенесли свою грабительскую деятельность в пределы низового Амура». Этим, в частности, газета объясняла срыв, из-за неявки большинства гласных, Нижнетамбовского волостного земского собрания¹⁴⁷.

В данном случае, речь шла, видимо, о начале активной деятельности «Морского» отряда Мизина на Нижнем Амуре. Правда, в существующей исторической литературе принято считать, что отряд Мизина возник и начал действовать ещё весной 1919 года, однако ни одной конкретной операции его, совершённой раньше августа никому из историков или авторов воспоминаний назвать пока не удалось. Между тем, по свидетельству одного из бывших партизан этого отряда Г.Е.Белоцеева,

образован он был в августе 1919 года в с. Синда, и насчитывал первоначально 22 человека, в основном «бывших краснофлотцев, скрывавшихся от японцев и колчаковцев»¹⁴⁸.

До этого момента группа «бывших краснофлотцев» Мизина, по-видимому, действительно просто скрывалась вблизи села Синда от преследования властей. Прибыла она сюда, по свидетельству партизана из Синды Стрельцова-Курбатова, весной, с открытием навигации¹⁴⁹. Однако, если принять во внимание участие Мизина и его группы в Хорских событиях, выйти на Амур они могли не раньше середины июня. По свидетельству Стрельцова-Курбатова, после его присоединения к отряду партизаны повели пропаганду в амурских деревнях, в результате которой, со временем, в него вступила почти вся подлежащая мобилизации в армию Колчака молодёжь сёл Синда и Славянка, а также часть призывников из селений Троицкое и Малмыж¹⁵⁰. Неравномерное участие в партизанском движении данных селений вполне понятно: первые два из них – переселенческие, а оба других были населены исключительно старожилами.

Первая диверсионная акция на Нижнем Амуре была замечена белой прессой только в конце августа, когда одна из газет, в оперативной сводке за 24 августа, сообщила о том, что «шайками красных ограблена почтово-телеграфная контора ... в с. Петропавловском»¹⁵¹. Таким образом, это событие случилось вскоре после Алексеевской конференции, принявшей постановление, согласно которому, как пишет Стрельцов-Курбатов, «партизанские отряды должны были ... рвать телеграфное сообщение, забирать пароходы и вообще разрушать аппарат власти

Колчака в тылу»¹⁵².

И всё же самой первой операцией отряда Мизина и Жуков и Стрельцов-Курбатов называют захват в плен полковника Гроссеви́ча, рыбачившего на озере Катар¹⁵³ (в 25 километрах к северу от Хабаровска). Уже сам факт выезда на рыбалку в этот район лица с таким довольно высоким званием говорит о том, что никакими сведениями об имеющихся здесь партизанах белые власти до того момента не располагали. Следовательно, произойти это могло не позже начала последней декады августа.

Правда, И.Жуков писал, что Гроссеви́ч был контрразведчиком, и выехал на рыбалку в целях разведки, однако такое утверждение выглядит слишком смешным чтобы принимать его всерьёз: что же можно было разведать, ловя рыбу на довольно отдалённом глухом озере, редко посещаемом не только партизанами, но и самими местными жителями? Стрельцов-Курбатов ничего не говорит о контрразведывательной деятельности Гроссеви́ча, а лишь отмечает, что вместе с ним был захвачен катер «Искра» и 12 солдат, 10 из которых были отпущены, а двое вступили в отряд Мизина¹⁵⁴. Ясность в эту странную историю вносит В.Е.Мельников, сообщая, что Гроссеви́ч являлся тогда воспитателем кадетского корпуса и действительно выезжал со своими кадетами на озеро ловить рыбу¹⁵⁵.

Через неделю после этого события, пишет далее Стрельцов-Курбатов, в Найхинской протоке (где в этот момент, видимо, базировался отряд Мизина — Ю.Т.) отряд арестовывает некоего Мажарова, оказавшегося представителем родственников и близких знакомых пленников, который предложил помочь обменять их на «10 ... заключённых советских работников во главе с

доктором Криворучко». Завязались переговоры с атаманом Калмыковым, во время которых партизанам удалось выяснить, что все запрашиваемые ими лица уже давно убиты калмыковцами. После получения такого известия переговоры были прерваны, а Гроссевиц — расстрелян¹⁵⁶.

Вскоре после «разграбления» почтово-телеграфной станции в с. Петропавловском отряд амурских партизан был замечен белогвардейской прессой уже около с. Курун. Там, согласно оперативной сводке за 1 сентября, были «обнаружены 50 красных, портящих телеграфные провода, починка коих воспрещена ими под страхом расстрела. Этой же бандой обстрелян наш пароход, убит командир парохода»¹⁵⁷. Кроме того, как свидетельствует И. Жуков, действуя в своём районе, отряд Мизина препятствовал движению пароходов, уничтожая средства связи и навигационные знаки¹⁵⁸.

Видимо, тем же самым занимался, отчасти, и отряд самого Жукова выше по течению реки Амур. Он оперировал от с. Сарапульского до Хабаровска, а отряд Мизина - от Сарапульского до Малмыжа. Первоначально, основной базой последнего была Синда, где его поддерживала большая часть местных крестьян. Примерно в 25 километрах от этого селения, в нижнем течении реки Немты, отрядом был оборудован партизанский госпиталь. Не случайно место его расположения теперь обозначается на карте как урочище «Партизанская база».

После диверсионных актов в районе Куруна, партизаны, как свидетельствуют Хабаровские газеты того времени, 4 сентября посетили с. Троицкое, где был «уведён большевиками прибывший в отпуск ... солдат 33 сибирского стрелкового полка ... Пётр Заволин»¹⁵⁹.

Затем отряд, видимо, вернулся в Синду, поскольку именно оттуда он, по свидетельству Стрельцова-Курбатова, спустился потом на лодках вниз по Амуру до с. Малмыж¹⁶⁰.

Как пишет И.Жуков, отряд Мизина собирался там зазимовать, но уже в день его прибытия туда подошёл почтовый пароход, ведя на буксире баржу с грузом муки для золотых приисков. Партизаны сразу же попытались его захватить. Находившаяся на пароходе охрана внезапно открыла по ним огонь, а после начала ответной стрельбы обрубил буксирный канат. Пароходу всё же удалось уйти вниз по течению реки, но баржа, со всем своим содержимым, досталась партизанам, которые передали её на хранение крестьянам села Малмыж¹⁶¹. И.Жуков, правда, утверждает, что баржи было две, однако непосредственные участники этих событий, бывшие партизаны отряда Мизина, ясно свидетельствуют о захвате только одной баржи¹⁶². В ней находилось 22000 пудов муки¹⁶³.

Приблизительное время этого события вполне можно рассчитать. По словам обоих его свидетелей, вскоре после этого нападения партизан атаман Калмыков выслал против них карательную экспедицию, которая сожгла Синду¹⁶⁴. Просьба крестьян с. Синда к Хабаровскому земству оказать им помощь «ввиду того, что их деревня сгорела при изгнании из деревни большевиков правительственными войсками», была напечатана в газете за 13 октября¹⁶⁵. Следовательно, захват баржи был произведён не позже конца первой недели октября. В сентябре же это вряд ли могло произойти, поскольку в это время на юге Дальнего Востока ещё довольно тепло и думать о зимовке партизанам было слишком рано.

Вскоре после этого события, как утверждает Д.Бузин-Бич, от отряда Мизина отделилась группа партизан во главе с Оцевилли-Павлуцким и, спустившись ниже по Амуру, образовала свой собственный отряд, который стал называться Ильинско-Кисилёвским¹⁶⁶. Какое-то время спустя отряду Жукова удалось захватить возле села Воронежского два пассажирских парохода и сжечь их¹⁶⁷. Это могло произойти не позже первой декады ноября, до начала на Амуре осеннего ледохода.

Тактика мелких «сухопутных» партизанских отрядов на практике тоже, чаще всего, принимала форму действий «налётами и экспроприациями (как ответ на зверства калмыковцев)»¹⁶⁸. Но уже в октябре начинают предприниматься и довольно серьёзные операции на транспортных и других коммуникациях области, обычно силами двух или нескольких соседних отрядов.

Первой такой акцией стало нападение на участок железной дороги от станции Корфовская до разъезда Красная речка. Оно было совершено отрядом И.А.Холодилова, при участии ряда других партизанских подразделений, под общим командованием Д.Бойко-Павлова. Разделившись на две части под временным руководством, соответственно, Бойко-Павлова и Давыдюка, отряд разгромил ст. Корфовская, взорвал железно-дорожный мост на Хехцирском перевале и на значительном расстоянии вывел из строя линию связи и рельсовый путь.

Дата этой операции требует уточнения. По утверждению одного из её непосредственных участников Г.Ф.Манжула, она состоялась примерно 10-12 сентября¹⁶⁹. На самом же деле, согласно свидетельству газет того времени, нападение партизан

на ст. Корфовскую произошло в ночь на 8 октября¹⁷⁰.

По описанным Г.Манжулой и Д.Бойко-Павловым деталям данного события можно установить маршрут движения отряда, его первоначальное место расположения и боевой состав. Как пишет Г.Ф.Манжула, отряд шёл первоначально длинной прямой просекой в лесу, а затем одна его часть свернула круто на запад и направилась прямо по тайге к Хехцирскому перевалу, до которого оставалось 8-9 километров. Другая же часть отряда продолжала своё движение по направлению к ст. Корфовской.

Учитывая, что по словам Г.Манжула отряд базировался в это время где-то в таёжных окрестностях д. Ново-Алексеевки (Некрасовки)¹⁷¹, можно заключить, что упомянутая им просека — это сегодняшняя дорога, идущая от Некрасовки прямо на юг и затем, через седловину Малого Хехцирского хребта, выходящая к ст. Корфовской. На первом своём участке, до Хехцирского хребта, она действительно находится в 8-9 километрах от линии железной дороги. Таким образом, отряд Холодилова располагался в данный период приблизительно в 3-4-х километрах к югу от д. Некрасовки, видимо, в верховьях ручья Каменушка.

Вызывает вопросы, также, численность отряда, принимавшего участие в данной операции. Как утверждает Г.Манжула, в ней участвовало около 140 человек¹⁷². Между тем, по свидетельству другого бывшего бойца отряда Холодилова Остапенко, он насчитывал тогда только 40 человек¹⁷³. Частичное объяснение этому несоответствию можно найти в воспоминаниях Бойко-Павлова, который свидетельствует, что отряд, выделенный тогда для нападения на железную дорогу был сводным, пехотно-кавалерийским¹⁷⁴. Это, в свою очередь, означает, что

Бойко-Павлов приехал в отряд Холодилова не один, а в сопровождении кавалерийского отряда Изотова. Других конных подразделений у партизан в Хабаровском районе не было.

Г.Манжула упоминает также об участии в операции группы Матвеевских подпольщиков во главе с Истоминым. Могли принять в ней участие и подпольщики д. Некрасовки во главе с Федотенко-Вредным, численность которых выходец из этой деревни Г.Манжула определяет приблизительно в 30 человек. Ещё большее количество их односельчан, по его словам, к тому времени уже вступило в партизанский отряд¹⁷⁵. По-видимому, именно они и составляли костяк отряда Холодилова, поскольку тот был тоже жителем этой деревни. Исключая численность всех временно приданных ему посторонних групп, отряд Холодилова действительно мог насчитывать тогда приблизительно 40 человек.

После столь крупной диверсионной операции на железной дороге, в районе д. Некрасовки стали часто появляться карательные экспедиции калмыковцев, поэтому было принято решение перевести отряд Холодилова в район с. Князе-Волконского (то есть поближе к расположению штаба, на соединение с другими отрядами партизан¹⁷⁶). Как пишет Г.Манжула, 7 октября отряд через Сергеевские болота перешёл в новый район. Вместе с ним ушли и почти все местные подпольщики¹⁷⁷. Дата эта, конечно, тоже не верна. Возможно, она дана по старому стилю, что в переводе на новый стиль означает 20 октября.

Командир некрасовских подпольщиков Федотенко-Вредный вспоминал впоследствии, что организованный им в своей деревне отряд насчитывал первоначально 22 человека¹⁷⁸. Однако

самостоятельным он тогда не стал, а влился в отряд Холодилова в качестве одного из взводов. Федотенко-Вредный стал командиром этого взвода, а позже - заместителем командира отряда¹⁷⁹.

Прибыв в Князе-Волконское отряд Холодилова столкнулся с преследовавшим его отрядом казаков, численностью около 40 человек, и заставил его «бежать в Хабаровск». После этого он благополучно соединился с конным партизанским отрядом Изотова.

Ещё одной крупной диверсионной операцией партизан в Хабаровском районе стало разрушение телеграфной линии связи на участке от с. Вятского до д. Чёрная речка вблизи г. Хабаровска. Проведена она была силами отрядов Жукова и Изотова приблизительно в конце первой декады октября, поскольку одной из целей её было, по словам И.Жукова, отвлечение внимание белогвардейских карателей от деревень Синда и Малмыж — основных баз отряда Мизина на Амуре¹⁸⁰. Возникнуть же такая потребность могла только после того, как партизанское командование узнало о карательной операции калмыковцев на Амуре.

Не позже середины октября в окрестностях Хабаровска начал действовать партизанский отряд А.Кочнева. По воспоминаниям одного из членов отряда, его организация началась в июле 1919 года на Медвежьей косе¹⁸¹. 18 или 19 октября в отряд Кочнева прибыл бежавший из калмыковской гауптвахты бывший заместитель председателя военной комиссии Хабаровского Совета И.Н.Семикоровкин. В тот момент в отряде было до 40 человек (первоначально в нём числилось только 18 человек¹⁸²). Располагался он тогда в нескольких рыбацких хатах — в 15 километрах от базы флотилии, у устья реки Толга. Особенно активно партизаны отряда действовали на самой базе флотилии.

Опираясь на поддержку местных подпольщиков, они днём и ночью проникали туда небольшими группами, снимали часовых, добывали себе оружие, коней, амуницию¹⁸³. К ноябрю отряд насчитывал уже около 60 человек¹⁸⁴.

Позже, видимо после окончания ледохода на Амуре, база отряда А.Кочнева была отодвинута примерно на 6 километров дальше от берега, в деревню Марковка (теперь нежилая). Существовала и запасная база этого отряда. Она находилась ещё дальше от Хабаровска, на заросшей лесом возвышенности в излучине нижнего течения реки Дарга, впадающей в одноимённое озеро, которое, в свою очередь, сообщалось с рекой Амур. Построенная в 30-е годы вблизи от этой бывшей базы отряда А.Кочнева железнодорожная станция носит сегодня говорящее само за себя название - «Партизанские сопки».

В сентябре возобновляется деятельность партизан и в южных районах Хабаровского уезда. Вечером 6 сентября «около 150 вооружённых красноармейцев» посетили с. Святогорье¹⁸⁵ на левом берегу р. Хор. По-видимому, это был возрождённый отряд Соколова, так как оставленные в этом районе штабом Бойко-Павлова отряды партизан имели значительно меньшую численность. Утром 25 сентября «отряд красных в 70 человек ..., заняв с. Павленково (в 15 км от ст.Переяславки – Ю.Т.) ..., собрали сход ... и потребовали снабдить их провиантом»¹⁸⁶.

Примерно в это же время начинают действовать партизанские отряды и в районе станций Дормидонтовка-Вяземская. В сообщениях прессы за 17 сентября было отмечено нападение «шайки красных в 45 человек» на д. Капитоновка, в 20 километрах восточнее ст. Дормидонтовка¹⁸⁷, а 29 сентября «отряд

красных около 30 человек» прибыл в Дормидонтовку, где ими были «ограблены» священник и милицейский участок¹⁸⁸.

Продолжают фиксировать газеты нападения партизан и в октябре. Так, 7 октября отряд белогвардейцев столкнулся с партизанами «в 5 верстах от с. Георгиевка (примерно на полпути между с. Михайловка и ст. Переяславка (Верино) – Ю.Т.) и вступил с ними в перестрелку¹⁸⁹. Это мог быть отряд Тряпицина, действовавший в тот период как раз в данном районе.

15 октября в казачий п. Киинский (к западу от ст. Переяславка – Ю.Т.) «вошёл отряд красных в количестве 400 человек. Разоружив казаков, красноармейцы направились в Трёхсвятское»¹⁹⁰. В данном случае численность партизан завышена в несколько раз. В Хабаровском уезде до января 1920 года таких крупных отрядов не было. Возможно, казаки намеренно преувеличили количество партизан, чтобы избежать ответственности за сдачу им своего оружия.

В ночь с 21 на 22 октября «бандой красных в числе 20 человек ограблено с. Отрадное»¹⁹¹. По свидетельству Бойко-Павлова, в этом районе действовал тогда отряд Погорелова. Тогда же, в октябре, был разрушен партизанами разъезд Красицкий (между ст. Вяземская и Дормидонтовка – Ю.Т.) и убит его начальник. Почти одновременно с налётом партизан на с. Отрадное, 22 октября «шайка красных напала на разъезд Красная речка» и арестовала начальника разъезда и его помощника¹⁹². Указанное нападение могла осуществить в то время только группа хабаровских подпольщиков под командованием Давыдюка, отвечавшая за диверсии на прилегающем к городу участке железной дороги от Красной речки до Хехцирского перевала.

5. Вопросы, связанные с Анастасьевской конференцией и реализацией её решений

Началом нового этапа партизанского движения на всём нижнем Амуре послужила очередная конференция руководителей партизанских отрядов и подпольных организаций Хабаровского района, состоявшаяся, согласно принятой на сегодняшний день неверной датировке этого события, 1-2 ноября 1919 года в с. Анастасьевке. Чтобы отвлечь внимание белых и интервентов от места проведения конференции, по свидетельству Г.Манжула, в ночь на 1 ноября группой Давыдюка были проведены очередные диверсии на железной дороге в районе Хехцирского перевала и Красной речки, где был вновь сожжён мост и спущен под откос поезд с военным грузами и солдатами японских войск¹⁹³.

Непосредственно накануне этой конференции калмыковской контрразведке удалось разгромить Хабаровский комитет, поэтому всё руководство партизанской борьбой с этого момента полностью перешло в руки избранного на конференции военревштаба Хабаровского и Николаевского районов. Полномочия его членов, по утверждению И.Безсонова, должны были действовать до следующей конференции, которая была намечена на 1 февраля 1920 года, и, следовательно, давались только на три месяца.

Время для этой конференции было выбрано, конечно же, не случайно. Именно в ноябре в этих местах фактически начинается зима. Требовалось определить тактику и стратегию действий партизан на зимний период, решить основной и наиболее острый для них продовольственный вопрос. Собственно, последний и определял все главные решения

Анастасьевской конференции.

Проблема эта действительно была очень непростой. В течение предыдущих пяти месяцев единственной продовольственной базой партизанского движения на прилегающих к городу и железной дороге территориях Хабаровского уезда являлись полунищие таёжные новосельческие деревушки, население которых не в состоянии было в достаточной мере обеспечить продовольствием даже самого себя. К тому же, оно первым подвергалось разорению во время частых набегов на партизанские районы карательных экспедиций Калмыкова.

В результате, к началу зимы 1919-1920 годов крестьяне этих деревень были уже не в состоянии кормить партизан. Угроза голода и для тех, и для других стала абсолютно реальной. Именно этим обстоятельством и определялись разгоревшиеся на конференции жаркие споры её участников. Некоторые уцелевшие после разгрома организации городские подпольщики (в частности Н.Лебедева) настаивали даже на свёртывании широкого партизанского движения в таёжных районах. Однако в конечном итоге было всё же принято решение сохранить отряды и продолжить активную борьбу.

Продовольственный вопрос, при этом, предполагалось решить, путём мобилизации ресурсов некоторых более зажиточных пригородных селений и запасов ещё почти не затронутых гражданской войной старожильческих деревень нижнего Амура. Для этого было решено разделить находящиеся в распоряжении ревштаба партизанские силы на две неравные части, большую из которых оставить в районе Хабаровска, для продолжения диверсий на ведущих к городу транспортных коммуникациях и линиях связи, а

меньшую отправить на Нижний Амур¹⁹⁴.

Ещё одной необходимой мерой для проведения мобилизации ресурсов сельского населения было установление над ним надёжного контроля со стороны партизанского штаба. Эту задачу должны были решить временные органы власти - ревкомы, которые решено было создать взамен прежних органов местного самоуправления, подконтрольных земству и правительству Калмыкова, во всех занятых партизанами сёлах и деревнях. Они должны были сосредоточить в своих руках не только гражданскую, но и военную власть на местах. Для формирования таких органов и вылавливания активных противников партизанского движения, вниз по Амуру были направлены с особой агитгруппой и отрядом Тряпицына члены ревштаба М.Попко, И.Жуков и Н.Лебедева¹⁹⁵.

Оставшиеся же под Хабаровском отряды были объединены под общим командованием И.А.Холодилова. Формально они были слиты в две боевые единицы, которые, по утверждению И.Безсонова, получили, соответственно, названия: 1-й сводный пехотный и 1-й кавалерийский партизанские отряды. Причём командиром пехотного отряда И.Безсонов называет Тряпицына¹⁹⁶. Возможно, в данном случае И.Безсонов указал фамилию не первого, а последнего командира сводного отряда, то есть уже в период движения его по нижнеамурским сёлам и деревням.

Численность объединённого отряда (без отряда Тряпицына — Ю.Т.) составила 70 человек. Отряд занялся заготовками продовольствия и переброской их на базу снабжения, созданную в верховьях речки Бешеная, в 15 километрах от д. Брацлавки (теперь не существует). Давший такие сведения бывший боец

этого отряда Остапенко утверждал, правда, что база находилась к востоку от данного села¹⁹⁷, однако тут он явно оговорился, поскольку верховья р. Бешеной располагались к югу от него. Косвенно подтверждает такое положение базы и Д.Бойко-Павлов, указывая, что она предназначалась для партизан Полетнинской и Князе-Волконской волостей¹⁹⁸. Граница же между ними проходила как раз через верховья реки Бешеной.

Есть, впрочем, и другая версия места расположения партизанской базы. Д.Бузин-Бич и Д.Булатов помещали её в долине реки Обор¹⁹⁹. Однако оба этих автора непосредственными свидетелями её создания, в отличие от Остапенко, не являются. Судя по не совсем ясным описаниям Д.Булатова, Д.Бузин-Бич прибыл в расположение ревштаба уже после Анастасьевской конференции²⁰⁰. Другие авторы воспоминаний тоже не упоминают его имени до начала событий на нижнем Амуре. Сам Бузин-Бич, описывая своё участие в партизанском движении, начинает с выступления в поход на нижний Амур в качестве рядового партизана²⁰¹. Д.Булатов также не числился в тот период ни среди членов штаба, ни в отряде Холодилова.

Бойцы Холодилова в течение нескольких дней выстроили на базе тёплые бараки для жилья и перевезли туда около 400 подвод с продовольствием²⁰². Правда, львиная его часть (300 подвод) была реквизирована для базы у «кулаков» старожильческого села Вятского отрядом Тряпицына, проходившим в это время через него на нижний Амур²⁰³. При этом, как пишет Д.Бойко-Павлов, «он переступил грань меры» проводя «сплошную реквизицию» под лозунгом «кто не с нами, тот против нас»²⁰⁴. Что именно подразумевал Бойко-Павлов под термином «сплошная реквизиция» не ясно.

Вероятно, он имел в виду изъятие всех «излишков» у крестьян, не желавших сдавать продукты партизанам добровольно. Как писали тогдашние газеты, «гости ... забрали даже свечи и ризы ... почти весь крестьянский скот угнан разбойниками в тайгу»²⁰⁵.

По утверждению Бойко-Павлова, получив от Н.Лебедевой сообщение об этих действиях Тряпицина, он сразу же прибыл в с. Вятское, где ему и другим членам штаба «пришлось поработать с населением». Тряпицын же потом «извинялся, сказал, что больше это не повторится»²⁰⁶. Безсонов и Жуков, также являвшиеся на тот момент членами штаба, этот факт, правда, никак не подтверждают, и, наоборот, ставят изъятие продовольствия «у реакционного крестьянства с. Вятского» в заслугу себе и отряду Тряпицина²⁰⁷. Кстати, ответственным за переброску продовольствия на базу штаб назначил как раз И.Безсонова²⁰⁸.

Продукты крестьянам этой деревни, конечно, так и не были возвращены. Возможно, именно по этой причине калмыковской контрразведке вскоре стало известно место расположения партизанской базы, и 15 ноября, по свидетельству Остапенко, она была атакована крупным отрядом японско-белогвардейских войск²⁰⁹. Дата этого боя напрямую связана с датами «граблений» партизанами с. Вятского и начала экспедиции отряда Тряпицина на Нижний Амур. Это позволяет, через проверку подлинности последней, уточнить и все остальные даты ноября, в том числе и дату Анастасьевской конференции.

По утверждению Бойко-Павлова, поход начался из с. Анастасьевского 5 ноября²¹⁰, то есть через три дня после окончания конференции. Расстояние от Анастасьевки до с. Вятского – около 20 километров по прямой, следовательно, достигнуть последнего

партизаны должны были в тот же день. Здесь, в с. Вятском, впервые на Амуре проявился буйный нрав Тряпицына, когда он, по свидетельству П.Малаева, «избил и живым пустил под лёд священника»²¹¹. Упоминание льда, в данном случае, косвенно свидетельствует об ошибочности даты 5 ноября. Ведь даже 8-го ноября на Амуре в этом районе ещё только закончилась навигация и начался ход шуги²¹². Образование же прочного ледяного покрова даже у берега никак не могло произойти здесь раньше середины ноября.

Не могла произойти Анастасьевская конференция и позже 12-го ноября, потому что уже 13-го, по данным газет, начались реквизиции продовольствия для партизан в окрестных деревнях. По-видимому, первый, кто написал в своих воспоминаниях дату 1-2 ноября, опирался на документ с неясно написанными или стёршимися цифрами и, поэтому, ошибочно добавил между ними тире. Таким образом, Анастасьевская конференция должна была состояться не 1-2, а 12 ноября 1919 года.

Дата выхода отряда из с. Вятского тоже требует уточнения. П.Малаев утверждает, что переход отряда Тряпицына отсюда в д. Елабугу осуществлялся уже по льду Амура, сквозь высокие ледяные торосы²¹³. Между тем, такой лёд на Амуре устанавливается примерно в конце второй декады ноября. Из этого, в свою очередь, следует, что переход партизан из Вятского в Елабугу был осуществлён где-то в последней декаде этого месяца. Эту дату подтверждают и газеты того времени, поместившие сообщения об отступлении партизан из Анастасьевки и ограблении ими с. Вятское в оперативных сводках Калмыковского штаба за 29 ноября²¹⁴.

Из вышесказанного следует, что разгром партизанской базы калмыковцами также не мог состояться 15 ноября. Если указанная дата дана в старом стиле, то это событие произошло 28 ноября. По утверждению Остапенко, отряд Холодилова целые сутки отражал наступление врага и только после подхода к белым подкрепления ему пришлось уничтожить все запасы и отступить²¹⁵. Однако другой участник этого боя А.Маловечкин свидетельствует, что сопротивление партизан было недолгим. Причём, по его словам, И.Безсонов тоже принимал участие в этом бою, руководя одним из фланговых отрядов партизан²¹⁶. Сам же И.Безсонов в своих описаниях боя очень краток. Он лишь констатирует факт уничтожения базы и вынужденного отступления отряда вниз по Амуру из-за неудачного командования им Холодиловым²¹⁷.

Само это отступление проходило таким образом, что единый отряд фактически разбился на две части. Одна из них сразу же ушла вниз по Амуру, а вторая остановилась в д. Весёлый Кут — прежней «столице» партизан. Теперь, из-за отсутствия здесь продовольствия, его называли Голодный Кут. В конце концов, остатки партизанского отряда, после трёхдневных скитаний по тайге, вышли в д. Некрасовку, откуда 18 здоровых бойцов, во главе с самим Холодиловым, тоже ушли вниз по Амуру, а больные (8 человек), в том числе Федотенко-Вредный, были оставлены на излечение в селе.

Намного более успешно развивались для партизан события на нижеамурском направлении. Здесь успехи посланного ревштабом экспедиционного отряда во многом были обеспечены предыдущей деятельностью отряда Мизина, имевшего своих агентов во многих деревнях от Елабуги до Малмыжа. По

утверждению П.Д.Малаева, в с. Малмыж располагался тогда штаб отряда Мизина, а неподалёку - его таёжная база на озере Дарга²¹⁸. Между тем, озеро с таким названием имеется лишь в 20 километрах от Хабаровска, и около него находилась «горная» база отряда А.Кочнева. В окрестностях же Малмыжа существует озеро Шарга. Видимо, где-то на его берегах и могла располагаться база отряда Мизина. Согласно воспоминаниям Г.Е.Белоцеева, отряд разместился на лесном заводе²¹⁹.

Далее П.Д.Малаев утверждает, что уже к началу похода экспедиционного отряда на этой базе имелась мастерская по ремонту оружия и набивке патронов, а также склады захваченного Мизиным на Амуре продовольствия, в основном муки и фуража, всего около 40 тысяч пудов. Однако, согласно воспоминаниям бывшего партизана отряда Мизина Стрельцова-Курбатова, даже в момент ухода экспедиционного отряда из Малмыжа вниз по Амуру в нём ещё только «должна быть база и ружейная мастерская»²²⁰.

Что же касается складов, то захваченное в Малмыже продовольствие Мизин, по утверждению Жукова, оставил на хранение у местных крестьян. Таким образом и продовольственная база и оружейная мастерская были обустроены, видимо, уже в тот период, когда с. Малмыж стало глубоким тылом партизанских отрядов Приамурья. Сама организаторская деятельность Мизина в деревнях нижнего Амура П.Малаевым тоже значительно приукрашена. Как пишет Г.Е.Белоцеев, партизаны отряда, после того как расположились на лесном заводе в Малмыже, «стали варить самогонку, и началось пьянство»²²¹.

Многочисленные ошибки П.Д.Малаева

обусловлены, видимо, тем обстоятельством, что сам он не являлся непосредственным участником боевых операций и походов партизан. Он был фельдшером в отряде Мизина, и поэтому всё время находился с больными и ранеными в партизанском таёжном госпитале на реке Немта, неподалёку от с. Синда. После занятия партизанами с. Нижне-Тамбовки, П.Малаев был вызван туда для организации нового госпиталя. Там он и находился вплоть до апреля 1920 года.

Таким образом, большая часть событий партизанской войны могла быть известна ему только с чужих слов, в основном от местных крестьян и лечившихся в госпитале партизан. Тем не менее, и такая информация способна существенно дополнить подробностями сообщения более авторитетных, но слишком немногословных источников. Так, один только П.Малаев сообщает о том, что начало движения партизанских отрядов и их обозов по льду Амура было подготовлено крестьянами селений Синда и Елабуга, которые, по призыву Мизина, чуть ли не поголовно вышли пробивать пешнями проездной путь через ледяные торосы. Очищенные участки отмечались высокими вехами на случай снежных заносов²²².

6. Вопросы партизанского движения на «Хабаровском фронте» (ноябрь 1919 — январь 1920 гг.)

В самом начале своего движения на Нижний Амур И.Жуков, Н.Лебедева и Тряпицын с отрядом остановились в с. Вятском, а М.Попко с небольшой агитгруппой уехал вперёд, в с. Елабугу. Сразу после отправки реквизированного в Вятском продовольствия на партизанскую базу, отряд Тряпицина, вместе с

обоими членами штаба, которых он сопровождал, вышел в дальнейший путь.

После разгрома калмыковцами партизанской базы в тайге, вслед за ним выступили остальные члены штаба и остатки отряда Холодилова. Все они сосредоточились в с. Сарапульское на Амуре. Только после этого, по утверждению И.Безсонова, «было приступлено к разработке нового плана действий», а «три члена штаба с небольшим отрядом Тряпицына были посланы вниз по Амуру для агитационной работы среди населения, организации революционных комитетов, мобилизации оружия, взятия на учёт продуктов, необходимой одежды, привлечения в партизанские отряды добровольцев и т.д.». Тогда же, по его мнению, была выслана и разведка в г. Николаевск²²³.

Таким образом, окончательное решение о посылке отряда вниз по Амуру было принято не на конференции в Анастасьевке, а уже в Сарапульском, примерно в самом конце ноября. И.Жуков, Д.Бойко-Павлов и М.Попко, видимо для краткости*, сильно упростили процесс принятия этого решения, сведя его только к одному дню. Однако даже в с. Сарапульском речь не шла ещё о продвижении отряда к Николаевску. И.Жуков боевой задачей похода называет только ликвидацию «вооружённой группировки в казачьем посёлке Киселёвка»²²⁴. М.Попко также не упоминает в качестве цели похода Николаевск, а говорит лишь о решении «направить экспедиции с целью извлечения средств и с целью вовлечения населения в партизанское движение в низовьях Амура»²²⁵.

---

* Публикация исторических воспоминаний в ненаучной литературе или в прессе, как правило, предполагает сильное сокращение и упрощение материала.

Из с. Сарапульского штаб, по свидетельству И.Безсонова, перебазировался в с. Малмыж только в середине декабря²²⁶, следовательно около полумесяца с. Сарапульское фактически являлось партизанской «столицей» всего Хабаровского уезда. Всё это время калмыковцы ни разу не потревожили находящихся здесь партизан своими набегами, что дало последним возможность быстро восстановить свои силы для продолжения борьбы.

Как пишет Безсонов, «мирное положение отрядов позволило штабу проделать большую организационную работу». Эта работа проявилась, во-первых, в том, что удалось достать или изготовить зимнюю одежду почти для всех партизан. Были приложены также серьёзные усилия для повышения дисциплины в отрядах. Ради этого даже организовали комячейку²²⁷. И.Ф.Жуков, правда, утверждает, что партийная ячейка партизанского отряда организационно оформилась ещё в Елабуге, и насчитывала около 30 человек. Учитывая, что весь отряд Тряпицина составляли в тот момент, по данным Голионко, всего 35 человек²²⁸, вряд ли она могла быть создана при его отряде. Скорее всего, речь и у И.Жукова, и у И.Безсонова идёт об одной и той же организации, формирование которой началось в Елабуге и было продолжено затем в с. Сарапульском, после прибытия туда штаба отрядов. В состав её, вероятно, вошли все коммунисты из числа членов ревштаба и подчинённых ему партизанских отрядов в районе Хабаровска и на нижнем Амуре.

Для решения продовольственного вопроса штаб фактически применил некоторые меры, сходные с политикой «военного коммунизма», в Советской России. Им были реквизированы и взяты на учёт все

склады муки и рыбы, заготовленные на Амуре. По свидетельству И.Безсонова, «хождение денег с этого времени в уезде совершенно прекратилось: покупались у китайцев только необходимая мануфактура, а продукты отпускались населению в порядке развёрстки при посредстве сельских ревкомов». «Все эти меры — пишет И.Безсонов — дали возможность обеспечить продуктами не только партизанские отряды, но и население... Население ..., признававшее штаб за единственную военную и гражданскую власть в уезде, ...начало организовывать боевые дружины, вводить всеобщую трудовую повинность, производило добровольно мобилизацию всего, что требовалось для партизанской борьбы и т.д.».

Примерно в это же время штабом был «издан приказ к населению уезда, чтобы никакие продукты, фураж и топливо не подвозились в г. Хабаровск до тех пор, пока Хабаровская власть не будет вынуждена производить выдачу продуктов населению в обмен на дрова, сено и пр., и вообще был воспрещён всякий ввоз продуктов, товаров, пушнины и т.п. в город»²²⁹. Это было ответной реакцией партизанского руководства на действия белых властей, которые, как пишет И.Безсонов, «чтобы заморить партизан голодом, не отпускали населению из города муки, хорошо зная, что все крестьяне кормят партизан»²³⁰. Правда реализовать эту меру в полном объёме как минимум до конца декабря было вряд ли возможно, поскольку в непосредственной близости от Хабаровска, с восточной стороны, партизанских отрядов тогда не существовало. Впрочем, и сельскому населению там везти в город кроме сена и дров было уже нечего.

Как пишет Остапенко, 1 декабря излечившиеся от ран и болезней бывшие бойцы отряда Холодилова, во

главе с Федотенко-Вредным, образовали в с. Некрасовке «1-й Мстительный Хабаровского района отряд», который в течение нескольких дней увеличился за счёт перебежчиков из 36-го полка и местных крестьян до 23 человек. Однако 5 декабря и он тоже ушёл в с. Сарапульское на Амуре²³¹. Обе эти даты Остапенко тоже, видимо, следует переводить в новый стиль, поскольку к 1 декабря партизаны отряда Холодилова, после разгрома 28 ноября своей базы, могли лишь добраться до с. Некрасовки. Таким образом, предположительная дата образования отряда Федотенко-Вредного (по новому стилю) – 14 декабря. В с. Сарапульское он, следовательно, ушёл 19 декабря.

Южнее Хабаровска партизанская борьба в это время вновь набирала обороты. По свидетельству И.Безсонова, штабу удалось тогда установить связь с новым отрядом Соколова в районе реки Хор. Приблизительно к концу декабря этот отряд сумел наконец разгромить японский гарнизон на разъезде Хор. Именно этим событием И.Бессонов датировал образование Хабаровского фронта партизан (Николаевский фронт, по его мнению, возник немного раньше), после чего «все члены штаба должны были разделиться и выехать на фронты»²³².

К тому времени пришедший в с. Сарапульское отряд Федотенко-Вредного был серьёзно пополнен как уже отступившими сюда другими бывшими бойцами отряда Холодилова, так и добровольцами-крестьянами из ближайших Амурских деревень. В частности, сюда подошёл добровольческий отряд, сформированный по инициативе Вознесенского сельревкома из крестьян сёл Орловское, Пермское, Вознесенское и Малмыж. Присоединился к отряду Федотенко-Вредного, по-видимому, и кавалерийский отряд Изотова, поскольку в

источниках имеются свидетельства последующего участия обоих отрядов в одних и тех же боях. Общая численность возглавленных Федотенко-Вредным партизанских сил составила, как пишет Остапенко, около 200 человек. Несмотря на то, что оружие было далеко не у всех партизан, отряд решил действовать и двинулся к Хабаровску»²³³.

В новогоднюю ночь из Хабаровска в партизанский отряд Федотенко-Вредного бежала пулемётная команда 36-го сибирского стрелкового полка, которую удалось сагитировать группе подпольщиков во главе с Давыдюком. Она присоединилась к отряду в селе Вятском²³⁴. Таким образом, силы партизан сразу увеличились на 120 хорошо вооружённых бойцов с 4 пулемётами «Кольт» и большим запасом патронов и гранат²³⁵. Остапенко в целом подтверждает эту информацию, но уточняет, что перебежчиков было до 100 человек²³⁶.

Усиленный таким образом отряд немедленно двинулся к самому Хабаровску и совершил успешный налёт на ст. Красная речка, захватив там много оружия и провизии. Сразу вслед за этим последовало нападение на радиостанцию, где был разгромлен японский гарнизон в 65 человек. Вскоре после этого попал в засаду партизан у д. Чёрная речка посланный для их преследования японско-казачий отряд численностью, по оценке Федотенко-Вредного, «человек 150». Оценки потерь у обоих очевидцев оказались разными. Федотенко-Вредный считал, что «выбили почти всех японцев», а Остапенко пишет, что «перебили японцев 60 человек и несколько русских, захватили обоз 5 подвод, с нашей стороны ранено было 5 человек, в этом числе командир конного отряда Изотов»²³⁷.

Подробное описание этого боя дал ещё один

прямой его участник в составе отряда Изотова Лавренков. По его свидетельству, отряд встретил японцев и казаков на выходе их из д. Чёрная речка, шквальным пулемётным огнём, поддержанным винтовочной стрельбой партизан. Несмотря на большие потери, противник принял бой. Исход его решил обходной манёвр кавалерийского отряда Изотова, ворвавшегося с тыла прямо в центр села. Дело шло к полному уничтожению окружённого карательного отряда, и лишь замешательство партизан, вызванное ранением их командира Изотова, позволило противнику выскользнуть из кольца²³⁸.

Дата этого боя в воспоминаниях Остапенко, также как и все его предыдущие даты, приведена неточно. Он утверждает, что бой на Чёрной речке произошёл 6 января 1920 года²³⁹. Однако Лавренков относит его к 26 января, а 27 января, пишет он, другой смешанный японо-казачий карательный отряд, подошедший со стороны Петропавловского озера, через с. Константиновку, занял с. Князе-Волконское и расправился с оставшимися там семьями партизан²⁴⁰. Это его свидетельство полностью подтверждается следующим сообщением Хабаровской уездной земской управы от 6 февраля 1920 года: «27 января с.г. экспедиционный японский отряд, подойдя к с. Князе-Волконскому со стороны д. Константиновки, открыл оружейный огонь ... разрушил здание волостной земской управы ... войдя в само селение, произвёл ... обыск ... насилию ... грабю... Впоследствии приступил к поджогу жилых домов и строений»²⁴¹.

Уточнённая датировка боя на Чёрной речке заставляет перенести на 20 дней вперёд и начало рейда отряда Федотенко-Вредного по пригородам Хабаровска. Из этого, в свою очередь, следует, что и

непосредственно предшествующий этому рейду переход на сторону партизан пулемётной роты колчаковцев произошёл намного позже 1 января, скорее всего во время празднования нового года по православному календарю, то есть 14 января по новому стилю.

Довольно успешными оказались первые зимние месяцы и для отряда А.Кочнева. По свидетельству бывшего начальника разведки этого отряда И.К.Семикировка, к концу 1919 года он насчитывал свыше 60 человек, не считая обоза. Отряд был разбит на 2 взвода и конную разведку. К тому времени разведчикам отряда А.Кочнева, с помощью подпольщиков, удалось захватить станковый пулемёт с патронами, стоявший около японского штаба на базе Амурской военной флотилии²⁴². В течении декабря партизаны этого отряда имели несколько стычек с мелкими подразделениями калмыковцев, срывали заготовки скота для белой армии в деревнях, вылавливали и уничтожали белогвардейских шпионов.

В январе, по распоряжению ревштаба, отряд А.Кочнева перешёл на правый берег Амура и стал действовать в районе Березовки, Анастасьевки, Смирновки и Константиновки²⁴³. Здесь в отряд перешла полурота колчаковских солдат, охранявшая расположенный тогда в 3-х километрах от Хабаровска Минный городок²⁴⁴. В том же месяце отряду, используя тактику засад, удалось отразить наступление японцев и калмыковцев на свои базы в д. Марковке и на озере Дарга. Причём о времени и месте этого наступления партизанам, как утверждает И.К.Семикировка, было известно заранее²⁴⁵. К весне 1920 года отряд А.Кочнева насчитывал уже около 150 человек²⁴⁶.

В этот же период произошло резкое изменение соотношения сил сторон и на Дормидонтовском участке. По архивным данным, там 13 ноября перешла на сторону партизан рота солдат 36-го стрелкового полка с приданной ей пулемётной командой (2 пулемёта)²⁴⁷, что увеличило численность действующего здесь партизанского отряда Рубеля (в декабре командиром отряда стал Ф.И.Буссель) с примерно 40 до 120 человек²⁴⁸. Однако и эти сведения нуждаются в корректировке. Согласно газетной информации того времени, захват партизанами станции Дормидонтовка произошёл не 13, а 15 декабря, в 2 часа дня²⁴⁹.

Что же касается численности перешедших на сторону партизан колчаковских солдат, то сведения документа довольно верны. Газеты сообщали тогда, что «русские силы» в Дормидонтовке составляли 75 человек (по-видимому, 2 взвода солдат – Ю.Т.). Из них трое (2 офицера и 1 нижний чин) сгорели в вагонах, сожженных партизанами. Остаются 72 человека, что в добавлении к 40 с лишним партизан даёт цифру, близкую к 120. Позже в его состав влилась посланная против него сотня Уссурийских казаков. Отряд, по свидетельству одного из его руководителей Ярина, «сделал несколько налётов на ст. Дормидонтовка, с которой трижды снимал охрану дороги, с разъезда Корсаково была снята вся охрана и влита в партизанский отряд». В результате, общая численность Дормидонтовского партизанского отряда в последний период его существования достигла, 280 человек. База отряда находилась тогда в глухой таёжной деревушке Мурафа²⁵⁰.

Отряда Ковалья в тот период на данном участке, видимо, уже не было. Сам Бойко-Павлов к 20 декабря фиксирует его в районе ст. Вяземская, где он, вместе с отрядом Погорелова, ночью атаковал станцию Гедике и

захватил состав с продуктами, предназначенными для японской армии. На соседнем участке к югу, чуть ранее, Бойко-Павлов отметил и отряд Гармашова, предпринявший тогда неудачную попытку захвата ст. Розенгардовка (Лермонтово). Отряд, при этом, потерял около трети своих бойцов. Был убит и сам Н.И.Гармашов²⁵¹. Кто командовал отрядом после его смерти из воспоминаний членов ревштаба неизвестно, что само по себе говорит об отсутствии у штаба Бойко-Павлова связи с ним после этого события.

Глава 2

Вопросы партизанского движения на Нижнем Амуре

Включение всего населения Нижнего Амура в борьбу против колчаковщины, интервенции и режима атамана Калмыкова произошло после занятия этого региона спустившимися сюда из района Хабаровска отрядами партизан. Сам факт этого движения хорошо известен исторической науке, однако остаётся целый ряд не до конца выясненных вопросов, среди которых наиболее важными являются следующие:

1. Роль Я.И.Тряпицина в этом походе.
  2. Датировка основных событий похода до Циммермановского боя включительно.
  3. Вопросы Циммермановского боя.
  4. Вопросы прорыва партизан в низовья Амура.
  5. Взаимоотношения военревштаба со штабом Тряпицина после Циммермановского боя.
  6. Вопросы создания «Красной армии Николаевского района».
  7. Причины успеха партизан на Нижнем Амуре.
- Разберём каждый из этих вопросов по очереди.
1. Согласно книге В.П.Голионко Я.Тряпицин после Анастасьевской конференции «вышел из подчинения штаба и со своим отрядом в 35 человек направился в низовья Амура»²⁵². Подобная оценка похода Тряпицина попала и в Историю Дальнего Востока России, где сказано, что он «с отрядом в 19 человек ушёл на Нижний Амур ... восстанавливать советскую власть»²⁵³, без указания, при этом, на какую бы то ни было подчинённость этого партизанского командира, что неявно подразумевает самостоятельность его действий.

Однако такое «самоуправство» Я.Тряпицина не подтверждается сохранившимися свидетельствами непосредственных участников этого похода. В частности, из воспоминаний бывших членов военревштаба Д.Бойко-Павлова, М.Попко, И.Жукова и И.Безсонова следует, что отряд Тряпицина был послан на нижний Амур в целях обеспечения реализации принятого штабом плана использования ресурсов этого региона для продолжения и дальнейшего развёртывания партизанской войны в Приамурье. Общее же руководство непосредственной организационной работой с населением занятой в результате этого похода территории было поручено отправленным туда вместе с отрядом Тряпицина трём членам военревштаба — М.Попко, Н.Лебедевой и И.Жукову.

Как свидетельствует Д.Бужин-Бич, командующим экспедиционным отрядом с самого начала был избран партизанами, а затем и утверждён штабом Я.Тряпицин. М.Попко же и Н.Лебедевой была «поручена агитационная работа по деревням Амура, вылавливание активных противников партизанского движения, организация сельревкомов, изыскание продовольствия и обмундирования ..., сбор оружия и патронов». Для выполнения этой работы им была выделена особая агитгруппа и небольшая охрана²⁵⁴.

Однако сказанное им относится, скорее всего, уже ко времени стоянки отряда в с. Троицком. Именно там, по свидетельству Д.Булатова, в отряде Тряпицина «были созданы обоз, летучий санотряд, агитационный отдел и т.д.», после чего «в его отряде появились Попко, Жуков, Н.Лебедева и Павлов-Бойко»²⁵⁵. По-видимому, первые трое догнали здесь отряд Тряпицина после организации ревкомов в попутных деревнях, а вслед за ними прибыл сюда и председатель штаба Д.Бойко-

Павлов.

Там же, продолжает Д.Булатов, «по предложению товарища Бича, был принят план захвата всего низовья р. Амур и г. Николаевска ... и намечена постоянная резиденция военревштаба в с. Нижне-Тамбовке». Именно на основании решений штаба в с. Троицком, судя по данным Д.Булатова, «было приступлено к объединению соседних отрядов низовья Амура под командованием Тряпицина»²⁵⁶. Да и сам Бузин-Бич пишет, что в свой поход «отряд Тряпицина тогда (то есть после назначения Тряпицина командиром — Ю.Т.) вышел из Троицкого», «причём было предложено потом подчинить отряд коммуниста тов. Мизина». Правда, «в Малмыже, на объединённом собрании партизан, тов. Мизин отказался подчиниться Тряпицину, но отряд голосовал за Тряпицина, а Мизина избрали помощником, с оставлением начальником Малмыжского гарнизона»²⁵⁷.

И.Жуков подтверждает, что в Малмыже «состоялось совещание членов Военно-революционного штаба с участием командиров отрядов Тряпицина и Мизина», а также то, что на нём решался вопрос о слиянии отрядов. Правда, в отличие от Бузина-Бича, он сообщает не о выборах командира, а только о его назначении решением военревштаба²⁵⁸. В 50-е годы XX столетия в советской исторической литературе вообще считалось дурным тоном упоминать о выборности командного состава даже среди партизан.

Присутствие на этом собрании всех трёх представителей штаба связано было, очевидно, с необходимостью убедить партизан отряда Мизина влиться в состав экспедиционного отряда Тряпицина, что оказалось весьма непростой задачей. Как пишет П.Малаев, митинг по этому вопросу продолжался всю

ночь, а в итоге непосредственно в отряд Тряпицина перешли тогда только 3 человека²⁵⁹. Отряд Оцевилли-Павлуцкого, ещё осенью отделившийся от отряда Мизина, присоединился к Тряпицину позже, когда тот проходил д. Ильинку (теперь - Новоильиновка — Ю.Т.) Нижне-Тамбовской волости²⁶⁰.

2. Из всех событий, связанных с движением партизан к низовьям Амура чётко датировано в исторической литературе только одно — Циммермановский бой. Этот бой сыграл переломную роль, обеспечив саму возможность дальнейшего продвижения партизан к г. Николаевску и, в конечном счёте, их победу. В опубликованном в 1957 году очерке И.Ф.Жукова сказано, что он состоялся 8 декабря 1919 года. Той же даты придерживался и П.Д.Малаев, воспоминания которого увидели свет в 1981 году. Однако это ошибочная точка зрения.

Самый первый историк партизанского движения на нижнем Амуре Д.Булатов, в своей работе, вышедшей в 1923 году, то есть менее чем через четыре года после указанных событий, уверенно утверждал, что Циммермановский бой состоялся 24 декабря²⁶¹. Ту же дату называет и один из непосредственных участников этого боя Стрельцов-Курбатов²⁶². Подобной датировки придерживался также И.Безсонов, работа которого была опубликована в 1924 году. Он относил данное событие к концу декабря²⁶³.

В очерке Д.Бузина-Бича данный бой датирован 26 октября 1919 года. Несомненно, это описка, поскольку на предыдущей странице у него ясно написано, что поход партизан на Нижний Амур начался в ноябре. Д.Бузин-Бич явно имел здесь в виду не октябрь, а декабрь. На это указывает уже следующее предложение, где он сообщает, что «вскоре после этого»

(то есть после Циммермановского боя. – Ю.Т.) произошли события, датируемые им 8 января²⁶⁴. Таким образом, Бузин-Бич относил бой в Циммермановке к 26 декабря, что не существенно, всего на 2 дня, отличается от датировки Д.Булатова.

Существуют и убедительные доказательства такой датировки, хотя и косвенные. Есть, например, свидетельство У.Т.Кудрявцева, бывшего завскладом на Киселёвских золотых приисках, куда Тряпицин с группой партизан ушёл незадолго до Циммермановского боя. Он утверждает, что Я.Тряпицин явился туда 23 декабря 1920 года. У завскладом были основания надолго запомнить эту дату, ведь партизаны Тряпицина взяли в приисковой конторе 6 фунтов золота и всё оружие, за что он должен был дать отчёт правлению своей золотопромышленной компании. Кроме того, у У.Т.Кудрявцева осталась расписка, выданная Я.Тряпициным за реквизированные лично у него портсигар и золотой браслет²⁶⁵.

Если принять за основу именно эту дату, то и датировка всех предшествующих Циммермановскому бою событий тоже будет выглядеть несколько по иному. Со слов И.Ф.Жукова и П.Д.Малаева поход партизан на нижний Амур выглядит стремительным, почти безостановочным движением от самого его начала и до выхода в окрестности г.Николаевска. Дата же 24 декабря указывает на наличие довольно большого временного промежутка (39 дней) между выступлением партизан из Анастасьевки и боем в д. Циммермановке. Для преодоления на санях и повозках по льду Амура примерно 500-километрового расстояния между данными пунктами — это слишком большой срок. Между тем, он вполне объясним на основании свидетельств самих участников этого похода.

Из довольно детальных описаний И.Жуковым событий, предшествующих Циммериановскому бою следует, что последний состоялся через 6 дней после выхода отряда из Нижне-Тамбовки²⁶⁶, а значит данное село он покинул утром 18 декабря. Учитывая, что в с. Нижне-Тамбовке отряд стоял два дня, то прибыть туда он мог вечером 15 декабря. От Малмыжа, согласно тому же источнику, партизаны «продвигались быстро, больше суток нигде не задерживались*», из чего можно предположить, что выехали они оттуда приблизительно 9 или 10 декабря**. Таким образом, митинг по объединению отрядов в Малмыже мог состояться в ночь с 8 на 9 или с 9 на 10 декабря.

Так как в с. Малмыж отряд пробыл недолго (П.Малаев вообще считал, что он ушёл в тот же день²⁶⁷), из с. Троицкого он выступил приблизительно 6 или 7 декабря***. А поскольку в Троицкое отряд Тряпицина прибыл примерно в первых числах декабря, находился он там не менее 4-х дней.

3. Циммермановский бой был довольно подробно описан несколькими его участниками, однако научного анализа всех этих описаний до сих пор сделано не было. Проблемными, также как и в истории других подобного рода событий, являются вопросы численности сторон,

* Из этого следует, что приехав в село вечером или во второй половине дня, партизаны уже утром снова отправлялись в путь.

** В с. Орловка отряд, по-видимому, не ночевал, так как до него от с. Вознесенского всего 15 километров, поэтому ночёвки были только в сёлах Вознесенское, Пермское, Верхнетамбовское и Среднетамбовское, расстояние между которыми по Амуру от 35 до 55 километров, то есть не более одного дня санного пути.

*** От Троицкого до Малмыжа менее 70 километров. Между ними располагались два русских селения, но с. Славянка находится от Троицкого в 15 километрах, поэтому ночёвка, скорее всего, была только в с. Иннокентьевке (около 40 км от Троицкого).

их состава, вооружения и потерь. Как правило, в воспоминаниях ветеранов о боях, в которых им довелось принимать участие, численность неприятеля и его потери со временем возрастают. Исходя из этой закономерности, больше доверия должны вызывать наиболее ранние воспоминания, либо те из них, в которых приведены наименьшие цифры.

Численность противника в Циммермановском бою выше всего оценил М.Попко. По его мнению одних только убитых и обмороженных отступившие белые оставили 150 человек. Между тем, Д.Булатов сообщает, что «из всего отряда в 130 человек отступило не более 43, а остальные были убиты или при отступлении замёрзли». Таким образом, потери белых составили от 80 до 90 человек. И.Жуков уточняет, что убито было около 40 солдат и три офицера. Следовательно, ещё 40-50 попали в плен ранеными или обмороженными*.

Эти цифры косвенно подтверждаются вместимостью госпиталя, организованного партизанским штабом в с. Нижне-Тамбовка после получения известий о большом количестве раненных и обмороженных в Циммермановском бою. Он был развёрнут в здании почтово-телеграфной конторы на 50 коек²⁶⁸. Учитывая, что партизан было ранено 4 или 5 человек (ещё 3-4 убито), в госпиталь было отправлено не более 45 бывших белых солдат, которые по понятным причинам все без исключения изъявили желание тоже стать партизанами.

Ту же численность белогвардейского отряда

---

* Приблизительное равенство цифр раненых и убитых белых объясняется тем, что при сильном снежном буряне и морозе, который к рассвету доходил до 40⁰, большинство раненых, находясь на льду Амура, быстро замерзали.

можно получить и путём несложных расчётов исходя из состава гарнизона г. Николаевска. Там, по данным С.Н.Савченко, располагался в то время отдельный запасной батальон колчаковских войск. Учитывая, что по расчётам последнего штатная численность одного колчаковского полка трёхбатальонного состава* была 1200 человек, один батальон мог насчитывать около 400 человек. Батальоны у белых на Дальнем Востоке состояли, как правило, из трёх рот, следовательно, рота в среднем имела чуть более 130 человек.

Количество участвовавших в бою партизан М.Бойко определил примерно в 150 человек, из которых только около 35 были вооружены винтовками и ещё около 40 — берданками. Остальные, по его словам, располагали только централками и дробовиками, а кое-кто был и совсем без оружия²⁶⁹. То, что большинство защитников Циммермановки были вооружены дробовиками подтверждает и бывший участник этого боя Борисонов²⁷⁰. Согласно же сведениям Д.Булатова, «в Циммермановке ... в это время было не свыше 170 партизан, вооружённых в большинстве берданами»²⁷¹. Про централки же и дробовики он вообще не упоминает.

Успех партизан в этом бою, а также столь малые их потери можно объяснить грамотно выбранной тактикой боя и хорошей предварительной подготовкой позиции. Учитывая недостаточное количество патронов, партизанам приказано было стрелять только залпами и вести преимущественно фланговый огонь. Последнее было возможно вследствие особенностей самой деревни Циммермановки, которая располагалась на четырёх увалах, разделённых оврагами и круто обрывававшихся к берегу Амура²⁷². Именно на этих

---

* Видимо, имеется ввиду только количество активных штыков

увалах в основном и разместились позиции партизан. Окрестности села были завалены тогда глубоким снегом, поэтому подойти к нему можно было только по льду, со стороны реки.

О движении белогвардейского отряда из Николаевска к Хабаровску партизаны узнали за два или три дня до его появления под Циммермановкой от взятого в плен разведчика белых. Это и позволило заблаговременно подготовиться к обороне. По решению военревштаба в Нижне-Тамбовской волости была проведена мобилизация мужчин в возрасте от 18 до 40 лет, то есть в основном бывших солдат 1-й мировой войны. На сборы давалось не более 6 часов. Явка, по свидетельству И.Жукова, была хорошей, во многом видимо и потому, что мобилизацию в ближайших деревнях проводил лично он. В результате, уже через двое суток численность партизан в Циммермановке увеличилась примерно в два раза.

Руководство обороной села, по утверждению того же И.Жукова, было возложено на него самого и другого члена военревштаба М.Попко, которое они и осуществляли «с помощью испытанных партизанских командиров». Под последними И.Жуков, видимо, имел в виду командиров подразделений, на которые, по его словам, был разбит тогда весь партизанский отряд, то есть роту Ведьманова и подразделения Болдырева, Рыжова и Бузина-Бича²⁷³ (не ясно, при этом, какие именно «подразделения» он имел в виду). М.Попко же пишет, что на созванном накануне вечером совещании командного состава все партизаны были разбиты по взводам, а общим командиром был оставлен Д.Бузин-Бич²⁷⁴.

Стрельцов-Курбатов дополняет, что одним из командиров взводов был Стрельцов²⁷⁵. Он и другие

авторы партизанских воспоминаний подтверждают, что общее военное командование было поручено Д.Бузину-Бичу, и это вполне логично, так как среди партизан отряда только он один имел в прошлом офицерский чин (поручика).

Инженерная подготовка обороны с. Циммермановки выразилась в том, что «по Набережной улице из брёвен оборудовали угловые окопы, засыпали их снегом и залили водой. В бревенчатых сараях местных жителей ... на берегу Амура сделали бойницы»²⁷⁶. Бой начался на рассвете и продолжался до конца дня.

4. После Циммермановского боя численность экспедиционного партизанского отряда стала очень быстро расти. Подошло посланное военревштабом подкрепление, опоздавшее к началу боя на 4 дня. Д.Булатов сообщает, что выступило оно из с. Троицкого под командование Т.Наумова²⁷⁷. И.Безсонов указывает его численность — 165 человек²⁷⁸. Вряд ли весь этот отряд был сформирован в с. Троицком. По свидетельству И.Жукова, отрядом Тряпицина в этом селе был оставлен лишь «небольшой гарнизон». Более конкретно понятие «небольшой» можно представить себе в сравнении с численностью самого отряда Тряпицина, выступившего в поход из с. Троицкого. Как утверждает Д.Бузин-Бич, она составляла не более 80 человек²⁷⁹.

По данным П.Д.Малаева, Т.Наумов сформировал в Елабуге отряд лыжников из молодёжи ближайших деревень²⁸⁰. Наумов появился в соседнем селе Сарапульском вместе с остатками отряда Холодилова вскоре после гибели партизанской продовольственной базы²⁸¹, то есть примерно в самом конце ноября. Со своим отрядом лыжников он потом, видимо, перебрался

в с. Троицкое, а оттуда, получив приказ военревштаба, вместе с местным гарнизоном отправился в Циммермановку.

По пути, в с. Малмыж к нему, по-видимому, присоединился отряд Мизина, оставленный здесь в качестве гарнизона после отказа своего командира подчиниться Тряпицыну. Могли войти в состав отряда Наумова и подоспевшие в с. Нижне-Тамбовское новые призывники. После его прихода в Циммермановку там скопилось уже не менее 350 партизан. Между тем продолжали прибывать новобранцы из окрестных деревень, где после удачного исхода Циммермановского боя мобилизация давала, как пишет Д.Булатов, 100-процентный результат. Начался непрерывный приток добровольцев²⁸². Согласно воспоминаниям Стрельцова-Курбатова, отряд вскоре был разбит на 3 роты, командирами которых стали Стрельцов, Щерый* и Рыжов²⁸³.

По утверждению И.Жукова, он сам и М.Попко сразу после Циммермановского боя вернулись в с. Нижне-Тамбовское²⁸⁴. Между тем, Д.Булатов в своей работе сразу после сообщения о приходе подкрепления из с. Троицкого пишет, что «на устроенном совещании активных работников совместно с членами штаба (Жуковым и Попко) постановлено ... утвердить назначение высшего командного состава и созданный Бичом штаб фронта ... ввиду того, что военно-революционный штаб до сих пор не мог ещё собрать кворума для разрешения накопившихся вопросов»²⁸⁵.

Из этого сообщения следует, что штаб Николаевского фронта был создан вскоре после Циммермановского боя Д.Бузиным-Бичом. Правда, сам

---

* Видимо, брат казнённого в октябре карателями помощника командира отряда Мизина.

Бузин-Бич и другие свидетели из числа партизан его отряда факт создания штаба фронта именно в то время не подтверждают. Возможно, первоначально он считался не штабом фронта, а штабом отряда или направления. Состав его в точности не известен, так как вся штабная документация сгорела впоследствии во время попытки японского переворота в г. Николаевске 12 марта 1920 года.

По свидетельству И.Безсонова, начальником штаба стал Т.Наумов²⁸⁶, что выглядит вполне логично. Имея в прошлом чин штабс-капитана, он был самым старшим по званию из всех бывших офицеров среди партизан, однако занять пост командующего он не мог, поскольку им уже был утверждён военревштабом ранее избранный самими партизанами Я.Тряпицын (бывший прапорщик), а в его отсутствие отрядом командовал Д.Бузин-Бич.

То, что данный штаб всё-таки был создан именно тогда, вытекает и из свидетельства И.Бессонова, который пишет, что это произошло «немного спустя» после отправки Тряпицыну подкрепления в числе 165 человек²⁸⁷. Косвенно подтверждает эту датировку и М.Попко. Выступая на вечере воспоминаний 9 февраля 1929 года, он произнёс вскользь следующую фразу: «некоторым товарищам памятна история разделения на фронты Николаевский и Хабаровский. К тому времени мы дошли примерно до Нижне-Тамбовской»²⁸⁸. К моменту Циммермановского боя и сразу после него, то есть к концу декабря, партизаны действительно контролировали Нижний Амур не дальше Нижне-Тамбовской волости.

С другой стороны фронта партизанам в это время противостоял расположившийся в с. Софийском отдельный запасной батальон полковника Вица.

Находясь там, он перекрывал партизанам путь в низовья Амура. Получив сведения о движении вниз партизанских сил, батальон Вица стал усиленно готовить с. Софийское к обороне. По свидетельству Борисонова, «белые ... делали в Софийском разные насыпи из брёвен, крестьян заставляли работать день и ночь»²⁸⁹.

Численность этой группировки белогвардейцев можно определить только приблизительно, отняв от 400 человек штатного состава 90 потерянных под Циммермановкой солдат и офицеров, и добавив 60²⁹⁰ отступивших из Киселёвки, по данным И.Жукова, казаков и милиционеров. Получаем 370 человек, а с учётом следовавших с отрядом примерно полутора десятков офицеров из других частей (всего было 27 офицеров разных частей²⁹¹) — около 400. Именно этой цифрой измерял силы белых в с. Мариинском один из участников похода в низовья Амура бывший партизан Борисонов²⁹².

Примерно в первой декаде января в штабе отряда Бузина-Бича вновь появился пропавший командующий Я.Тряпицин (В.П.Малаев ошибочно утверждает, что это произошло 20 декабря - Ю.Т.). Оказалось, что ему удалось обходным путём, через Киселёвские и Удыльские прииски, проникнуть в низовья Амура и организовать там Горный партизанский отряд, численностью до 100 человек, который внезапным ночным налётом занял с. Богородское на Амуре, отрезав, таким образом, батальон Вица от г. Николаевска²⁹³.

По воспоминаниям Кацубы, находившегося в то время вместе с Тряпициным, в с. Богородском отряду удалось захватить ночевавших у начальника почты почтовых чиновников, которые везли белым в с.

Софийское рождественские подарки от населения г. Николаевска²⁹⁴. Позже, в воспоминаниях партизан, лично не участвовавших в этой операции, а через них и в исторических произведениях, появился сильно преувеличенный вариант данной истории, согласно которому, отряд Тряпицина перехватил большой обоз с оружием и продовольствием, шедший из Николаевска в Мариинское.

Из Богородского Тряпицин сразу же отправил телеграмму полковнику Вицу с предложением о капитуляции. Получив такое известие, Виц немедленно отвёл свой батальон из Софийского в с. Мариинское, очевидно опасаясь быть отрезанным не только от Николаевска, но и от бухты Де-Кастри. Отряд Бузина-Бича тут же занял с. Софийское и начал готовиться к наступлению на Мариинское.

Тряпицин же, не давая белым опомниться, выехал на захваченных им почтовых лошадях в с. Мариинское, где в одиночку явился прямо в штаб белых с повторным предложением о капитуляции. Вероятно, именно тогда самим Тряпициным была сочинена для белых офицеров история с захватом посланного из Николаевска обоза. В доказательство он предъявил им письма и продукты из рождественских посылок.

По-видимому, ему удалось произвести нужное впечатление на полковника Вица и его офицеров, поскольку те не только позволили Тряпицину уйти невредимым, но и приняли затем фатальное для себя решение увести батальон в бухту Де-Кастри. Тем самым они признавали своё поражение и оставляли практически беззащитным г. Николаевск, судьба которого с этого момента была решена. Всё это сознавали, по-видимому, и солдаты, поскольку большинство из них, узнав о решении командования,

предложили ему пробиваться в Николаевск, а получив подтверждение приказа об отступлении на Де-Кастри, отказались его выполнять и остались в с. Мариинском. После этого полковник Виц с кучкой офицеров и доверившихся им солдат поспешно бежал, оставив свой батальон на произвол судьбы.

Это произошло как раз перед запланированным наступлением отряда Бузина-Бича на лагерь белых в с. Мариинском. Решение об этом наступлении, как свидетельствует Стрельцов-Курбатов, было принято накануне вечером, а ночью в штаб отряда явился сам Тряпицин и сообщил об уходе Вица и о своих действиях, после чего опять вернулся в Богородское. Утром отряд Бузина-Бича двинулся к Мариинскому, где к нему присоединился оставшийся здесь личный состав белогвардейского батальона вместе с Киселёвскими казаками. Вскоре подошёл из с. Богородского и Горный партизанский отряд самого Тряпицина²⁹⁵.

Время этого события отмечено в работах Д.Бузина-Бича и П.Малаева. Январские датировки последнего, в отличие от ноябрьских и декабрьских, в основном подтверждаются другими источниками. По его данным, отряд Вица ушёл из с. Мариинского 8 января 1920 года. В погоню за ним был отправлены русские и нанайские лыжники И.Ирвина. В бухте Де-Кастри партизаны блокировали белогвардейцев и после 50-дневной осады заставили их сдаться²⁹⁶. Подтверждает вступление партизан в Мариинское 8 января и Д.Бузин-Бич²⁹⁷.

5. После занятия с. Мариинского встал вопрос подготовки партизанских сил к наступлению непосредственно на г. Николаевск, который защищали теперь лишь кучка белогвардейцев и относительно небольшой японский гарнизон. К этому времени уже

полностью выявилась неспособность военревштаба руководить партизанским движением сразу и на Хабаровском и на Николаевском фронтах или, хотя бы, координировать действия отрядов, разделённых несколькими сотнями километров пути по Амурскому льду. Завладев почти всем вооружением, боезапасом и продовольствием белого батальона в Мариинском, войска Николаевского направления стали фактически независимыми от штаба Бойко-Павлова в отношении снабжения.

С этого момента и появляется чёткое стремление командования Николаевского фронта к сепаратизму в своих отношениях с военревштабом. Именно это обстоятельство, как утверждает И.Безсонов, побудило всех членов военревштаба собраться в с. Нижне-Тамбовском. Точной даты данного сбора он не даёт, но привязывает сообщение об этом к сведениям, относящимся к середине января 1920 года²⁹⁸. Билибин тоже совершенно ясно относит это событие к середине января²⁹⁹.

К тому времени, как пишет И.Безсонов, штаб пополнился крестьянскими представителями, насчитывал уже 14 человек и имел соответствующую канцелярию. В с. Нижне-Тамбовском он был разделён на 5 отделов: операционный, агитационно-организационный (политический), хозяйственный, медико-санитарный и отдел вооружений³⁰⁰. Д.Булатов первый и последний отделы называет несколько по другому - секретариат и отдел технической связи. Первый из них, по его мнению, возглавлял И.Безсонов, а второй — Гончаров. Агитторготделом заведовали М.Попко и Н.Лебедева, хозяйственным (интендантство) — дед Пономарёв, а санитарным — нижнетамбовский фельдшер А.Самсонов³⁰¹.

После приезда в Нижне-Тамбовское председателя штаба Бойко-Павлова, военревштаб попытался решить накопившиеся за время отсутствия необходимого кворума проблемы. Как свидетельствует И.Безсонов, «оторванность штаба от фронтов, ввиду ... большого пространства ..., невозможность созвать 3-ю конференцию по случаю боевых действий ..., наконец, существовавший ранее сепаратизм отдельных командиров отрядов, вылившийся в форму полного неподчинения штабу после издания приказа о предоставлении отчётности по случаю истечения срока полномочий членов штаба — всё это побудило штаб принять ряд спешных решений для предотвращения полного распыления сил, распада организаций и провала составленного штабом общего плана действий». В результате было решено создать штабы фронтов — Хабаровский и Николаевский (а точнее только Хабаровский, так как Николаевский был уже фактически создан — Ю.Т.), с дачей им соответствующих директив, и назначить командующим Хабаровским фронтом И.Шевчука³⁰².

Так было официально зафиксировано в решении военревштаба уже фактически сложившееся разделение управления партизанским движением на штабы Хабаровского и Николаевского фронтов. При этом штаб Николаевского фронта военревштаб контролировал лишь формально. Туда в конце января были посланы два его представителя — Н.Лебедева и И.Безсонов, но первая вскоре вышла из состава ревштаба, «предпочтя — по выражению И.Безсонова — личные, чисто интимные отношения к Тряпицину общему делу», а второй вынужден был столкнуться с откровенным нежеланием командования Николаевским фронтом выполнять распоряжения военревштаба.

По его словам, «Тряпицын не подчинился ..., объявил личную диктатуру на Николаевском фронте и полное непризнание штаба ... Переговоры ... с Тряпицыным, именующим себя командующим Красной армией Николаевского фронта, не привели к результату ... Тряпицын не позволял даже знакомиться с общей постановкой дела, созывать собрания партизан и категорически отказался выдать провокаторов, находящихся в его рядах, на основании имеющихся у штаба документов (Лапта и др.), мотивируя отказ боевыми действиями, которых фактически не было»³⁰³.

Таким образом, официальное признание штаба Николаевского фронта военревштабом не привело к восстановлению его контроля над ним. Причём, из свидетельств И.Бессонова ясно, что виноват в разрыве был не только сам Тряпицын, но и другие члены штаба фронта. Он пишет, что «в конечном счёте, действия Н.Лебедевой, начальника штаба Наумова и командующего Тряпицына вылились в такие действия, что штабу, путём угрозы вооружённой силой Хабаровского фронта, пришлось потребовать отпустить ... Бессонова, задерживаемого под всевозможными предлогами на Николаевском фронте»³⁰⁴.

В советской историографии причиной сепаратистских устремлений Тряпицына принято было считать исключительно его анархизм. Между тем, на его стороне оказались в то время также член военревштаба максималистка Н.Лебедева и начальник штаба фронта Т.Наумов, которого историки долгое время считали коммунистом. Именно в партийной организации при его отряде в декабре 1919 года, по мнению В.Смоляка, был принят в компартию бывший левый эсер Д.Бузин-Бич³⁰⁵. Лишь в 1972 году составители сборника воспоминаний «Таёжные

походы» отметили, что Т.И.Наумов являлся тогда левым эсером, хотя к моменту событий на Нижнем Амуре и называл себя большевиком³⁰⁶. Да и сам И.Безсонов, как вспоминал позже Бузин-Бич, «в то время известен нам был как бывший эсер»³⁰⁷.

Д.Булатов приводит другую причину конфликта между штабами. По его мнению, собравшийся в с. Нижнетамбовском военревштаб «всё ещё не был в состоянии выработать и преподать директивы и указания командному составу определившихся к тому времени направлений фронтов ... некоторые из командиров указывали ревштабу на его недостатки, другие же терпеливо ожидали дня новой конференции, назначенной на 1 февраля 1920 года, полагая, что там удастся составить новый ревштаб из более опытных и работоспособных лиц»³⁰⁸. Расположенный за сотни километров от этих «фронтов», штаб фактически мог заниматься в то время только организацией тыла в контролируемых им амурских деревнях, что вызывало серьёзное недовольство среди командиров непосредственно боевых сил партизан.

Впрочем, вызвать указанное противостояние штабов могли тогда и политические разногласия среди партизанского руководства. На них указывают политические мероприятия штаба Николаевского фронта на подконтрольной ему территории. В источниках нет ни одного свидетельства создания в низовьях Амура сельских и волостных ревкомов. Зато в работе Д.Булатова ясно сказано, что «на всех приисках, через которые проходил отряд Тряпицына ... везде была произведена реорганизация управления приисками по примеру 1918 года ... В Мариинске решено было ... восстановить органы местной власти, существовавшие в 1918 году»³⁰⁹.

Таким образом, штаб Тряпицына стремился повсеместно восстановить полновластные Советы на непартийной основе, такие, какими они были на Дальнем Востоке в 1918 году, и каких давно уже не существовало на территориях, подконтрольных большевистскому правительству Советской России. Именно эти Советы, плохо поддающиеся партийному диктату коммунистов и какому-либо централизованному государственному управлению, левые группировки эсеров и анархо-коммунисты считали органами власти трудового народа, гарантирующими дальнейшее развитие революции до полной победы народного социализма для первых или коммунистической анархии для вторых.

Поэтому стремление Я.Тряпицына, Н.Лебедевой и Т.Наумова к восстановлению этих Советов вполне понятно. Немедленную советизацию края на принципах 1918 года поддерживали и многие здешние коммунисты, особенно среди деятелей профсоюзов, некоторые из которых при первых Советах фактически контролировали процесс производства в своих отраслях промышленности, что, по сути, соответствовало принципам не большевизма, а синдикализма. Сторонников такой формы управления промышленностью в те годы было немало даже среди правящей верхушки партии большевиков.

С началом гражданской войны профсоюзы в Советской России были в значительной степени огосударствлены, а функции управления производством в основном сосредоточились в руках государственных органов. Однако на Дальнем Востоке власть Советов пала раньше, чем это произошло, поэтому местные коммунисты, не имея устойчивой связи с центром страны, часто просто не знали об этой новой политике,

и продолжали следовать прежней, которую руководящие органы этой партии в Москве расценивали к тому времени уже как синдикалистский уклон.

Кроме того, действия Тряпицынского штаба в политической сфере шли в разрез со стремлением военревштаба создать прочный тыл для партизанского движения путём компромисса с интересами основной массы старожильского населения на нижнем Амуре.

6. Сосредоточив свои силы в с. Мариинском, штаб Николаевского направления провёл очередную их реорганизацию. По мнению Д.Булатова, всю организационную сторону этого дела взял на себя Д.Бузин-Бич. «Было образовано 2 полка, причём в каждом имелось по 100 лыжников в белых халатах и столько же конников. Батальон китайских добровольцев, под командованием тов. Комарова, был придан 2-му полку»³¹⁰. Эти сведения (за исключением упоминания о конниках) подтверждает и Стрельцов-Курбатов, но пишет, что отряд Комарова являлся «особенным»³¹¹, то есть, по-видимому, отдельным.

Первый полк, как пишут Д.Бузин-Бич и П.Малаев, возглавил Т.Наумов, 2-й – Д.Бузин-Бич³¹². Вероятно, именно здесь, в с. Мариинском, вновь созданные формирования получили наименование «Красная армия Николаевского округа»³¹³. И это не было просто красным словом. Большую часть бойцов этой армии составляли бывшие солдаты колчаковского батальона, партизаны из бывших красногвардейцев Уссурийского фронта, а также ветераны недавней Мировой войны из числа амурских крестьян. Весь её высший командный состав (Я.Тряпицин, Т.Наумов, Д.Бузин-Бич и Комаров) имел профессиональное военное образование.

Сам командующий армией Я.Тряпицин, во время

переговоров с полковником Вицем, характеризовал её комсостав следующим образом: «я - бывший доброволец германской войны лейб-гвардии Кегсгольмского полка, произведённый в прапорщики за боевые отличия, тов. Бич – поручик, тов. Наумов – штабс-капитан, тов. Комаров – поручик, тов. Фомин (командир лыжного отряда – Ю.Т.) – прапорщик и т.д. Все командиры у нас спецы»³¹⁴. Должности низшего командного состава (на уровне роты, взвода, отделения) занимали, как правило, бывшие унтер-офицеры русской армии – тоже фронтовики.

Помимо двух пулемётов, захваченных в Циммермановском бою, армия получила в наследство от батальона полковника Вица ещё один пулемёт с большим запасом патронов к нему³¹⁵. Общая численность армии к моменту выхода из с. Мариинского достигала приблизительно 1200 человек. По мере движения к Николаевску численность её постоянно возрастала. Ко времени окружения города Кацуба (И.Бирзов) довольно приблизительно определял её в 2000-3000 тысячи бойцов³¹⁶. Такое сильно размытое число может означать, что реальная численность армии в этот период составляла немногим больше 2000 человек. Встречающиеся же иногда в исторической литературе оценки её в 4-5 тысяч человек не имеют под собой достаточных оснований.

На дальние подступы к Николаевску армия вышла 12 или 14 января, заняв село Касьяновка³¹⁷, расположенное примерно в 20 километрах от него. 17 января, вынудив японский форпост в с. Какинская бухта (теперь нежилая деревня Большая бухта) созданием угрозы его окружения бежать в город, армия вплотную подошла к Николаевску (по утверждению П.Малаева, это произошло 18 января³¹⁸). Здесь, в с. Личи,

расположенном всего в 5 верстах от города, по свидетельству Стрельцова-Курбатова, официально был образован штаб Николаевского фронта. Начальником штаба стал Т.Наумов. Левый берег Амура был занят полком Наумова, а правый – Бузина-Бича³¹⁹.

После расстрела японцами посланного к ним штабом фронта с предложением сдачи города парламентаря (вечером 27 января), началось окружение партизанской армией Николаевска³²⁰. Далее, как пишет Стрельцов-Курбатов, «через день или два штаб фронта командирует т. Стрельцова, т. Случайного и Сасова с 10 партизанами вниз по Амуру ... в с. Астрахановку» (теперь не существует – Ю.Т.). Там Стрельцов занялся формированием нового отряда, а остальные двое «поехали по сёлам к Сахалину, организуя население и призывая ... вступить в наш отряд».

Собрав достаточное количество бойцов, Стрельцов атаковал п. Чныррах и занял часть крепости с двумя орудиями, а затем известил об этом штаб фронта³²¹. Перед этим событием в п. Кобель (около 5 километров от Николаевска) состоялось заседание Военного Совета армии, на котором присутствовала и только что приехавшая с мандатом от ревштаба Нина Лебедева. На нём Я.Тряпицину с трудом удалось убедить остальных его участников в необходимости до начала штурма города предварительно взять крепость Чныррах. Как свидетельствует Г.Е.Белоцеев, Тряпицин утверждал, что возьмёт город и крепость «без единой жертвы».

«Спустя 3 дня – пишет Г.Белоцеев – мы с отрядом Лапты (командир отряда лыжников – Ю.Т.) ночью в белых халатах двинулись обходом на крепость»³²². В отряд Стрельцова штабом фронта был направлен также Бузин-Бич, который взял

командование операцией на себя. Под прикрытием артиллерийского огня партизаны заняли радиостанцию (правительственную³²³), после чего наступление было приостановлено, но стрельба из орудий продолжалась, что и вынудило японцев ночью бежать из крепости в город по льду Амура, предварительно уничтожив военную радиостанцию. 9 февраля крепость Чныррах оказалась полностью в руках партизан³²⁴ (Д.Бузин-Бич относит это событие к 12 февраля³²⁵).

После получения в п. Керби (на р. Амгунь) первой радиотелеграммы из крепости, сформированный здесь из рабочих приискателей Горный полк под командованием Будрина (бывший комиссар горной промышленности Николаевского округа – Ю.Т.) и Павличенко (бывший военный комиссар Николаевского округа – Ю.Т.) отправился на помощь армии Тряпицина³²⁶. Однако в город этот полк войдёт только через месяц, уже в момент японского выступления 12 марта 1920 года.

После падения крепости Чныррах, стоявшие в Николаевском порту 2 китайские канонерки «любезно передали ... партизанам свои пушки во временное пользование»³²⁷. К этому времени уже были приведены в исправное состояние и пушки крепости. После двух интенсивных артиллерийских обстрелов 19 и 24 февраля, 28 февраля с командованием японского гарнизона было подписано соглашение о перемирии³²⁸, а утром 29 февраля, по свидетельству Д.Бузина-Бича, части «Красной армии Николаевского округа» вошли в г. Николаевск³²⁹. Правда некоторые свидетели утверждают, что это случилось 1 марта³³⁰.

7. Вопрос о причинах столь быстрых и решительных успехов партизанского движения на нижнем Амуре зимой 1919-1920 годов в советской

историографии, как правило, всерьёз не затрагивался. Лишь в исследованиях 1923-1924 годов этому было уделено определённое внимание, особенно в работе Д.Бузина-Бича, который какое-то время до вступления в партизанский отряд учительствовал в д. Новоильиновке на Амуре и поэтому изнутри знал социально-экономическую, социально-политическую и социально-культурную ситуацию в регионе. Эта информация, подкреплённая другими источниками, позволяет понять, почему партизанам так легко удалось овладеть огромной территорией Нижнего Амура и установить здесь свою достаточно прочную власть.

Первая причина проистекает из культурно-исторических особенностей данного региона. В этом отношении его можно дополнительно подразделить на два существенно разных района: собственно Нижний Амур (от г. Хабаровска до с. Мариинского) и низовья Амура. В отличие от всех других районов Дальнего Востока, Нижний Амур заселялся почти исключительно русским населением Урала и Среднего Поволжья. Причём большинство поселений здесь были основаны ещё в 50-60-е годы XIX века, то есть являлись старожильческими. Столыпинское переселение затронуло этот регион довольно слабо.

Это обстоятельство определило весьма значительные культурные отличия его населения от населения соседних с ним территорий. Крестьяне-старожила Нижнего Амура более чем за полвека освоения этого региона успели хорошо приспособиться ко всем его особенностям. Большинство из них жило вполне зажиточно. По свидетельству Д.Бузина-Бича, они пользовались до революции относительной свободой и даже покровительством краевых властей. Медицинская помощь населению здесь была

организована сравнительно хорошо. Почти каждая небольшая деревушка имела школу, библиотеку и учителя. Во многих селениях располагались почтово-телеграфные отделения.

Д.Бузин-Бич отмечает у местных крестьян такую важную особенность, как сильно развитое национальное самосознание³³¹. Оно определялось и великоросским происхождением, и довольно высоким уровнем грамотности, и близким соседством резко отличающихся от них расовыми, языковыми и культурными признаками многочисленных азиатских народов и населённых ими стран. Православную религию русские жители Нижнего Амура считали частью своей национальной культуры. «Мало религиозные – пишет Д.Бузин-Бич – они всё же поддерживали церковь и духовенство, но только потому, что считали их одной из отличительных особенностей русской национальности».

Естественно, что и отношение к первым Советам у местных крестьян, как свидетельствует Д.Бузин-Бич, «было сдержанное; присматривались ко всему, подходили со своей меркой – наибольшей материальной выгоды для себя»³³². В пользу Советов говорили их мероприятия по уничтожению хищнических форм ловли рыбы японскими рыболовными фирмами в устье Амура и данное крестьянам обещание вывозить пароходами кету осеннего посола в города по льготным тарифам. Да и налоги при первых Советах крестьяне фактически не платили.

Но и антисоветская пропаганда тогда тоже не дремала. Как утверждает Д.Бузин-Бич, уже «в первые дни революции ... противники Советской власти разъехались из городов по деревням Амура и неустанно агитировали ..., указывая на то, что ... комиссары

доберутся и до деревенских богатых мужиков, отнимут у них скот и все излишки и поделят между босяками, что все мероприятия «совдеповщины» в пользу крестьян временны, что комиссары впоследствии сумеют содрать за призрачные благодеяния с каждогошкуру и т.д.»³³³.

Эти, по настоящему «вещие», предупреждения тоже довольно долгое время находили отклик в душах крестьян-старожилов. Не случайно вплоть до начала зимы 1919-1920 годов среди партизан было очень мало выходцев из старожильческих нижеамурских деревень. Отряд Мизина состоял в основном из пришлых бывших красногвардейцев и местных крестьян-новосёлов. В то же время, и против партизан старожилы Амура не выступали, стараясь придерживаться нейтралитета в давно уже идущей здесь гражданской войне.

Поэтому, начиная поход на Нижний Амур, военревштаб должен был тщательно продумать свою политику среди местных крестьян, чтобы не настроить их против себя и, тем самым, не поставить под вопрос само существование партизанского движения в Хабаровском уезде. Во многом, видимо, этим обстоятельством и был обусловлен отказ военревштаба от немедленного восстановления на Нижнем Амуре власти Советов по образцу 1918 года. Вместо них вводилась система сельревкомов – временных органов, назначаемых военревштабом из числа сочувствующих партизанам местных жителей, и объединявших в своих руках всю гражданскую и военную власть в своих деревнях.

Эти учреждения должны были стать, и стали, необходимым инструментом военревштаба в деле мобилизации имеющегося у сельского населения оружия, продовольствия, а также людских ресурсов под

лозунгом борьбы против японской интервенции и уже опостылевшей всему крестьянству кровавой власти атамана Калмыкова и Колчака. Тем самым на территории Нижнего Амура фактически вводился режим военного положения. Целью его были, с одной стороны, организация эффективной обороны новых партизанских баз по Амуру со стороны крупных белогвардейских и японских гарнизонов в Хабаровске и Николаевске, а с другой – обеспечение существования партизан и самого населения этого не производящего собственного хлеба региона, при невозможности получить продовольствие откуда-либо извне.

Такая организация власти была охотно признана практически всем нижеамурским крестьянством, понимавшего в тот момент, по-видимому, что иной альтернативы в сложившихся условиях, для него нет. При внешней схожести мероприятий военревштаба на территории Нижнего Амура с политикой «военного коммунизма» в Советской России, они всё же существенно от последней отличались, и больше соответствовали действиям правительств Англии, Франции и Германии по организации тыла во время первой Мировой войны.

Конкретно эта деятельность, как вспоминает И. Жуков, заключалась в следующем: «старосты и ... ревкомы в трёхдневный срок взяли на учёт все продовольственные запасы. Списки местных жителей с указанием наличия муки, крупы и овса были представлены в Военревштаб... Учтённые продовольственные запасы не изымались и никуда не свозились. Продукты оставались у владельцев, которые давали подписку о том, что они приняли на хранение продукты и не имеют права расходовать их без разрешения Военревштаба. Старосты и ... ревкомы

выдавали по спискам на каждую душу по одному пуду муки и крупы в месяц. Продовольствие выдавалось бесплатно всему населению независимо от того, было такое в наличии у него или нет»³³⁴.

Таким образом, партизанский штаб совершенно не использовал на Нижнем Амуре при распределении продуктов классовый принцип, обязательный в то время в Советской России. Именно благодаря этому обстоятельству мероприятия военревштаба не встретили сопротивления даже со стороны наиболее зажиточных слоёв крестьянского населения. По свидетельству И.Жукова, «жители амурских сёл не препятствовали учёту продовольствия, и никто из них не скрывал имеющихся у него запасов. Был единственный случай в селе Нижнетамбовском, когда кулак Борзов не хотел открыть амбар. Но после разъяснения в Военревштабе он препятствий не чинил. Это мероприятие вполне оправдало себя... Ни одной жалобы по всему Амуру на недостачу продовольствия в течение всей зимы не поступало»³³⁵.

Ещё одним мероприятием военревштаба, внешне похожим на политику «военного коммунизма» было введение так называемой «трудовой повинности». Однако, по свидетельству И.Жукова, сводилась она к тому, что «все трудоспособные мужчины по нарядам старосты бесплатно привозили нуждающимся семьям дрова и сено». В основном эта помощь касалась семей ушедших в партизанские отряды крестьян³³⁶. Между тем, по своей сути эта «повинность» ничем не отличалась от столетиями существовавшей в русской общине традиции помощи семьям, оставшимся без кормильцев. Действовала она и во время первой мировой войны.

Хорошая организация тыла и снабжения отрядов

всем необходимым свела к минимуму конфликты между партизанами и крестьянским населением. Как свидетельствует И.Жуков, «партизаны вели себя дисциплинированно. Случаи мародёрства, грабежей, краж не наблюдались. За грабёж и мародёрство расстреливали»³³⁷.

Таких же относительно подробных сведений об организации тыла партизанской армии, действующей в низовьях Амура источники, к сожалению, не сохранили. Можно предполагать, что эта организация была принципиально иной. Селькомы там не вводились, а сразу провозглашалась советская власть. Советы, воссоздаваемые по образцам 1918 года, являлись фактически полностью самостоятельными органами местного самоуправления и, поэтому, столь тесной связи с партизанскими штабами как селькомы иметь не могли.

Немедленное восстановление Советов способствовало быстрому распространению пожара восстания в низовьях Амура. Именно благодаря развернувшемуся здесь повстанческому движению, армия Тряпицина смогла почти вдвое увеличить свою численность после выхода её на подступы к г. Николаевску, в том числе и за счёт китайского, корейского и аборигенного населения этих мест. Для снабжения армии, помимо добровольной помощи восставших деревень, использовались склады продуктов и оружие, заготовленные на зиму на ближайших приисках.

Успех восстановления здесь советской власти, в свою очередь, был также обусловлен социокультурными и социально-политическими особенностями данного района. Население в низовьях Амура было очень смешанным. Помимо русских

крестьян-старожилов, здесь постоянно или временно проживало много представителей китайского и корейского населения, работавшего на приисках или занимавшегося рыболовством, огородничеством, торговлей или предпринимательством. Немалую часть населения, особенно в г. Николаевске, по свидетельству Д.С.Бузина-Бича, «составляли отбывшие каторгу на Сахалине ссыльно-поселенцы и их потомки», большинство из которых «заполняли собой ряды самых низов наёмных рабочих»³³⁸.

У многих местных жителей, особенно у рыбаков, имелся особый счёт к японцам и представленному здесь японскому капиталу. Как пишет Д.Бузин-Бич, «при занятии в 1905 году южной части о-ва Сахалин, японцы вырезали всё наличное, не эвакуировавшееся русское население, не щадя ни женщин, ни детей. Эта жестокость ... восстановила против японцев всех, кто имел какое-либо отношение в прошлом к южной части о-ва Сахалина... В низовьях ... Амура жажда мести ... ярче, так как именно туда направилась большая часть эвакуированного с южного Сахалина населения.

Эта ненависть ... подогревалась всё время жестокой эксплуатацией русского труда на рыбалках японского капитала. Большая часть русских рыболовецких фирм были или подставные лица, или .. работали с помощью японских капиталистов... Все власти были куплены рыбопромышленниками, главным образом японцами. Это было необходимо для хищнического рыболовства, запрещённого по закону ... ловли рыбы заездками. Эти заездки загораживали вход рыбы в реку Амур.

Низовое амурское рыбацкое население понимало, что все беды в растущих год от года заездках, и винило в этом ... японцев... В дни Советской власти (при

первых Советах – Ю.Т.) крестьянско-рыбацкое население Амура добилось уничтожения заездов в низовьях Амура», однако в период белого правления хищнический лов рыбы здесь продолжался³³⁹. В силу данных обстоятельств, лозунг немедленного восстановления Советской власти встретил тут горячую поддержку большинства населения и вылился во всеобщее восстание против интервентов и белогвардейских властей.

Немалое значение для развёртывания партизанского движения по всему Дальнему Востоку имели известия о разгроме в Сибири армии Колчака и, особенно, о расстреле в Иркутске его самого. Эти сведения в январе передали штабу Тряпицина и отряду Иванова на р. Селемдже повстанцы из с. Керби на р. Амгуни, получившие данную информацию по своей радиостанции из Иркутска и Охотска³⁴⁰.

Глава 3

Партизанское движение в районе реки Тунгуски

1. Вопросы формирования партизанского отряда в долине реки Тунгуски

Эти вопросы связаны преимущественно с деятельностью партизанского отряда И.П.Шевчука. Первым и едва ли не самым запутанным из них является время образования данного отряда. История Дальнего Востока России даёт на него слишком расплывчатый ответ. В ней сказано, что отряд И.Шевчука был создан летом 1919 года³⁴¹. Такая нечёткая формулировка определяется разноречивыми показаниями источников.

Сам И.П.Шевчук утверждал, что его отряд был образован ранней весной 1919 года³⁴². Однако, эти его показания опровергаются свидетельствами ряда бывших партизан данного отряда. Правда, С.Н.Капулин, состоявший в Тунгусском отряде с первых дней его существования, в начале своего очерка повторяет сказанное по этому поводу И.П.Шевчуком, однако буквально на следующей странице он совершенно ясно указывает, что отряд начал создаваться вскоре после карательной экспедиции калмыковцев, прошедшей по Тунгусской волости в конце июня 1919 года³⁴³. Кстати, этот факт признаёт и сам И.П.Шевченко, не называя, однако, времени проведения данной карательной операции. Дату, названную С.Н.Капулиным фактически подтверждает и бывший командир одной из рот в отряде Шевчука Н.Е.Зубишин, который пишет, что присоединился к отряду в августе, когда в нём было только 12 человек. Базировался он тогда в районе д. Новокуровка³⁴⁴ на реке Кур (река Тунгуска в её верхнем

течении – Ю.Т.).

Н.Слинько отнёс образование отряда к началу деятельности лесозаготовительной артели, организованной И.П.Шевчуком, при содействии его брата Василия, для создания первоначальной материальной базы партизанского отряда³⁴⁵. Однако, во-первых, сам И.Шевчук признавал, что отряд был образован им уже после завершения лесозаготовок. Во-вторых, рассказ об этих заготовках И.Шевчук, помешает после упоминания о начале мобилизации в белую армию. В третьих, лесозаготовительная артель состояла в основном из наёмных китайцев³⁴⁶. И, наконец, в четвёртых, сам Н.Слинько до конца второй декады декабря не состоял в отряде И.Шевчука, а являлся членом подпольной организации в с. Волочаевке³⁴⁷. Имеется, правда, ещё свидетельство С.Г.Вележева, утверждавшего, что отряд был образован в первом полугодии 1919 года³⁴⁸. Однако С.Вележев, по свидетельству Н.Зубишина, присоединился к отряду, вместе с П.П.Постышевым, только в ноябре³⁴⁹.

Таким образом, можно считать установленным, что отряд И.П.Шевчука образовался в июле или в августе 1919 года. Причиной искажения этой даты самим И.П.Шевчуком являлось, возможно, желание ни в чём не уступить в данном отношении другому известному партизанскому командиру Приамурья Д.Бойко-Павлову*, отряды которого начали создаваться в долине Хора ранней весной.

Следующим вопросом является причина создания отряда Шевчука и характер его деятельности в самый первый период его существования (до середины ноября 1919 года). Как утверждает сам И.Шевчук, он

---

* Воспоминания Д.Бойко-Павлова были опубликованы в 1935 году, то есть на год раньше написания воспоминаний И.П.Шевчука.

сообщил председателю волостной земской управы А.Проценко о своём намерении «организовать отряд для борьбы с белогвардейским произволом»³⁵⁰. Никаких других задач будущего отряда он, при этом, не отмечает. Таким образом, явной целью его, судя по данному свидетельству, было создание крестьянского отряда самообороны на случай нового появления карателей на территории волости. Неявную же свою цель – борьбу за Советскую власть – И.Шевчук первоначально перед крестьянами, по-видимому, не афишировал.

Первый карательный отряд появился на реке Тунгуске, как пишет С.Н.Капулин, в конце июня 1919 года. Его появление было связано с протестом сельских обществ волости против объявленной мобилизации крестьянской молодёжи в белую армию³⁵¹. Эта акция открытого неповиновения белогвардейскому правительству была организована, как утверждает в своих воспоминаниях И.Шевчук, им самим совместно с председателем волостного земства А.Проценко. Именно И.Шевчук, по его собственному утверждению, написал текст такого протеста для своих односельчан, который и был, затем, утверждён на общей сходке села.

Как пишет И.Шевчук, он ставил тогда своей задачей «отвоевать середняка, вырвать его из-под влияния кулака на сторону Советов»³⁵². Однако данное его утверждение нельзя понимать слишком буквально. В нём явно отражены лозунги 30-х годов. Между тем, в автобиографии сам И.Шевчук, несмотря на своё членство в большевистской партии с 1917 года, признаётся, что «до 1920 года я был политически почти неграмотным»³⁵³. В тексте написанного им протеста не было прямых призывов восстановить Советскую власть. Он лишь подчёркивал одинаково отрицательное

отношение крестьян к политике обеих враждующих сторон, направленной на разжигание междоусобной гражданской войны.

Благодаря активной агитации А.Проценко, примеру села Архангельского (теперь нежилое) последовали и другие сельские общества волости³⁵⁴. Только после этого И.Шевчук, по его собственным словам, «понял, что нельзя терять времени. Разъезжал по деревням, осторожно заводил с крестьянами разговоры о советской власти и о том, что золотопогонники, если их не прогонят, снова посадят на мужицкую шею капиталистов, помещиков, жандармов»³⁵⁵. Однако значительно быстрее, чем его уговоры, на крестьян подействовали меры белогвардейских властей.

Каратели тогда не заставили себя ждать. Как вспоминает С.Н.Капулин, они захватили в с. Архангельском его брата С.Капулина и В.Шептюка (И.Шевчук успел бежать), бывших, соответственно, председателем и писарем на той сходке, где принимался протест. После жестокой публичной показательной порки, оба они сумели бежать (по другим сведениям были отпущены³⁵⁶). Такой же экзекуции были подвергнуты и некоторые жители с. Николаевка. А.Проценко ждало более суровое наказание. Он был схвачен в с. Голубичное и там же казнён³⁵⁷.

Этот рассказ прямого свидетеля не подтверждает красочного описания И.Шевчуком в своей книге творившегося тогда белогвардейского террора, когда, по словам последнего, «начались массовые расстрелы, казни, грабежи, насилия над женщинами и детьми»³⁵⁸. Ничего этого в первый приход калмыковских карателей, по-видимому, ещё не было. Тем не менее, и такое, не столь кроважидное, но от того не менее явное

надругательство над элементарными правами и достоинством крестьян вызвало взрыв возмущения в их среде. Именно тогда сложились, наконец, условия для создания И.Шевчуком своего отряда. Как пишет он сам, «народ бросился в тайгу и стал быстро откликаться на мой зов – оказать вооружённое сопротивление белобандитам»³⁵⁹.

Однако и после своей организации собственно боевой деятельностью отряд Шевчука долгое время не занимался. Правда, по сообщениям хабаровской прессы, калмыковцы в конце июля – начале августа проводили какие-то свои операции на левом берегу Амура, а в середине августа было замечено наличие в Заамурском районе бродячих красноармейцев³⁶⁰, однако каких-либо эксцессов, связанных с деятельностью партизан, газеты того времени не фиксировали.

Главной причиной низкой активности Тунгусского отряда в начале его деятельности являлся крайний недостаток оружия. На весь отряд из 15 человек, по словам И.Шевчука, имелось тогда лишь 2 винтовки и 1 наган³⁶¹, причём одну из винтовок принёс с собой Н.Зубишин³⁶². Не было также ни одной лошади. Уже само по себе это обстоятельство говорит о том, что в течение целого месяца или двух совсем не был организован сбор лошадей и оружия по деревням волости. Вряд ли там нельзя было найти ни одной винтовки. Очевидно, этого не было сделано в целях конспирации, из чего следует, что о существовании отряда тогда мало кто знал даже среди крестьян.

Таким образом, целью первой операции отряда должна была стать добыча оружия, боеприпасов и амуниции. Решился на неё И.Шевчук только в сентябре, а точнее в конце сентября, поскольку, по свидетельству её непосредственного участника

С.Н.Капулина, на обратном пути «ночью ударил мороз, и воду затащило льдом»³⁶³. Объектом нападения стала таможенная застава на берегу Амура в селе Верхне-Спасское. Успех операции был решён личной смелостью и изобретательностью самого И.Шевчука, сумевшего убедить таможенников в том, что они окружены крупным отрядом партизан. В результате отряд получил 36 полных комплектов вооружения, а также 15 тысяч рублей, 20 револьверов, 6 лошадей и 5 возов кожи и мануфактуры³⁶⁴.

Дальнейшая партизанская деятельность отряда на протяжении почти двух месяцев тоже по настоящему почти не известна. Сам И.Шевчук уверяет в своей книге, что «вначале пришлось заняться ликвидацией почтовых и железнодорожных станций, железнодорожных мостов и телеграфных линий, останавливать поезда и пароходы, снимать с них и уничтожать ответственных калмыковских работников ... пускать под откос воинские эшелоны, военные грузы, дезорганизовывать тылы противника»³⁶⁵.

Между тем, за весь этот период не было ни одного нападения партизан Тунгусского отряда на железнодорожные станции. Не пишут газеты ни о разрушенных за Амуром телеграфных линиях, ни о сожжённых там железнодорожных мостах, ни, тем более, о пущенных под откос эшелонах. Почтовых же станций на территории Тунгусской волости, по-видимому, вообще не было.

Единственной известной из воспоминаний партизан операцией отряда в то время был захват складов лесозаготовительного предприятия подрядчика Скиденского (возможно, Скидельского – Ю.Т.) в д. Улика-Павловка (теперь не жилая) на реке Кур. Как пишет сам И.Шевчук, причиной этого нападения была

необходимость запастись продовольствием для отряда на зимний период. Партизанам удалось захватить здесь 13 тысяч пудов различного продовольствия и одежды, которые они переправили на свои базы в тайге³⁶⁶.

Правда, согласно газетной информации того времени данное имущество было захвачено партизанами не на складе в д. Улика, а на барже «Улика», которую с грузами переселенческого ведомства вёл в верховья Тунгуски катер «Сатурн». Отмечает пресса и дату этого события – 21 октября. А 25 октября катер был отпущен в Хабаровск³⁶⁷, следовательно, развозка грузов по тайным партизанским базам на островах реки Тунгуски производилась в течение примерно 3-х дней. Сразу вслед за этим отряд ликвидировал в своём районе опытное поле, с которого был уведён и роздан населению весь скот, а конфискованные там лошади пополнили собой конский состав отрядной кавалерии³⁶⁸.

Вскоре после этого нападения отряд приступил к строительству трёх хорошо утеплённых зимних барачков для жилья в 3-х километрах к юго-востоку от с. Архангеловки, в лесу³⁶⁹ (теперь это место обозначается на картах как «Партизанская релка»), где и обосновался довольно прочно. Используя захваченные партизанами ранее кожу и мануфактуру, семья братьев Шептюк, состоявшая из 19 человек, организовала для нужд отряда портняжную, сапожную и кузнечную мастерские, а также хлебопекарню³⁷⁰. Началось военное обучение состоявшей в отряде молодёжи призывного возраста³⁷¹. Только в ноябре, видимо уже после получения из белогвардейской прессы неоспоримых свидетельств поражения армии Колчака в Сибири, И.Шевчук поведёт свой отряд на первую по-настоящему боевую операцию, – разгром станции Ин.

Таким образом, отряд И.Шевчука за первые 3-4 месяца своего существования провёл только три операции, которые с большой натяжкой можно считать диверсионными. Все они были направлены исключительно на удовлетворение потребностей отряда в вооружении, боеприпасах, одежде и продовольствии. В связи с такой ярко выраженной пассивностью отряда требует некоторого прояснения его социальное лицо. 15 лет спустя А.К.Флегонтов, в работе, отправленной им в редакцию «Истории гражданской войны», оценивая отряд И.Шевчука, писал о присущем ему «стремлении к сепаратизму» и имеющемуся у него «анархистствующем налёте». «Не пощадил» он и самого И.П.Шевчука, обвинив его в выпивках и склонности к бандитизму.

Эти оценки вызвали тогда бурю возмущения со стороны не только соратников самого И.Шевчука, но и многих его бывших коллег по руководству партизанскими отрядами (Бойко-Павлова, Ярошенко, Постышева, Вележева и др)³⁷². И это их возмущение сегодня вполне понятно. Косвенно, данный выпад против И.Шевчука мог серьёзно задеть в то время каждого из них. Ведь, как писал в своём отзыве на работу А.К.Флегонтова П.П.Постышев, «я могу назвать несколько таких командиров – Бойко-Павлова, Кочнева, Шевченко (Онучино) и др., которые имели отряды ничуть не отличавшиеся от отряда Шевчука и состав которых был такой же пёстрый».

Говоря о «пёстром» составе данного отряда, П.П.Постышев имел в виду не только его социальный состав, но и различие целей, которые ставили перед собой входившие в него группы партизан. «Были в отряде – пишет он – и кулаки и люмпен-пролетариат и выходцы из мелко-буржуазной среды – были не только

у Шевчука. Одни шли драться за Советскую власть, другие против японцев «за Россию», третьи чтобы пожить. Но в своей основной части это было революционное движение трудящихся под руководством компартии»³⁷³.

Эта, в целом верная для всего партизанского движения в конце гражданской войны формулировка П.Постышева, непосредственно для отряда Шевчука, в первый период его существования, подходит лишь отчасти. Как вспоминал сам И.Шевчук, «коммунистов в отряде было мало. Правда, все бойцы были сочувствующими коммунистам.... Основная масса политически малограмотная»³⁷⁴. Но и данное признание И.Шевчука относится ко времени, когда в его отряде уже работали П.Постышев и ряд его товарищей по партии. До этого же единственным коммунистом в отряде был лишь сам И.Шевчук.

С самого начала его отряд состоял в подавляющем большинстве из крестьян окружающих с. Архангельское сёл и деревень. Имелось лишь небольшое вкрапление рабочих, пришедших в него из ближайших железнодорожных станций и с базы амурской военной флотилии в Хабаровске. Бывших красногвардейцев, кроме самого И.Шевчука, в отряде, по-видимому, вообще не было. Во всяком случае, ни один из источников не указывает на их присутствие. И в этом состояло главное отличие отряда Шевчука почти от всех остальных партизанских отрядов, Приамурья, в которых бывшие красногвардейцы, красноармейцы и советские работники составляли тогда значительное большинство. Таким образом, личный состав отряда представлял в основном крестьянскую часть населения, с присущими ей местным патриотизмом, склонностью к оборонительным действиям и нежеланием воевать на

чужой территории.

Подобного мнения придерживался в 1936 году и А.Флегонтов. По его словам, отряд Шевчука «представлял собой типичный крестьянский партизанский отряд с небольшой прослойкой рабочих». Сам же И.Шевчук, с его точки зрения, был «с крестьянской идеологией» и, поэтому, «легко ставший типичным вождём революционных масс». Дальше, правда, Флегонтов, уже испытавший на себе огонь критики по этому же вопросу со стороны видных деятелей партизанского движения в 1934 году, оговаривается, что «в дальнейшем этот отряд получил и рабочую прослойку и хороших политически грамотных руководителей», имея в виду П.Постышева и С.Велехова³⁷⁵.

С момента захвата баржи или складов в селе Улика, И.Шевчук фактически стал единственной реальной властью в долине реки Тунгуски. При этом ничто не указывает на проведение им подлинно большевистской политики в своём районе. Наоборот, все свидетельства, включая воспоминания самого И.Шевчука, говорят о том, что проводимые им мероприятия не несли в себе никаких классовых предпочтений. Особенно характерна в этом отношении его деятельность в области организованной им самим судебной власти.

Созданный в его отряде военно-революционный суд весьма жёстко судил по всем видам преступлений, руководствуясь исключительно «революционной совестью», поскольку никаких законов, созданных «старой» властью партизаны не признавали. И.Шевчук же взял на себя роль высшего судьи, утверждая и отменяя приговоры суда. Как пишет И.Шевчук, «суд присуждал в большинстве случаев к расстрелу.

Приговор оглашался не только в отряде, но и среди населения. Мною же всегда расстрелы отменялись, что играло большую роль для крестьянской массы и рабочих. Крестьяне говорили: «вот что значит, всё-таки, власть наша. Калмыков расстреливает беспощадно, а этот военный суд ... карает по военному времени, а командир не допускает – знает, что дураков нельзя расстреливать». Я же в большинстве случаев заменял смертные приговоры предложением искупить свою вину, служа в отряде».

И.Шевчук обосновывал такую политику тем, что «были случаи, когда приходилось судить крестьян не только по их преступлениям, но и по их неосознанности, за разную болтовню и проч»³⁷⁶. В реальности это означало отказ от жёсткой карательной политики в отношении наиболее зажиточной части деревни, так как именно она чаще всего являлась источником разного рода антипартизанской агитации среди крестьян. Об этом свидетельствует целый ряд зафиксированных в источниках практических действий И.Шевчука как главы судебной власти на территории волости.

Так, в частности, узнав, что некоторые «кулаки» по деревням возмутились реквизицией партизанами складов в Улике и «хотели провести калмыковскую экспедицию и выдать отряд», И.Шевчук ограничился наложением на наиболее активных из них, «на первый раз», дисциплинарного взыскания о невыезде из деревни, а остальным «было сделано предупреждение не распространяться об отряде, страдают»³⁷⁷.

В другом случае И.Шевчук вступился за своих «кулаков» перед соседним партизанским отрядом А.Кочнева, когда последний расстрелял одного из них в д. Калиновка (примерно в 12 километрах севернее с.

Николаевки, теперь не существует – Ю.Т.), а затем сжёг всё его имущество. Это был довольно обычный в то время случай расправы партизан с лицами, подозреваемыми в шпионаже или доносах на них властям. И.Шевчук лично отправился в отряд А.Кочнева и «предупредил его, что если такие действия будут повторяться, то отряд твой будет разоружён, а ты за это ответишь перед революционным судом». Заодно ему было предъявлено обвинение, «на каком основании он не ликвидировал банду, которая расстреляла двух девушек на лесопильном заводе». В результате, А.Кочнев «на второй день принял меры к разысканию этой шайки из 12 человек, которая им была поймана и уничтожена». Позже отряд А.Кочнева признал своё подчинение штабу И.Шевчука³⁷⁸.

Порой И.Шевчуку приходилось очень жёстко пресекать самоуправство и мародёрские действия в отношении зажиточных жителей даже со стороны бойцов своего отряда. Так, зимой, были расстреляны по его приказу партизаны, посланные в с. Покровку для ареста жены начальника станции, на которую поступил донос, что она публично обещала сообщить калмыковцам и японцам об оказываемой жителями посёлка помощи партизанам. Причиной столь суровой кары стало то, что на обратном пути посланцы Шевчука изнасиловали арестованную, а затем расстреляли её³⁷⁹. Из доставленных же в штаб И.Шевчука ещё двух подозреваемых «кулаков» один был оправдан, а другой отделался крупным выкупом, а затем добровольно остался работать в госпитале при отряде³⁸⁰.

Впрочем, доказанные факты шпионажа и «измены» в отношении партизан и поддерживающих их местных жителей в отряде Шевчука, как правило, наказывались расстрелом. Однако эти суровые

карательные акции следует считать не свидетельством или средством классовой борьбы, а вполне оправданными в условиях военного времени мерами поддержания партизанами порядка и собственной безопасности на занятой ими территории.

Высшая судебная власть И.Шевчука фактически давала ему диктаторские полномочия на подконтрольной его отряду территории волости. В то же время она не была абсолютной, поскольку базировалась на довольно демократическом основании. Командиром отряда его выбрали партизаны, и они же могли в любой момент сместить его со своего поста. Его полномочия ограничивались высшими военными и судебными функциями. В дела местного самоуправления он не вмешивался и попыток организовать у себя в районе советскую власть, или какое-либо её подобие, не предпринимал. Возможно, именно этот факт позволил позже некоторым коммунистам обвинить И.Шевчука в «анархистствующем налёте».

После появления в отряде П.Постышева, С.Вележева и ряда других членов компартии, они неоднократно предпринимали попытки перехватить у И.Шевчука высшую судебную власть путём передачи её ревкому, решающая роль в котором должна была принадлежать коммунистам. Однако все эти попытки оказались неудачными. Опираясь на безграничное доверие и любовь к нему со стороны абсолютного большинства бойцов его отряда, И.Шевчук до самого конца партизанской войны сохранял в неприкосновенности почти все свои полномочия³⁸¹.

Не пытался обострять И.Шевчук и отношений с местными представителями церкви, а те, в свою очередь, видимо, платили ему той же монетой.

Иллюстрацией такого не совсем обычного союза может служить сцена похорон в селе Архангельском одного из партизан, погибшего в Инском бою. Впереди всей процессии, по описаниям самого И.Шевчука, шли под красными знамёнами и с революционными песнями партизаны, а «сзади за гробом», во главе толпы крестьян, шёл поп «и тоже препровождал его своими молебнами»³⁸². Такую редкую для красных партизан терпимость И.Шевчук объяснял в книге тем, что «религиозным настроениям крестьян в то время нельзя было противостоять»³⁸³.

Контроль штаба И.Шевчука над населением волости во многом поддерживался также наличием в его руках, после разгрома складов в Улике-Павловке, значительных продовольственных и материальных запасов, что было очень важно для местного, в основном промыслового крестьянства, не способного обеспечить себя собственным хлебом и вынужденного постоянно покупать его на стороне.

Начиная с захвата складов и разгрома опытного поля, отряд фактически действовал уже открыто для всего крестьянского населения долины реки Тунгуски. Тем не менее, партизанами по-прежнему прилагались все усилия для сохранения в тайне места его нахождения. Прибывающее отовсюду пополнение сначала размещалось в с. Архангеловке и только после тщательной проверки агентами И.Шевчука допускалось в отряд³⁸⁴.

В это же время, то есть не ранее конца сентября или в октябре, И.Шевчуку удалось установить связь с городским подпольем Хабаровска через хабаровского грузчика, бывшего начальника разведки на Уссурийском фронте М.Цупика. И.Шевчук пишет, что руководили тогда хабаровской подпольной

организацией Штылёв, Болтин и Заварзин³⁸⁵. Следовательно, это случилось ещё до объединения их с остатками организации Б.Славина во главе с Я.Луненко.

Вскоре подпольщики доставили в отряд необходимые медикаменты. Заварзин же (– Ю.Т.), назначенный, по утверждению Шевчука, Хабаровской подпольной организацией командующим всеми революционными силами, тоже побывал у него в штабе и, используя свои полномочия, выяснил состав отряда и планы его оперативной деятельности на ближайший период. Заварзина И.Шевчук в своих воспоминаниях называет провокатором и виновником гибели впоследствии хабаровской подпольной организации³⁸⁶. Между тем, такое утверждение нельзя считать пока достаточно обоснованным. Во всяком случае ему серьёзно противоречит опубликованное позже газетное сообщение, что «10 декабря в пассажирском поезде № 3 на одной из станций Уссурийской железной дороги задержан бежавший из Хабаровска большевистский деятель Заварзин и доставлен в Хабаровск»³⁸⁷.

Посещение Заварзиным отряда Шевчука состоялось примерно в первой половине ноября. Это следует из расчётов самого И.Шевчука. По его утверждению, расстрел отрядом А.Кочнева «кулака» в деревне Калиновке произошёл «при отъезде от меня Цупика и Заварзина»³⁸⁸. Говоря другими словами, с момента их отъезда до инцидента в Калиновке прошёл не очень существенный промежуток времени. Между тем, согласно газетным сообщениям того времени, нападение «красных» на Калиновку произошло 18 ноября 1919 года³⁸⁹.

Кроме того, по свидетельству И.Шевчука, Гнатенко (Герасимов) пришёл в его отряд с известием о разгроме подпольной организации в Хабаровске не

менее чем через 12 дней после отъезда Заварзина³⁹⁰. Это, в свою очередь, означает, что провал Хабаровского комитета произошёл не в конце октября, а где-то в начале 2-й декады ноября, из чего вновь следует, что принятая в отечественной историографии дата Анастасьевской конференции (1-2 ноября) не верна.

Обвинения Флегонтовым И.Шевчука в сепаратизме объясняются отказом последнего подчиниться штабу партизанских отрядов, возглавляемому тогда Д.Бойко-Павловым. Как пишет сам И.Шевчук, «Бойко-Павлов отдал мне распоряжение ... о передаче всех средств, находящихся в моём распоряжении, о передаче всех судебных дел ..., подчинении оперативным заданиям, что мною было отклонено»³⁹¹.

Штаб партизанских отрядов Хабаровского района во главе с Д.Бойко-Павловым был создан на Анастасьевской конференции, то есть уже в ноябре. Его настойчивое стремление подчинить себе отряд И.Шевчука понять не трудно. Контролируемые этим штабом партизанские отряды испытывали тогда серьёзные трудности с продовольствием, а у И.Шевчука оно было в изобилии. Однако делиться с кем-либо последний вовсе не собирался. Явно не хотелось ему расставаться тогда и со своим статусом фактического военного диктатора и главного судьи в сёлах Тунгусского района. Правда сам он объясняет свой отказ трудностью организации быстрой и надёжной связи со штабом вследствие дальности расстояния, невозможностью безопасной перевозки туда арестованных, а также большей надёжностью личного планирования им всех операций своего отряда³⁹².

2. Вопросы деятельности отряда Шевчука в ноябре–декабре

Свою боевую деятельность отряд Шевчука начал нападением на охраняемую японским гарнизоном железнодорожную станцию Ин. Первым вопросом, связанным с проведением этой операции, можно считать сам выбор объекта нападения. Ведь эта станция являлась наиболее отдалённой из трёх ближайших к с. Архангеловке – где находился штаб партизанского отряда. Возможно, впрочем, именно этот факт и стал определяющим для И.Шевчука. По-видимому, он всё ещё надеялся как можно дольше скрывать от калмыковской контрразведки подлинное место расположения своего отряда.

Проблемой является и дата этого боя. В разных своих воспоминаниях И.Шевчук определяет её по-разному. Так, в рукописях 1936 года он пишет, что нападение на станцию Ин произошло в начале ноября³⁹³, а в своей книге 1939 года издания он отнёс это событие на 10 ноября³⁹⁴. Однако более правильную датировку можно вывести из анализа текста его воспоминаний. Рассказ об Инском бое он поместил в них после сообщений об инциденте в д. Калиновке и неудачных переговорах с штабом Бойко-Павлова.

Таким образом, Инская операция отряда Шевчука состоялась где-то в последней декаде ноября. В этот промежуток вполне укладывается дата, указанная в книге И.Шевчука, если перевести её в новый стиль – 23 (10) ноября. Косвенно подтверждает её и свидетельство Н.Нестеренко о том, что поход на ст.Ин состоялся уже после того как настали амурские морозы и замёрзла река Тунгуска³⁹⁵. Прочный же ледовый покров на реках этого региона образуется обычно не

раньше середины ноября.

Следующим вопросом является соотношение сил и потерь сторон в этом бою. Сам И.Шевчук оценивал силы японского гарнизона станции Ин в одном случае в 80³⁹⁶, а в другом - в 150 человек³⁹⁷. Однако один из бойцов его отряда Н.Нестеренко значительно скорректировал показания своего командира. Он утверждал, что японцев там было «по одним сведениям, 35 штыков при двух пулемётах, по другим, - 80 человек»³⁹⁸. Вторую цифру он, очевидно, взял из воспоминаний И.Шевчука (в воспоминаниях других партизан её нет). В таких случаях, наиболее вероятной является наименьшая оценка.

Численности своего отряда в этот момент И.Шевчук не раскрывает, однако Н.Зубишин свидетельствует, что незадолго до данного события она достигла 48 человек, из которых 6 человек составляли партизанскую кавалерию³⁹⁹. Таким образом, партизаны имели небольшое превосходство в численности, но значительно уступали японцам в огневой мощи.

Точную цифру потерь японцев в этом бою И.Шевчук в своих воспоминаниях не называет, но утверждает, что «в казарме осталось всего три человека с двумя пулемётами»⁴⁰⁰. В книге же он пишет, что «в живых осталось, как я узнал позднее, не более 10 человек»⁴⁰¹. Таким образом, потери японцев составили не менее 25 человек. Партизан же было убито, по словам И.Шевчука, 4 человека, а затем, после выхода за ограду казармы, потеряли ещё несколько человек⁴⁰². Таким образом, общие потери (убитыми и ранеными) должны были составить не менее полутора десятков человек, что для такого маленького отряда было весьма ощутимо.

Конечной своей задачи – уничтожения японского

гарнизона и захвата оружия – отряд, таким образом, решить не смог. Однако была разгромлена железнодорожная станция, разрушен по обеим её сторонам рельсовый путь, охранявшему станцию японскому подразделению были нанесены значительные потери. Этот бой существенно поднял авторитет отряда И.Шевчука среди населения не только своей волости, но и всего Хабаровского уезда.

Следующим крупным событием в Тунгусском районе является созванная здесь крестьянско-партизанская конференция. С ней тоже связаны некоторые нерешённые до сих пор вопросы. Не известна, в частности, дата её проведения. И.Шевчук неопределённо датировал её концом ноября. Учитывая, однако, что в тех же своих воспоминаниях он относил Инский бой к началу ноября, можно с достаточной уверенностью предположить, что также как и дату этого боя, время конференции следует перенести на полтора-два десятка дней вперёд. Таким образом, она состоялась, по-видимому, не раньше конца первой декады декабря.

Примерно та же дата получается и при расчёте времени от Инского боя. По свидетельству И.Шевчука, смерть раненного в этом бою партизана Власовского произошла не меньше, чем через шесть суток, уже в д. Восторговке (теперь Новокуровка), куда отступил после боя партизанский отряд. Похороны состоялись в с. Архангеловке по православному обряду, то есть на 3-й день после смерти. В них принимали участие все партизаны отряда Шевчука. Решение о проведении конференции было принято тоже в с. Архангеловке, но не сразу после похорон, поскольку, как пишет И.Шевчук, этому предшествовало первое его столкновение с П.Постышевым по поводу власти

командира отряда⁴⁰³.

П.Постышев прибыл в отряд сразу после возвращения партизан из набега на станцию Ин. Этот факт подтверждает не только И.Шевчук⁴⁰⁴, но и Н.Зубишин⁴⁰⁵. Разногласия с ним начались, пишет И.Шевчук, чуть ли не на первом же собрании, а на следующем, где кроме П.Постышева уже присутствовали коммунисты С.Вележев, Лебедев, Ершов и Опадчий, большинством голосов было постановлено создать ревштаб, которому и передать все функции высшей власти в районе, оставив командиру фактически только руководство отрядом в бою.

После этого И.Шевчук предпринял демарш, отказавшись от командования отрядом и объявив себя рядовым. В результате, под давлением возмущённых партизан, новоявленный ревштаб вынужден был самораспуститься и просить И.Шевчука вернуться к командованию отрядом. На этом же, третьем по счёту, заседании и было принято решение созвать конференцию в д. Восторговке⁴⁰⁶. Если предположить, что все три заседания прошли за три дня, а на сбор всех делегатов потребовалось не менее двух дней, то конференция состоялась не меньше, чем через 14 дней после Инского боя, то есть не ранее 7 декабря.

И.Шевчук гордо называет этот форум конференцией всего населения Хабаровского уезда и партизанских отрядов⁴⁰⁷. На самом же деле в ней участвовали только представители сёл и деревень Тунгусской волости. По свидетельству одного из делегатов от села Самаро-Орловки В.Николаева, это был обычный волостной крестьянский съезд, созданный вполне официально, от имени «районного съезда уполномоченных» с целью «разрешить вопрос о заготовке дров и о снабжении Тунгусской волости

продовольствием». Извещения о нём были разосланы на имя председателей сельских земских управ. Всего на конференции присутствовало 18 делегатов⁴⁰⁸.

От других партизанских отрядов могли тогда прислать своих представителей только партизаны отряда А.Кочнева. Остальные ближайшие отряды Хабаровского уезда находились к этому времени примерно в 120 километрах от д. Восторговки, в с. Сарапульском на Амуре и в районе р. Хор. Конференцию открыл её главный организатор П.Постышев. Именно ему И.Шевчук уступил перед тем «всю политико-агитационную работу на селе»⁴⁰⁹. Судя по воспоминаниям В.Николаева, речь П.Постышева можно считать типичным для того времени образчиком партизанской агитации среди крестьян.

Все экономические проблемы крестьян он объяснял преступной политикой Калмыковского режима. Даже в срыве заготовки дров для Хабаровска – основного заработка местных крестьян зимой – он обвинил атамана Калмыкова, хотя единственными виновниками этого были, безусловно, сами партизаны. Однако решающий аргумент он выложил напоследок, сообщив о том, что «в Сибири Красная армия теснит Колчака. В ближайшее время должен пасть Омск». (П.Постышев ещё не знал тогда, что Омск уже давно взят – Ю.Т.)

В завершении своей речи П.Постышев призвал крестьян вступать в партизанские отряды и беспощадно бороться с провокаторами и калмыковскими шпионами в деревнях. К тому же призвали делегатов и выступившие вслед за ним ещё несколько человек. В результате, конференция постановила оказать помощь партизанам оружием, продовольствием, одеждой и лошадьми, поддерживать с ними постоянную связь,

информировать их о передвижениях карателей, а в случае надобности, провести поголовную мобилизацию в партизанский отряд⁴¹⁰.

Кажется странным, что ни И.Шевчук, ни В.Николаев, ни кто-либо другой из авторов воспоминаний не упоминают в решениях конференции требования восстановления советской власти. Нигде не встречается даже самого этого термина. Между тем, подавляющая часть крестьянского населения региона относилась к категории новосёлов и, следовательно, – бедняков или, в лучшем случае, середняков. Однако факт есть факт. Есть все основания полагать, что крестьянство Тунгусской волости не ставило тогда перед собой задачи - во что бы то ни стало восстановить советскую власть.

Главной целью тунгусских крестьян, закреплённой решением Восторговской конференции, было, по выражению И.Шевчука, «объявить окончательную борьбу против бандитской власти»⁴¹¹, то есть против режима атамана Калмыкова. Дальше этого, судя по всему, крестьянская мысль в тот момент не шла, и даже П.Постышеву не удалось склонить представителей крестьянских обществ к выдвижению более радикальных лозунгов. Не сказали крестьяне тогда своего слова и против интервенции. Да и утверждение И.Шевчука о якобы принятом тогда решении не давать городу продуктов, дров, сена и прочего, не подтверждается свидетельствами В.Николаева. Вряд ли такой бойкот был в интересах самих крестьян.

Тем не менее, заявленная крестьянским съездом открытая поддержка партизанского движения в волости сыграла свою роль, и поток добровольцев в отряд И.Шевченко ещё более усилился. Через несколько

дней, к середине декабря, отряд насчитывал уже около 100 человек (в том числе 12 китайцев⁴¹²). Примерно 40 из них, по утверждению И.Шевчука, с 10 декабря были заняты перевозкой по ночам партизанских продовольственных баз, находившихся на островах реки Тунгуски, в более отдалённые места. Именно этот факт, по мнению И.Шевчука, вынудил атамана Калмыкова поспешить с высылкой карательной экспедиции в Тунгусский партизанский район.

Она появилась здесь 16 декабря⁴¹³. Дата эта, несомненно, дана в воспоминаниях И.Шевчука по новому стилю. Очевидно, он скорректировал её и другие связанные с ней даты по данным белогвардейских газет. К моменту неожиданного появления передовых сил белых в с. Архангеловке, там, помимо 40 партизан, занимавшихся вывозом продовольствия, находился сам И.Шевчук, П.Постышев, а также 12 бойцов отряда А.Кочнева, во главе со своим командиром, приехавшие накануне для урегулирования вопросов взаимодействия и в целях пополнения своих запасов овса. Ещё около 60 партизан располагались на основной базе отряда, в 4-х километрах от села⁴¹⁴.

События этого дня начались с нападения передового конного отряда белых рано утром на с. Архангеловку. Самому И.Шевчуку с трудом удалось на коне вырваться из окружения и, оторвавшись от погони, прискакать в свой отряд. Из оставшихся в селе партизан, 11 человек было захвачено белыми, 1 убит, а остальным удалось с боем отступить в лес. Добравшись до своего лагеря, И.Шевчук немедленно повёл партизан в контратаку, оказавшуюся совершенно неожиданной для казаков, которые бежали, не оказав никакого сопротивления, не успев не только забрать с собой

пленников, но и даже снять охрану при них⁴¹⁵.

Численность принимавших участие в этом бою калмыковских сил не известна, однако из описаний И.Шевчука можно сделать вывод, что в нападении участвовало не менее 3-х взводов казаков⁴¹⁶. Следовательно, это скорее всего была казачья сотня, подразделявшаяся тогда, как правило, на четыре взвода. Она отступила на юго-запад, в сторону ст. Ольгохта и в дальнейших событиях этого дня больше не участвовала.

В это время от станции Волочаевка к селу уже двигался второй отряд белых, который и попал в организованную И.Шевчуком засаду партизан. По утверждению И.Шевчука, этот отряд состоял из казачьей сотни и около 750 пехотинцев⁴¹⁷. Однако указанные им цифры не соответствуют действительности. По свидетельству бывшего подпольщика со станции Волочаевка Н.Слинько, весь отряд белогвардейцев разместился примерно на 50 крестьянских подводах⁴¹⁸. Вместимость каждой из них, помимо возчика, от 3-х до 5-ти человек. Таким образом, численность пехотного отряда составляла около 200 человек. Что же касается казачьей сотни, то об её участии в бою не упоминает ни один из авторов воспоминаний, включая и самого И.Шевчука.

Как пишет далее в своей книге И.Шевчук, «услышав о разгроме экспедиции в Архангеловке, население Тунгусского района произвело самомобилизацию. Целая армия крестьян шла для пополнения моего отряда в Архангельское»⁴¹⁹. Возможно, выступила на помощь и оставшаяся часть отряда Кочнева. Газеты того времени зафиксировали факт занятия д. Калиновки в ночь на 18 декабря отрядом партизан численностью в 43 человека⁴²⁰. Однако всего этого пополнения отряд Шевчука так и не успел тогда

получить, поскольку именно в этот момент началось новое наступление Калмыкова на базу партизан.

Не принимая боя, И.Шевчук, по его собственным словам, отвёл свой отряд из Архангеловки на базу А.Кочнева. Вместе с ним из Архангеловки ушло почти всё взрослое мужское население села. Хабаровская пресса сообщала тогда, что 18 декабря через д. Калиновку прошёл другой отряд красных до 300 человек с обозом и пулемётами⁴²¹ (пулемёт был захвачен при разгроме предыдущей экспедиции – Ю.Т.).

Село же Архангеловка калмыковцами и японцами было полностью разорено, 5 крестьянских хозяйств (в том числе и самого И.Шевчука) были сожжены, а 6 жителей деревни зверски казнены⁴²². Были захвачены и выданные кулаками почти все продовольственные базы Шевчука, продукты из которых белые вывозили в течение трёх суток. Сохранились лишь две базы, которых калмыковцам так и не удалось найти. На них хранилось полторы тысячи пудов овса⁴²³.

Потеря продовольственных баз и разорение Архангеловки сделало невозможным дальнейшее базирование увеличившегося численно отряда Шевчука в долине реки Тунгуски. В ответ на разгром своего села, он направил свой отряд в направлении Хабаровска, реквизируя по пути содержимое складов лесопильного завода в д. Николаевке, уничтожив несколько железнодорожных мостов между Волочаевкой и Хабаровском⁴²⁴ и захватив шедший в город обоз из 40 подвод с рыбой. Николаевку, по сообщениям газет, «красные» прошли в ночь на 19 декабря⁴²⁵.

Затем, через деревню Владимировку (напротив Хабаровска) отряд проследовал к селениям

Нижнеспасское и Верхнеспасское (теперь не существует) на Амуре, где и расположился на длительный отдых. Именно здесь существовал разрыв в сплошной цепи казачьих поселений на северном берегу Амура. Этим слабым местом в охране границы и решили воспользоваться партизаны. Около 18 суток ни белые, ни интервенты их здесь практически не беспокоили. Такая удивительная пассивность тех и других объясняется с одной стороны, временной потерей ими следа партизан, а с другой, пограничным расположением партизанского отряда, готового при малейшей опасности скрыться в соседний Китай, граница которого для войск атамана Калмыкова и располагавшихся на русской территории японских частей была закрыта.

Зато сами партизаны оказались желанными гостями на китайской стороне Амура. Как вспоминал И.Шевченко, «начальник китайского округа ... устроил банкет» сделавшему ему визит партизанскому командиру, «пригласил почётных купцов и доверенных чиновников» и заявил буквально следующее: «Я вместе с китайским народом сочувствую русской революции и пью за скорейшую победу народно-революционной армии». Затем начальник Иргинского округа «господин Ке-до» сам предложил И.Шевчуку «взаимообразно 80 пудов чумизы и 150 пудов муки»⁴²⁶. В другой своей работе И.Шевчук поясняет, что эти продукты были даны партизанам взаймы, до взятия Хабаровска⁴²⁷.

С этого момента территория Иргинского округа Китая стала надёжным тылом партизан, который охраняли от белых и японцев местные китайские войска. Там, в 30 верстах от границы, разместил И.Шевчук даже свой отрядный лазарет⁴²⁸.

Причинами столь явно выраженной поддержки

местными китайскими властями партизан были, по-видимому, несколько факторов. С одной стороны, - это чётко обозначившиеся победы Красной армии на всех фронтах гражданской войны и, особенно, в Сибири, где абсолютный крах колчаковской авантюры стал для всех совершенно очевиден. С другой, - практически полный паралич власти белогвардейских правительств по всему русскому Дальнему Востоку, где почти вся населённая территория, кроме городов, железнодорожных станций и казачьих районов, всё более прочно переходила под контроль партизан.

Последнее обстоятельство давало определённую выгоду и приграничным китайским торговцам, ослабляя пограничный контроль и расширяя, тем самым, возможности для контрабанды. Судя по всему, интересы китайских контрабандистов и защищал начальник округа господин Ке-до, предлагая свою помощь партизанам. Ведь именно через населённые пункты на границе, занимаемые теперь отрядом Шевчука, шёл основной поток контрабандных товаров в Хабаровск и его окрестности, а также на Нижний Амур. Пользовались услугами местных контрабандистов и сами партизаны. Не случайно И.Шевчук признаётся в своих воспоминаниях, что «я всех контрабандистов знал, они держали со мной связь, каждый день давали сведения о Калмыкове и городе»⁴²⁹.

Потоку контрабанды на этом направлении частично препятствовали таможенные заставы Калмыкова по Амуру и в устье Уссури. Возможно, их уничтожение и должно было стать платой партизан за право базироваться на китайской территории. Одна такая застава, в старообрядческом селе Верхнеспасском, отрядом Шевчука была ликвидирована ещё в сентябре. Оставались ещё две: в с. Владимировка и в казачьей

станции Казакевичево. Именно они и станут первыми объектами нападения партизан в январе.

3. Вопросы январско-февральских операций отряда И.Шевчука

Вопросы этих операций связаны, в первую очередь, с их датировкой. Нападение на ст. Казакевичево, по свидетельству самого И.Шевчука состоялась в ночь с 24 на 25 декабря по старому стилю, то есть на православное Рождество. По новому стилю это ночь с 6 на 7 января 1920 года. Однако данной операции непосредственно предшествовала ещё одна, о проведении которой И.Шевчук «забыл» упомянуть, вероятно, потому, что она вряд ли могла прибавить ему какой-либо военной славы. Речь идёт о разоружении таможенной заставы под д. Владимировкой. Один из её участников вспоминал, что успех был достигнут тем, что специально подсланные на заставу люди основательно «накачали» таможенников имевшимся там спиртом, после чего партизаны просто забрали у них всё оружие, лошадей и одежду, а затем направились в Казакевичево⁴³⁰.

Захваченная распах станица была полностью разоружена. В станичной управе изъяли около 30 тысяч патронов. Заодно ликвидировали почтово-телеграфную контору и таможенное правление, взяв оттуда 20 тысяч денег и много разного материала. Казаки также вынуждены были «подарить» отряду 150 пудов белой муки. Кроме того, там было «мобилизовано» партизанами 26 коней (часть своих лошадей отряду, к тому времени, пришлось обменять в Китае на продовольствие⁴³¹). Утром отряд Шевчука опять

вернулся в с. Верхнеспасское⁴³².

В это время на реке Тунгуске происходили новые благоприятные для партизан события. Посланный туда для окончательного искоренения партизан белогвардейский отряд неожиданно взбунтовался и, перебив своих офицеров, отправился из с. Восторговки (Нишнекуровки) к Амуру, искать отряд Шевчука. Объединение обоих отрядов произошло в станице Забелино, к западу от Верхнеспасского. Там И.Шевчук произвёл полную реорганизацию своих сил. Их численность, по его словам, достигла 900 человек (450 солдат-повстанцев и 450 партизан). И те и другие были равномерно распределены им по 6 ротам, в каждой из которых было образовано по 4 взвода, а во взводе – по 4 отделения. Кроме того, в отряде появились кавалерийский эскадрон, а также пулемётный и артиллерийский взводы. Последний имел на вооружении одно японское трёхдюймовое (75-миллиметровое – Ю.Т.) горное орудие, привезённое с собой повстанцами⁴³³.

Определённой перестройки потребовала и система управления отрядом. Собственно тунгусские партизаны в нём теперь составляли явное меньшинство (290 человек⁴³⁴). Нужны были новые средства поддержания дисциплины. И.Шевчуку совмещать обязанности судьи и командира отряда стало теперь слишком сложно. По-видимому, именно в это время при отряде был организован упомянутый в воспоминаниях Н.Слинько* ревтрибунал, председателем которого был избран он сам. Была выработана и специальная инструкция – нечто вроде дисциплинарного устава отряда. По её положениям, «за напрасный расстрел патронов виновные карались

---

* Н.Слинько появился в отряде уже в период его стоянки на Амуре.

вплоть до смертной казни, за первый раз пьянства – изгонялись из отряда, за систематическое пьянство – предавались суду ревтрибунала, за мародёрство ... или хулиганство в деревнях – смертная казнь. За маловажные проступки смещали в обоз или на другие хозяйственные работы»⁴³⁵.

После проведённой реорганизации отряда И.Шевчук принял решение перейти к активным боевым действиям против белых и интервентов. 1 января, то есть 14 января по новому стилю, его отрядом была вновь атакована ст. Ин. Несмотря на подавляющий перевес в численности (японский гарнизон составлял около 150 человек с 4 пулемётами), партизанам и в этот раз не удалось выбить японцев из занимаемой ими казармы. Даже 22 выстрела из орудия не смогли подавить огонь японских пулемётов. В разгар боя И.Шевчук был ранен в ногу и вынесен из зоны огня, после чего весь его отряд тоже отступил.

После этого боя отряд отошёл в с. Луговое. Передав командование отрядом бывшему калмыковскому старшему унтер-офицеру Ряскину, И.Шевчук с 10 кавалеристами уехал залечивать свою рану на китайскую территорию, в г. Иргу. Отряд, между тем, уже через три дня (то есть, видимо, 17 января. – Ю.Т.) был атакован японскими войсками с двух сторон (через Ин и Верхнеспасское) и, потеряв 17 человек убитыми, в беспорядке отступил. Две роты, под командованием Калыбина, ушли в районе станицы Надеждинской на китайскую территорию, после чего японцы тоже отошли.

На следующий день специальной японской экспедицией была сделана попытка захватить И.Шевчука на китайской территории, но, вовремя предупреждённый местными властями, он успел опять

выехать в район с. Верхнеспасское. После протеста, вынесенного начальником китайского Иргинского округа японскому командованию, оно вынуждено было вернуть назад свой отряд. Получив сведения, что отряд, оставленный под командованием Ряскина полностью дезорганизован и готов разойтись, И.Шевчук, несмотря на незалеченную рану, вынужден был вновь принять командование им на себя. К тому времени весь отряд уже опять располагался в с. Луговом. Оттуда он снова двинулся на с. Верхнеспасское, где к тому времени располагался японский гарнизон. Однако боя не произошло. Непосредственно перед появлением партизан японцы спешно покинули это село.

К этому времени разложение калмыковских и колчаковских войск продолжало стремительно набирать обороты. Толчком к развалу белой армии послужили события в Сибири. Ещё 21 декабря, в момент восстания в Черемхово, армия Колчака оказалась фактически отрезанной от Дальнего Востока и Забайкалья. Осознавая приближение катастрофы, адмирал Колчак 24 декабря передал всю военную власть на Дальнем Востоке атаману Семёнову, чего значительная часть колчаковских офицеров и солдат здесь по политическим и моральным соображениям принять не могла. В это же время, 23 декабря Калмыков объявляет новую мобилизацию уссурийских казаков, которая в сложившихся условиях тоже не встретила поддержки на местах. В ответ, с начала января, в казачьих станицах начинается движение против мобилизации.

Между тем, кризис белого режима продолжал нарастать. 4 января Колчак отказался от власти Верховного правителя России в пользу генерала Деникина. Этим он фактически расписывался в окончательном крахе своей авантюры. На следующий

день победило восстание в г. Иркутске, что поставило колчаковскую армию в Сибири под угрозу полного уничтожения. Слухи обо всех этих событиях волнами докатывались до Хабаровска, сея панику среди служителей и сторонников белого режима. Уже не только отдельные подразделения, но и целые воинские части, одна за другой, начинают переходить на сторону партизан.

18 января 1920 года в казачьем посёлке Кукелевском (на р. Уссури к западу от ст. Дормидонтовка) собрался Объединённый съезд рабочих, крестьянских, казачьих и партизанских депутатов 6 волостей Хабаровского уезда, на котором присутствовали и представители от 10 казачьих посёлков. Съезд принял решение об объединении крестьян с казаками и отказе казаков поддерживать Калмыкова, потребовал удаления из Приморья войск интервентов и избрал исполком уездного Совета⁴³⁶. С этого момента казаки тоже начинают открыто переходить на сторону партизан.

После довольно длительной стоянки отряда И.Шевчука в с. Верхнеспасском, к нему «из Аргунска приехали командиры вновь организованного казачьего партизанского отряда и просили принять командование обоими отрядами»⁴³⁷. В рукописи воспоминаний И.Шевчук приводит другое название этой станицы – Казаковичи-Когунское⁴³⁸. Видимо, всё же, речь здесь идёт о станице Аргунской на р. Уссури, к западу от ст. Хор (примерно в 60 километрах от Верхнеспасской по Амуру и Уссури).

После получения этого предложения, И.Шевчук приходит к мысли о необходимости немедленного совместного наступления всех партизанских отрядов на г. Хабаровск. Он даёт указание Аргунским казакам

действовать по его распоряжениям и держать с ним связь, а затем отправляет свой план наступления Бойко-Павлову и Кочневу. Сам же двинул свой отряд для занятия железной дороги от Инна до Покровки и на подступы к Хабаровску, сосредоточив главные силы в д. Владимировке на Амуре.

По пути к д. Владимировке, в с. Самаро-Орловке, в его отряд опять влились восставшие солдаты колмыковских войск в числе 250 человек. Они были посланы на Тунгуску, но на полпути между Николаевкой и Покровкой взбунтовались, перебили своих офицеров и решили идти к партизанам. Часть батальона ушла в отряд Кочнева (он был ближе), а часть – к И.Шевчуку⁴³⁹.

По-видимому, все эти события происходили в конце первой или начале второй декады февраля, поскольку вскоре после занятия партизанами железной дороги, по ней подошёл с запада эшелон японских войск, эвакуировавшихся из Амурской области. Решение же о начале их эвакуации было принято только 4 февраля. Эшелон этот в Хабаровск И.Шевчуком пропущен не был и вынужден был отправиться назад. В это время подготовка партизан к решающему наступлению на г. Хабаровск подходила к концу. Чтобы не допустить бегства атамана Калмыкова через китайскую границу, И.Шевчук отправил две своих роты к казачьему хутору Ново-Троицкому (между Красной речкой и Казакевичево. – Ю.Т.).

На следующий день после этого, 15 февраля, Калмыков со всеми оставшимися ему верными войсками (610 человек⁴⁴⁰) неожиданно вышел из города и атаковал партизан у Ново-Троицкой. После сильного боя калмыковцам удалось прорвать заслон и уйти к китайской границе, а затем по р. Уссури на юг.

И.Шевчук не стал преследовать его по пятам, а в ночь на 16 февраля выехал в Хабаровск, для переговоров о власти.

Переговоры начались утром в Земской управе. Вскоре туда же прибыли командиры посланных из Владивостока бывших колчаковских частей во главе с Булгаковым-Бельским. Не добившись соглашения с земством о передаче власти, командование партизан и повстанцев отправилось к командующему японскими экспедиционными силами в России генералу Ямада, который дал согласие на ввод в город только земских войск. Они были введены в город в тот же день, 16 февраля, вместе с партизанским отрядом Петрова-Тетерина, приехавшим вместе с ними из южного Приморья.

В тот же день, на партийном собрании, И.Шевчук был назначен «командующим всеми партизанскими экспедиционными войсками по преследованию и ликвидации Калмыкова». Он сразу же выслал по железной дороге две батареи из 6 орудий в район станции Котиково для организации заслона на реке Уссури, а сам погрузил свой отряд в эшелон и отправился к станции Верино, чтобы оттуда, опередив Калмыкова, выйти к ст. Аргунской на р. Уссури. Однако Калмыкову всё же удалось первым проскочить этот опасный для него участок. После суточной погони отряду И.Шевчука удалось вынудить Калмыкова перейти линию границы и углубиться на китайскую территорию, где он и был арестован затем китайскими властями⁴⁴¹. По другим данным, Калмыков вынужден был отступить на территорию Китая после боя с группировкой партизанских сил под с. Корсаково, где головную группу партизан составлял Дормидонтовский отряд Ф.И.Бусселя⁴⁴².

Отряд Шевчука вскоре после этого вернулся на Красную речку, откуда и вошёл в г. Хабаровск почти месяц спустя⁴⁴³.

Заключение

Если подпольные организации в Хабаровском крае начинают появляться вскоре после падения первых Советов и установления калмыковской диктатуры, то партизанское движение зарождается здесь только весной 1919 года. По содержанию его можно разделить на три основных периода. В первый период, с марта по август 1919 года, партизанское движение развивалось только в районах южнее Хабаровска, в долине нижнего течения реки Усури. В августе-ноябре оно распространилось также на долину реки Тунгуски и Нижний Амур. Решающие же успехи были достигнуты приамурскими партизанами с ноября 1919 по февраль 1920 года, когда их отряды продвинулись вниз по Амуру до самого устья, а также развернули активные действия вокруг Хабаровска и к югу от него, блокировав в последнем белогвардейскую группировку атамана Калмыкова и вынудив её основную часть, в конечном итоге, бежать в Китай.

В книге рассмотрены наиболее проблемные моменты партизанского движения в Хабаровском крае, исправлены многие ошибочные факты и положения. В частности, более точно определена последовательность смены мест базирования партизанских отрядов после отступления из долины реки Хор, а также их расположение. Сначала, не ранее 11 июня, они обосновались в деревнях Весёлый Кут и Михайловка, где к ним позже присоединился подошедший из Приморья отряд Бессонова, Тряпицина и Караваева. Здесь же от них отделился небольшой отряд Г.Мизина, первоначально состоявший в основном из бывших краснофлотцев, который с августа 1919 года стал действовать ниже Хабаровска непосредственно по реке

Амур. До осени этот отряд оперировал совершенно самостоятельно и независимо от партизанского штаба. С сентября между ним и Хабаровском начал проводить свои диверсионные операции ещё один «морской» отряд, под командованием И. Жукова, направленный в этот район штабом партизан. В октябре того же года от него отделился и стал действовать самостоятельно отряд Кочнева, располагавшийся по другую сторону Амура, напротив базы Амурской военной флотилии.

Оставшиеся в долине Хора партизаны были рассеяны прибывшим туда во второй половине июля карательным отрядом Калмыкова, после чего штаб отряда перебазировался в район д. Анастасьевка к востоку от г. Хабаровска. На состоявшейся 19 августа с партизанской конференции в д. Алексеевке, с участием представителей подпольной организации города, был восстановлен Ревштаб Хабаровского района, главную роль в котором стали играть теперь руководители городского подполья.

По решению этой конференции партизанские силы были не разбиты на мелкие отряды, как утверждает в современной историографии этого вопроса, а наоборот, объединены в один отряд. Решение же о его разделении было принято штабом только после отражения очередной карательной экспедиции калмыковцев в Хорский район в начале осени 1919 года.

Уточнена и дата следующей партизанской конференции в д. Анастасьевке. Она состоялась не 1-2 ноября, как считалось до сих пор, а вероятнее всего 12 ноября 1919 года. На этой конференции было принято решение разделить партизанские силы на две неравные части, меньшую из которых послать вниз по Амуру для мобилизации ресурсов этого района в целях снабжения оставшихся под Хабаровском партизан. Только после

поражения в конце ноября 1919 года основного отряда и потери Оборской продовольственной базы, партизанский штаб тоже перешёл на Нижний Амур, а отряду Тряпицина было поручено как можно дальше продвинуться в сторону Николаевска-на-Амуре. Вплоть до занятия этим отрядом п. Мариинского, он действовал по заданиям ревштаба Хабаровского района и получал от него подкрепления. К дальнейшему сепаратизму руководство отряда Тряпицина подтолкнули большая удалённость от него районного штаба, не позволявшая последнему оперативно управлять действиями партизан в низовьях Амура, а также переход на сторону партизан в п. Мариинском целого белого батальона, вооружения и материальных припасов которого вполне хватало для продолжения наступления непосредственно на г. Николаевск-на-Амуре исключительно собственными силами.

Имели место также существенные отличия в социальном характере и политической направленности деятельности разных партизанских группировок на территории края. Так, отряд И.Шевчука, в отличие от всех остальных, оперировавших в то время вокруг г. Хабаровска, первоначально являлся типичным крестьянским отрядом самообороны и вплоть до октября 1919 года диверсионной деятельностью совершенно не занимался. В течение всего периода существования этого отряда им не было предпринято никаких попыток восстановить на подконтрольной ему территории Советы или организовать какие-либо другие революционные органы власти в деревнях. И.Шевчук ограничился лишь сосредоточением в своих руках высшей судебной власти в районе, причём пользовался ею крайне осторожно, стараясь выступать защитником интересов не только партизан, но и в целом всех

местных крестьян.

На Нижнем Амуре штаб Бойко-Павлова наоборот заменил все местные самоуправления назначенными им Военно-революционными комитетами из числа местных сторонников партизан. Цель их создания – обеспечение контроля штаба над относительно зажиточным старожильческим населением этого района и мобилизации его ресурсов для продолжения партизанской борьбы. В то же время политика штаба Тряпицина в низовьях Амура была совершенно иной. Он сознательно взял курс на полное восстановление Советской власти в форме, существовавшей здесь в 1918 году, плохо поддающейся тотальному контролю со стороны партии большевиков.

В целом партизанское движение в южной части современного Хабаровского края, продолжавшееся с марта 1919 по февраль 1920 года, имело значительно меньший размах и силу, чем в соседних с ним Амурской области и Приморском крае. Главными причинами этого были сравнительно невысокая численность населения и относительно низкий уровень благосостояния в основном новосельческого и промыслового по типу своей хозяйственной деятельности местного крестьянства, зависимого от ввоза продовольствия из земледельческих районов Дальнего Востока и потому не способного самостоятельно содержать большое количество партизан.

Тем не менее, и здесь, как и в других частях Дальнего Востока, партизанское движение сыграло свою важную роль в ходе и исходе гражданской войны. Оно сковало располагавшиеся в Хабаровске силы белогвардейцев, не позволив перебросить даже часть из них на колчаковский фронт.

-
- ¹ Елизарова Е.И., Чернышова В.И. Из истории Хабаровской городской партийной организации (1917-1922). / Дальний Восток. 1962. № 2
- ² Там же. С.164-166
- ³ Ксения Постолюнская. Большеви́стское подполье в Хабаровске. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.159
- ⁴ Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.118
- ⁵ Ксения Постолюнская. Большеви́стское подполье в Хабаровске. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.159-162
- ⁶ Ксения Постолюнская. Большеви́стское подполье в Хабаровске. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.162
- ⁷ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.47, 48
- ⁸ Цитируется по: Елизарова Е.И., Чернышова В.И. Из истории Хабаровской городской партийной организации (1917-1922). / Дальний Восток. 1962. № 2. С.164
- ⁹ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.55
- ¹⁰ М.М.Гуртов. Интервенты захватывают Амурскую флотилию. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.40; Гуртов. Моряки-коммунисты в борьбе за Советы на Дальнем Востоке. / Дальистпарт. Кн.3. Владивосток, 1925. С.91
- ¹¹ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.49
- ¹² Далёкая окраина. 1919. 13 февраля. С.3
- ¹³ Голионко. Из кошмара колчаковщины. 1924 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.323. Л.28
- ¹⁴ Лаптев. Воспоминания о революционном движении в Сахалинской области. / ГАХК Ф.П-44. Оп.1. Д.329. Л.26
- ¹⁵ Далёкая окраина. 1919. 13 февраля. С.3
- ¹⁶ Михаил Попко. Беспримерная стойкость. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.201
- ¹⁷ Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.127
- ¹⁸ Ксения Постолюнская. Большеви́стское подполье в Хабаровске. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.163
- ¹⁹ Голос максималиста. 1920. № 11. 7 ноября. С.25, 26
- ²⁰ Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.117

-
- ²¹ Цитируется по: Елизарова Е.И., Чернышова В.И. Из истории Хабаровской городской партийной организации (1917-1922). / Дальний Восток. 1962. № 2. С.167
- ²² Ксения Постоловская. Большевистское подполье в Хабаровске. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.163
- ²³ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.52
- ²⁴ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.65
- ²⁵ Ксения Постоловская. Большевистское подполье в Хабаровске. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.161
- ²⁶ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.65
- ²⁷ Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.127
- ²⁸ Михаил Попко. Беспримерная стойкость. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.200
- ²⁹ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.47
- ³⁰ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.58
- ³¹ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.126
- ³² Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.58
- ³³ П.Д.Слободчиков. Объединение. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.71
- ³⁴ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.58
- ³⁵ Воспоминания Истомина. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.50
- ³⁶ Воспоминания Истомина. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.49
- ³⁷ Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.126
- ³⁸ Воспоминания Истомина. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179.

-
- Л.51
- 39 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.58, 59
- 40 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.59
- 41 Рецензия с статье т.Бойко-Павлова Д. «Партизанская борьба в Приамурье». / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.170. Л.124
- 42 Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.48
- 43 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.60
- 44 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.58
- 45 ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.62
- 46 Воспоминания Истомина. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.51
- 47 Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.128
- 48 История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1. Владивосток, 2003. С.322
- 49 Амурское слово. 1919. 5 сентября. С.4
- 50 ГАХК Ф.1500. Оп.1. Д.8. Л.4
- 51 Воспоминания Истомина. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.51
- 52 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.59
- 53 ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.64
- 54 Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.126
- 55 П.Д.Слободчиков. Объединение. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.72
- 56 Воспоминания Попко. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.5
- 57 Воспоминания Истомина. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.51, 52
- 58 С.Д.Чихунов. Хорский бой. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.72,73; Гуртов. Моряки-коммунисты в борьбе

-
- за Советы на Дальнем Востоке. / Дальистпарт. Кн.3.
Владивосток, 1925. С.91
- 59 Ф.Т.Самойлов. Первая партизанская база. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.80-85
- 60 Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.129
- 61 Приамурская жизнь. 1919. 8, 12 июня
- 62 Воспоминания Попко. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.5
- 63 Демьян Бойко-Павлов. Как мы побеждали. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.208
- 64 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.61
- 65 С.Д.Чихунов. Хорский бой. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.73
- 66 Демьян Бойко-Павлов. Как мы побеждали. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.208
- 67 ГАХК Ф.1500. Оп.1. Д.8. Л.5
- 68 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.60
- 69 П.Е.Ивахниншин. Отступление. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.75
- 70 Ф.Т.Самойлов. Первая партизанская база. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.85
- 71 П.Е.Ивахниншин. Отступление. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.75
- 72 Воспоминания Истомина. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.52
- 73 Демьян Бойко-Павлов. Как мы побеждали. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.207
- 74 Воспоминания Попко. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.5
- 75 Приамурская жизнь. 1919. 28 мая. С.1
- 76 Воспоминания Истомина. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.52
- 77 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.61
- 78 ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.64
- 79 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957.

-
- С.61, 62
- 80 Воспоминания Попко. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.5
- 81 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в
Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957.
С.62
- 82 Рассказ т.Мельникова В.Е. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.323. Л.126
- 83 Приамурская жизнь. 1919. 8, 12 июня
- 84 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в
Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957.
С.62, 63
- 85 Воспоминания Попко. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.5, 6;
Михаил Попко. Беспрецедентная стойкость. / Таёжные походы.
Хабаровск, 1972. С.201, 202
- 86 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в
Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957.
С.63, 64
- 87 Приамурская жизнь. 1919. 8 июня
- 88 Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.129, 130
- 89 Воспоминания Попко. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.6
- 90 Ф.Т.Самойлов. Первая партизанская база. / Эхо партизанских
сопок. Хабаровск, 1973. С.85-89
- 91 ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.65
- 92 Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт.
Кн.2. Владивосток, 1924. С.126
- 93 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в
Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957.
С.64
- 94 Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.129
- 95 Воспоминания Попко. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.6;
Михаил Попко. Беспрецедентная стойкость. / Таёжные походы.
Хабаровск, 1972. С.202
- 96 Амурское слово. 1919. 5 сентября. С.4
- 97 Приамурская жизнь. 1919. 8 июня
- 98 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в
Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957.
С.65
- 99 Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в
Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957.
С.64
- 100 Демьян Иванович Бойко-Павлов. Таёжная конференция. / Эхо

-
- партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.90-92
- ¹⁰¹ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.126
- ¹⁰² Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.64
- ¹⁰³ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.127
- ¹⁰⁴ Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.130
- ¹⁰⁵ Михаил Попко. Беспримерная стойкость. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.202
- ¹⁰⁶ Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.130
- ¹⁰⁷ Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.129
- ¹⁰⁸ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.62
- ¹⁰⁹ Рассказ т.Мельникова В.Е. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.323. Л.127
- ¹¹⁰ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.127
- ¹¹¹ Демьян Бойко-Павлов. Как мы побеждали. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.209
- ¹¹² Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.129, 130
- ¹¹³ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.127
- ¹¹⁴ Билибин. Восточный фронт. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.92
- ¹¹⁵ Воспоминания Никитчуковой. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.12
- ¹¹⁶ Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.130
- ¹¹⁷ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.127
- ¹¹⁸ Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.44-об.
- ¹¹⁹ Воспоминания Никитчуковой. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.12-15
- ¹²⁰ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.48
- ¹²¹ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.48
- ¹²² Воспоминания Никитчуковой. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179.

-
- Л.12-16
- ¹²³ Демьян Иванович Бойко-Павлов. Таёжные конференции. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.93
- ¹²⁴ Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.131; История Дальнего Востока России. Кн.3. Т.1. Владивосток, 2003. С.323
- ¹²⁵ Г.Ф.Манжула. В районе Корфовской. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.141
- ¹²⁶ Воспоминания Никитчуковой. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.16
- ¹²⁷ Г.Ф.Манжула. В районе Корфовской. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.141
- ¹²⁸ Михаил Попко. Беспримерная стойкость. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.202, 203
- ¹²⁹ Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.131
- ¹³⁰ Михаил Попко. Беспримерная стойкость. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.203
- ¹³¹ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.67
- ¹³² Демьян Иванович Бойко-Павлов. Таёжные конференции. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.93
- ¹³³ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.127
- ¹³⁴ Демьян Бойко-Павлов. Как мы побеждали. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.209, 210
- ¹³⁵ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.127, 128
- ¹³⁶ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.183, 185
- ¹³⁷ Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.65
- ¹³⁸ ГАХК Ф.1500. Оп.1. Д.8. Л.2, 3
- ¹³⁹ Ф.Т.Самойлов. Первая партизанская база. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.88, 89; ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.65
- ¹⁴⁰ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.130; ГАХК Ф.1500. Оп.1. Д.8. Л.4
- ¹⁴¹ Демьян Иванович Бойко-Павлов. Таёжные конференции. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.90
- ¹⁴² Д.И.Бойко-Павлов. Как зарождалось партизанское движение в

-
- Приамурье. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.65, 66; Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.128, 129
- 143 ГАХК Ф.1500. Оп.1. Д.8. Л.1
- 144 Наш край. 1919. 15 августа. С.1
- 145 Наш край. 1919. 20 августа. С.4
- 146 Наш край. 1919. 3 октября. С.4
- 147 Наш край. 1919. 28 августа. С.4
- 148 Воспоминания Белоцеева Г.Е./ Дневник воспоминаний «Партизанское движение на Амуре». / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.150-об.
- 149 Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.44
- 150 Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.44
- 151 Наш край. 1919. 29 августа. С.1
- 152 Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.44-об
- 153 И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.178; Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.44
- 154 Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.44
- 155 Рассказ т.Мельникова В.Е. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.323. Л.127
- 156 Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.44
- 157 Наш край. 1919. 5 сентября. С.1
- 158 И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.178-181
- 159 Наш край. 1919. 7 сентября. С.4
- 160 Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.44-об
- 161 Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.44-об; И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.181
- 162 Воспоминания Белоцеева Г.Е./ Дневник воспоминаний «Партизанское движение на Амуре». / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.150-об; Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.44-об

-
- ¹⁶³ Воспоминания Белоцеева Г.Е./ Дневник воспоминаний «Партизанское движение на Амуре». / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.150-об
- ¹⁶⁴ Воспоминания Белоцеева Г.Е./ Дневник воспоминаний «Партизанское движение на Амуре». / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.150-об; Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.44-об
- ¹⁶⁵ Наш край. 1919. 13 октября. С.4
- ¹⁶⁶ ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.38
- ¹⁶⁷ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этим дням не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.184, 185
- ¹⁶⁸ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.52
- ¹⁶⁹ Г.Ф.Манжула. В районе Корфовской. / Этим дням не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.141
- ¹⁷⁰ Наш край. 1919. 10 октября. С.4
- ¹⁷¹ Г.Ф.Манжула. В районе Корфовской. / Этим дням не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.141, 142
- ¹⁷² Г.Ф.Манжула. В районе Корфовской. / Этим дням не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.142
- ¹⁷³ Остапенко. Бойко-Павлова отряд. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.119
- ¹⁷⁴ Демьян Бойко-Павлов. Как мы побеждали. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.209
- ¹⁷⁵ Г.Ф.Манжула. В районе Корфовской. / Этим дням не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.153
- ¹⁷⁶ Остапенко. Бойко-Павлова отряд. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.119
- ¹⁷⁷ Г.Ф.Манжула. В районе Корфовской. / Этим дням не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.153
- ¹⁷⁸ Воспоминания Федотенко. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.21, 22
- ¹⁷⁹ ГАХК Ф.1500. Оп.1. Д.8. Л.6
- ¹⁸⁰ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этим дням не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.183
- ¹⁸¹ Воспоминания неизвестного автора. / ГАХК Ф.П-44. Оп.1. Д.329. Л.246
- ¹⁸² ГАХК Ф.1500. Оп.1. Д.8. Л.15
- ¹⁸³ И.Н.Семикоровкин. О боевом прошлом. / Этим дням не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.78-80

-
- 184 Воспоминания неизвестного автора. / ГАХК Ф.П-44. Оп.1.
Д.329. Л.246
- 185 Наш край. 1919. 15 сентября. С.4
- 186 Наш край. 1919. 29 сентября. С.4
- 187 Наш край. 1919. 24 сентября. С.1
- 188 Наш край. 1919. 3 октября. С.4
- 189 Наш край. 1919. 10 октября. С.4
- 190 Наш край. 1919. 13 октября. С.4
- 191 Наш край. 1919. 29 октября. С.1
- 192 Наш край. 1919. 29 октября. С.1
- 193 Г.Ф.Манжула. В районе Корфовской. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.154
- 194 Демьян Иванович Бойко-Павлов. Таёжные конференции. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.96
- 195 И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.186; Д.Бузин. Рецензия к статье Бойко-Павлова Д. «Партизанская борьба в Приамурье». 1935г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.170. Л.128
- 196 Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.129
- 197 Остапенко. Бойко-Павлова отряд. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.119
- 198 Демьян Иванович Бойко-Павлов. Таёжные конференции. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.96
- 199 Д.Бузин. Рецензия к статье Бойко-Павлова Д. «Партизанская борьба в Приамурье». 1935г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.170. Л.127; Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.56
- 200 Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.56
- 201 Д.Бузин. Рецензия к статье Бойко-Павлова Д. «Партизанская борьба в Приамурье». 1935г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.170. Л.127
- 202 Остапенко. Бойко-Павлова отряд. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.119
- 203 И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.186
- 204 Демьян Иванович Бойко-Павлов. Таёжные конференции. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.98
- 205 Наш край. 1919. 28 декабря. С.4

-
- ²⁰⁶ Демьян Иванович Бойко-Павлов. Таёжные конференции. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.98
- ²⁰⁷ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.129; И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.186
- ²⁰⁸ Демьян Иванович Бойко-Павлов. Таёжные конференции. / Эхо партизанских сопок. Хабаровск, 1973. С.96
- ²⁰⁹ Остапенко. Бойко-Павлова отряд. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.119
- ²¹⁰ Цитируется по: Д.Бузин. Рецензия к статье Бойко-Павлова Д. «Партизанская борьба в Приамурье». 1935г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.170. Л.127
- ²¹¹ П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.198
- ²¹² Приамурская жизнь. 1919. 8 ноября. С.3
- ²¹³ П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.195
- ²¹⁴ Приамурская жизнь. 1919. 9 декабря. С.3; Наш край. 1919. 28 декабря. С.4
- ²¹⁵ Остапенко. Бойко-Павлова отряд. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.119
- ²¹⁶ Александр Маловечкин. Бузучастных не было. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.226
- ²¹⁷ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.129
- ²¹⁸ П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.195
- ²¹⁹ Воспоминания Белоцеева Г.Е./ Дневник воспоминаний «Партизанское движение на Амуре». / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.152
- ²²⁰ Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.45
- ²²¹ Воспоминания Белоцеева Г.Е./ Дневник воспоминаний «Партизанское движение на Амуре». / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.152
- ²²² П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.194
- ²²³ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.130
- ²²⁴ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава.

-
- Хабаровск, 1957. С.185
- 225 Воспоминания М.Попко. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.7
- 226 Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.131
- 227 Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.130
- 228 Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.134
- 229 Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.130, 131
- 230 Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.123
- 231 Остапенко. Бойко-Павлова отряд. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.120
- 232 Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.130-132
- 233 Остапенко. Бойко-Павлова отряд. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.120
- 234 Воспоминания Федотенко. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.21, 22
- 235 Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.69; Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.132
- 236 Остапенко. Бойко-Павлова отряд. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.121
- 237 Остапенко. Бойко-Павлова отряд. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.121; Воспоминания Федотенко. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.22
- 238 Лавренков. Бой с японцами на Чёрной речке. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.323. Л.82-83
- 239 Остапенко. Бойко-Павлова отряд. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.121
- 240 Лавренков. Бой с японцами на Чёрной речке. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.323. Л.83-84-об
- 241 Борьба за Советский Дальний Восток (1918-1922 гг.). Дальгиз, 1938. С.69
- 242 И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.185; И.Н.Семикиоровкин. Партизанский отряд А.Н.Кочнева. / Гражданская война на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Воспоминания ветеранов. Москва, 1973. С.205

-
- 243 И.Н.Семикировкин. Партизанский отряд А.Н.Кочнева. / Гражданская война на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Воспоминания ветеранов. Москва, 1973. С.205, 206
- 244 И.Н.Семикировкин. О боевом прошлом. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.81
- 245 И.Н.Семикировкин. О боевом прошлом. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.84, 85
- 246 ГАХК Ф.1500. Оп.1. Д.8. Л.15
- 247 ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.61
- 248 ГАХК Ф.1500. Оп.1. Д.8. Л.3
- 249 Наш край. 1919. 25 декабря. С.1
- 250 ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.61
- 251 Демьян Бойко-Павлов. Как мы побеждали. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.211
- 252 Голионко В.П. В огне борьбы. Москва, 1958. С.134
- 253 История Дальнего Востока России. Кн.1. Т.3. Владивосток, 2003. С.348
- 254 Д.Бузин. Рецензия к статье Бойко-Павлова Д. «Партизанская борьба в Приамурье». 1935г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.170. Л.128
- 255 Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.57
- 256 Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.57
- 257 Д.Бузин. Рецензия к статье Бойко-Павлова Д. «Партизанская борьба в Приамурье». 1935г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.170. Л.127, 128
- 258 И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.187
- 259 П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.196
- 260 Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.58-60
- 261 Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.61
- 262 Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.45
- 263 Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.131
- 264 Дмитрий Бузин-Бич. Интервенты хозяйничают. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.229, 230

-
- ²⁶⁵ Воспоминания И.Т.Кудрявцева. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.116
- ²⁶⁶ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.188-191
- ²⁶⁷ П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.196
- ²⁶⁸ П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.196
- ²⁶⁹ Михаил Попко. Беспримерная стойкость. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.204
- ²⁷⁰ Воспоминания Борисонова. 1933 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.239
- ²⁷¹ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.61
- ²⁷² Михаил Попко. Беспримерная стойкость. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.204
- ²⁷³ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.190, 191
- ²⁷⁴ Михаил Попко. Беспримерная стойкость. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.204
- ²⁷⁵ Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.45
- ²⁷⁶ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.191
- ²⁷⁷ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.62
- ²⁷⁸ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.131
- ²⁷⁹ Д.Бузин. Рецензия к статье Бойко-Павлова Д. «Партизанская борьба в Приамурье». 1935г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.170. Л.128
- ²⁸⁰ П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.195
- ²⁸¹ Д.Бузин. Рецензия к статье Бойко-Павлова Д. «Партизанская борьба в Приамурье». 1935г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.170. Л.127
- ²⁸² Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.62
- ²⁸³ Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.45
- ²⁸⁴ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.192

-
- ²⁸⁵ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.62
- ²⁸⁶ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.133
- ²⁸⁷ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.131
- ²⁸⁸ Воспоминания Попко. 1929 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.179. Л.7
- ²⁸⁹ Воспоминания Борисонова. 1933 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.239
- ²⁹⁰ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.189
- ²⁹¹ Воспоминания Борисонова. 1933 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.240
- ²⁹² Воспоминания Борисонова. 1933 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.239
- ²⁹³ Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.45
- ²⁹⁴ Воспоминания И.Бирзова (Кацубы). 1931 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.136-об; Воспоминания Долгова. 1931 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.119
- ²⁹⁵ Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.45-46
- ²⁹⁶ П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.199
- ²⁹⁷ Дмитрий Бузин-Бич. Интервенты хозяйничают. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.230
- ²⁹⁸ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.132
- ²⁹⁹ Билибин. Восточный фронт (Хабаровский). 1919-1920 гг. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.96
- ³⁰⁰ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.132
- ³⁰¹ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.57
- ³⁰² Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.132, 133
- ³⁰³ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.133
- ³⁰⁴ Безсонов. Борьба за власть Советов в Приморье. / Дальистпарт. Кн.2. Владивосток, 1924. С.133

-
- ³⁰⁵ В.Смоляк. Из истории борьбы большевиков за Советскую власть в низовьях Амура (ноябрь 1919 — июнь 1920 гг.). / Военно-исторический журнал. 1972. № 8
- ³⁰⁶ Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.722
- ³⁰⁷ Д.Бузин. Рецензия к статье Бойко-Павлова Д. «Партизанская борьба в Приамурье». 1935г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.170. Л.127
- ³⁰⁸ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.62, 63
- ³⁰⁹ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.63, 68
- ³¹⁰ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.68
- ³¹¹ Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.46
- ³¹² П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.199, 200; Дмитрий Бузин-Бич. Интервенты хозяйничают. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.230
- ³¹³ Д.Бузин. Рецензия к статье Бойко-Павлова Д. «Партизанская борьба в Приамурье». 1935г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.170. Л.127
- ³¹⁴ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.65
- ³¹⁵ Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.45-об
- ³¹⁶ Воспоминания И.Бирзова (Кацубы). 1931 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.140
- ³¹⁷ Дмитрий Бузин-Бич. Интервенты хозяйничают. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.231; Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.46, 46-об
- ³¹⁸ П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.200
- ³¹⁹ Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.46, 46-об
- ³²⁰ Булатов Д. Партизанское движение в низовьях Амура в 1918-1920 гг. / Дальистпарт. Кн.1. Чита-Владивосток, 1923. С.75
- ³²¹ Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.46-об
- ³²² Воспоминания Белоцеева Г.Е./ Дневник воспоминаний «Партизанское движение на Амуре». / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329.

Л.154, 154-об

³²³ Дмитрий Бузин-Бич. Интервенты хозяйничают. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.233

³²⁴ Стрельцов-Курбатов. Партизанское движение в низовьях Амура. 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.47

³²⁵ Дмитрий Бузин-Бич. Интервенты хозяйничают. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.233

³²⁶ Архипов С.Ф.. Воспоминания о партизанском движении в Сахалинской области. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.34

³²⁷ Архипов С.Ф.. Воспоминания о партизанском движении в Сахалинской области. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.34

³²⁸ П.Д.Малаев. Партизанский поход в низовья Амура. / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С.201

³²⁹ Дмитрий Бузин-Бич. Интервенты хозяйничают. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.234

³³⁰ Архипов С.Ф.. Воспоминания о партизанском движении в Сахалинской области. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.34; Падеров М. Мои воспоминания (Николаевские дни). 1930 г. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.96

³³¹ Д.С.Бузин (Бич). Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура. 1919-1920 гг. / Революция на Дальнем Востоке. Вып.1. М.,Птгд, 1923. С. 12

³³² Д.С.Бузин (Бич). Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура. 1919-1920 гг. / Революция на Дальнем Востоке. Вып.1. М.,Птгд, 1923. С. 12

³³³ Д.С.Бузин (Бич). Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура. 1919-1920 гг. / Революция на Дальнем Востоке. Вып.1. М.,Птгд, 1923. С. 12

³³⁴ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.193, 194

³³⁵ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.194

³³⁶ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.194

³³⁷ И.Ф.Жуков. По Амурским сёлам. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.194

³³⁸ Д.С.Бузин (Бич). Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура. 1919-1920 гг. / Революция на Дальнем Востоке. Вып.1. М.,Птгд, 1923. С.9

³³⁹ Д.С.Бузин (Бич). Партизанско-повстанческое движение в

-
- низовьях реки Амура. 1919-1920 гг. / Революция на Дальнем Востоке. Вып.1. М.,Птгд, 1923. С.9, 10, 13
- ³⁴⁰ Архипов С.Ф.. Воспоминания о партизанском движении в Сахалинской области. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.329. Л.34
- ³⁴¹ История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1. Владивосток, 2003. С.322
- ³⁴² И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.50
- ³⁴³ С.Н.Капулин. В отряде Шевчука. / Этим дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.155-157
- ³⁴⁴ Николай Зубишин. Пополнение. /Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.184
- ³⁴⁵ Николай Слинько. Это был революционный фронт. /Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.187, 188
- ³⁴⁶ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.50
- ³⁴⁷ Николай Слинько. Это был революционный фронт. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.189-191
- ³⁴⁸ Сергей Вележев. Комиссар и командир. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.181
- ³⁴⁹ Николай Зубишин. Пополнение. /Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.186
- ³⁵⁰ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.48
- ³⁵¹ С.Н.Капулин. В отряде Шевчука. / Этим дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.156
- ³⁵² И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.48
- ³⁵³ Автобиография т.Шевчука И.П. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.65
- ³⁵⁴ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.49
- ³⁵⁵ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.49
- ³⁵⁶ Николай Слинько. Это был революционный фронт. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.188
- ³⁵⁷ С.Н.Капулин. В отряде Шевчука. / Этим дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.156, 157
- ³⁵⁸ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.49
- ³⁵⁹ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.50
- ³⁶⁰ Нащ край. 1919. 15 и 20 августа
- ³⁶¹ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.50, 51
- ³⁶² Николай Зубишин. Пополнение. /Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.184
- ³⁶³ С.Н.Капулин. В отряде Шевчука. / Этим дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.158
- ³⁶⁴ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.52

-
- ³⁶⁵ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.52
- ³⁶⁶ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.57
- ³⁶⁷ Приамурская жизнь. 1919. 29 октября. С.4
- ³⁶⁸ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.16
- ³⁶⁹ Николай Нестеренко. Кто нас звал на борьбу. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.196; Николай Зубишин. Пополнение. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.185
- ³⁷⁰ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.23
- ³⁷¹ Николай Зубишин. Пополнение. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.185
- ³⁷² ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.70. Л.56-59
- ³⁷³ ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.70. Л.58, 59
- ³⁷⁴ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.53, 54
- ³⁷⁵ Дополнения А.Флегонтова к воспоминаниям И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.74
- ³⁷⁶ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.21
- ³⁷⁷ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.16
- ³⁷⁸ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.17
- ³⁷⁹ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.44, 45
- ³⁸⁰ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.45
- ³⁸¹ Сергей Вележев. Комиссар и командир. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.181-183; Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.21-23
- ³⁸² Иван Шевчук. 1-й Тунгусский отряд. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.172, 173
- ³⁸³ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.77
- ³⁸⁴ Николай Зубишин. Пополнение. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.185
- ³⁸⁵ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.59
- ³⁸⁶ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.16
- ³⁸⁷ Приамурская жизнь. 1919. 13 декабря. С.4
- ³⁸⁸ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.17
- ³⁸⁹ Наш край. 1919. 26 ноября. С.4
- ³⁹⁰ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.64-66
- ³⁹¹ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.17
- ³⁹² Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.17, 18
- ³⁹³ Иван Шевчук. 1-й Тунгусский отряд. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.172; Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.18
- ³⁹⁴ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.74

-
- ³⁹⁵ Николай Нестеренко. Кто нас звал на борьбу. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.196
- ³⁹⁶ Иван Шевчук. 1-й Тунгусский отряд. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.172
- ³⁹⁷ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.74
- ³⁹⁸ Николай Нестеренко. Кто нас звал на борьбу. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.196
- ³⁹⁹ Николай Зубишин. Пополнение. /Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.185
- ⁴⁰⁰ Иван Шевчук. 1-й Тунгусский отряд. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.172
- ⁴⁰¹ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.75
- ⁴⁰² Иван Шевчук. 1-й Тунгусский отряд. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.172
- ⁴⁰³ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.21
- ⁴⁰⁴ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.21
- ⁴⁰⁵ Николай Зубишин. Пополнение. /Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.186
- ⁴⁰⁶ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.21-23
- ⁴⁰⁷ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.23
- ⁴⁰⁸ В.Николаев. Тунгусский съезд трудящихся. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.181. Л.1
- ⁴⁰⁹ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.21
- ⁴¹⁰ В.Николаев. Тунгусский съезд трудящихся. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.181. Л.1-5
- ⁴¹¹ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.23
- ⁴¹² Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.30
- ⁴¹³ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.24
- ⁴¹⁴ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.25, 26
- ⁴¹⁵ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.26, 27
- ⁴¹⁶ Иван Шевчук. 1-й Тунгусский отряд. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.174, 175
- ⁴¹⁷ Иван Шевчук. 1-й Тунгусский отряд. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.175
- ⁴¹⁸ Николай Слинко. Это был революционный фронт. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С.190
- ⁴¹⁹ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.81
- ⁴²⁰ Наш край. 1919. 25 декабря. С.3
- ⁴²¹ Наш край. 1919. 25 декабря. С.3, 4
- ⁴²² Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.33;

-
- С.Н.Капулин. В отряде Шевчука. / Этих дней не смолкнет слава.
Хабаровск, 1957. С.166
- ⁴²³ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.33
- ⁴²⁴ Иван Шевчук. 1-й Тунгусский отряд. / Таёжные походы.
Хабаровск, 1972. С.178
- ⁴²⁵ Наш край. 1919. 25 декабря. С.4
- ⁴²⁶ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.83, 84
- ⁴²⁷ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.35
- ⁴²⁸ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.37
- ⁴²⁹ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.42
- ⁴³⁰ Воспоминания бывших красных партизан. 1929 г. / ГАХК Ф.44.
Оп.1. Д.179. Л.73
- ⁴³¹ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.36
- ⁴³² И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.85, 86
- ⁴³³ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.87, 88
- ⁴³⁴ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.87
- ⁴³⁵ Николай Слинко. Это был революционный фронт. / Таёжные
походы. Хабаровск, 1972. С.191
- ⁴³⁶ История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1. Владивосток, 2003.
С.346
- ⁴³⁷ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.96
- ⁴³⁸ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.45
- ⁴³⁹ И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.96, 97
- ⁴⁴⁰ История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1. Владивосток, 2003.
С.348
- ⁴⁴¹ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.48;
И.П.Шевчук. Восьмой Тунгусский. Дальгиз, 1939. С.98, 99
- ⁴⁴² Документы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке.
/ ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.172. Л.61, 62
- ⁴⁴³ Воспоминания И.Шевчука. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.186. Л.48

Лицензия ЛР № 040326 от 19 декабря 1997 г.
Подписано в печать 18.02.13. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная.
Отпечатано на дупликаторе. Усл. печ. л. 9,4. Уч.-изд. л. 9,4.
Тираж 66 экз. Заказ 3063

Издательство Благовещенского государственного
педагогического университета.
Типография Благовещенского гос. пед. университета 675000,
Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Ленина, 104